

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (41)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (41), 2019**

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (41)
the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**
№ 2 (41), 2019

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l   b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Самоидентификация черкесских князей и их место в системе геральдических символов Евразии	7
<i>Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.</i> Инкорпорация санигов (жанеевцев) в этническую среду северокавказских касов (черкесов)	13
<i>Дзуганов Т.А., Гукетлова Л.Х.</i> Торговля лесом в Нальчикском (Кабардинском) округе	22
<i>Жанситов О.А.</i> Революция в Кабарде: вопросы периодизации	30
<i>Кармов А.Х.</i> Предпосылки и начало коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии	36
<i>Базиева Г.Д.</i> Основные направления деятельности общественных организаций КБР по сохранению историко-культурного наследия	45
<i>Кешиева З.М.</i> Национальная кухня кабардинцев как предмет брендинга	54
<i>Тетиев А.И.</i> Повседневная жизнь гражданского населения Кабардино-Балкарии в тылу в годы Великой Отечественной войны	61
<i>Тхамокова И.Х.</i> Кабардинские князья в городе Терки в конце XVII – начале XVIII в.	74

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Биццло Б.Ч.</i> Адыгэбзэ щыцэцэм и морфологие категорэхэм яхэлъ гъэщцэгуэнагъхэр	83
<i>Жылэтеж Х.Ч.</i> Адыгэбзэм щыцэныгъэ псалъэухахэмрэ щымыцэныгъэ псалъэухахэмрэ кызырщыгъэлыгъуар	94
<i>Токмакъ М.Хь.</i> Кызырщыгъэлыгъуар кытекъа къэхъукъэцэцхэр адыгэбзэм зэрхэтыр	101
<i>Мусуков Б.А.</i> Лексико-семантическое поле слова bičäk/bičag ‘нож’ в тюркских языках (на материале лексикографических источников)	109
<i>Баков Х.И.</i> Проблемы истории адыгов в литературе (на опыте творчества А. Кешокова, И. Машбаша, Б. Утижева, М. Адзинова)	116
<i>Берберов Б.А.</i> Исторические предания как прототекст «Древней поэмы о Карче» Магомеда Хабичева	124
<i>Аишхотов Б.Г.</i> Нартские песни адыгов: к вопросу жанровой дифференциации	133
<i>Шериева Н.Г.</i> Место названий пищевых продуктов в кабардино-черкесской фразеологии	145

РЕЦЕНЗИИ

<i>Омарова Г.Н.</i> Рецензия на «Атлас черкесского (адыгского) шичепшина» Гучева Замудина. – Майкоп: Качество, 2016. – 468 с.	152

ЮБИЛЕИ

<i>Алиева А.И.</i> Адыгский энциклопедист конца XX – начала XXI вв. (к 75-летию Адама Гугова)	154

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Selfidentification of circassian princes and its place in the sistem of heraldic symbols of Eurasia	7
<i>Bgazhnokov B.H., Fomenko V.A.</i> The incorporation of the sanigs (zanee) into the ethnic environment of the north caucasus (circassians)	13
<i>Dzukanov T.A., Guketlova L.H.</i> Forest trade in Nalchin (Kabardinsky) district	22
<i>Zhansitov O.A.</i> The revoition in Kabarda: issues of pereodization	30
<i>Karmov A.Kh.</i> Preconditions and the beginning of collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria	36
<i>Baziyeve G.D.</i> The main activities of public organizations of KBR on preservation of histocal and cultural heritage	45
<i>Kesheva Z.M.</i> National cuisine of kabardins as a subject of branding	54
<i>Tetuev A.I.</i> The daily life of the civilian population of Kabardino-Balkaria in the rear during the Great Patriotic War	61
<i>Tkhamokova I.H.</i> The kabardian princes in the city of Terki at the end of the XVII – the beginning of the 18th century	74

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Bizhoev B.C.</i> Specificity of morphological categories of substitute names in the kabardino-circassian language	83
<i>Zhiletezhnev H.C.</i> Affirmative and negative sentences in the kabardino-circassian language	94
<i>Tokmakova M.H.</i> About simple derivative advices in kabardino-cherkess language	101
<i>Musukov B.A.</i> Lexico-semantic field of word <i>bičäk/bičag</i> «knife» in turkic languages (on material of dictionaries)	109
<i>Bakov H.I.</i> Problems of the history of adygs in the literature (on the xperience of creativity of A. Keshokov, I. Mashbash, B. Utizhev, M. Adzinov)	116
<i>Berberov B.A.</i> Historical tales as prototext of «Ancient poem of karcha» by Magomed Khabichev	124
<i>Ashhotov B.G.</i> Nartsy songs by adyghe: to the issue of genre differentiation	133
<i>Sherieva N.G.</i> Place names food in kabardino-cherkess phraseology	145

REVIEWS

<i>Omarova G.N.</i> Review of the «Atlas of the Circassian (Adyghe) Shychepshina» Gucheva Zamudina. – Maikop: Quality, 2016. – 468 p.	152

ANNIVERSARY

<i>Alieva A.I.</i> Adyghe encyclopaedist of the end of the XX – beginning of the XXI centuries (to the 75 th anniversary of Adam Gutov)	154

УДК 39 (262.2)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-7-12

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕРКЕССКИХ КНЯЗЕЙ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ ЕВРАЗИИ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Представлены материалы, позволяющие считать известную формулу «солнечно-лунного» происхождения черкесских князей, как словесного отображения геральдического символа Иналидов, восходящего в основе своей к хатто-хеттской традиции. Подчеркивается, что такая постановка вопроса расширяет наши знания о древнейших контактах и культурных связях Кавказа с Ближним Востоком, об участии в этих связях индоевропейских племен.

Ключевые слова: Кавказ, Ближний Восток, Анатолия, геральдические символы, хатты, каска, хетты, черкесские князья.

Известно, что для обоснования знатного, божественного происхождения, силы и власти над народом черкесские князья пользовались устойчивым выражением: «Мы солнечно-лунного происхождения, из рода курайш» – *Дэ дыгъэ-мазм дыкъыхэкIащ, дыкъурейшы лъэкъыц*. Эта формула отсылает нас, с одной стороны, к культу солнца и луны, который четко прослеживается у черкесов, абхазов и других народов Кавказа. А с другой стороны – к древнейшей истории абхазо-адыгов, к их индоевропейскому названию *каска* /*кашка* /*каскайцы*.

Установлено, что этноним *каска* восходит к хаттскому Каску, которое было заимствовано хеттами со значением «луна», «бог луны» [Гиоргадзе 1961: 199]. Поэтому предполагается, что употребляемое в хеттских источниках название *каска* означает «почитающий луну народ» [Там же].

Есть, кроме того, мнение, что этноним *каска* прямо связан с этническим именем *касситы* и наименованием главного божества касситов – Кашшу и соотносим, кроме того, с индийским *kas* – «сверкать, сиять» или *kasih* – «солнце, свет, сияние» [König 1930: 62]. При этом касситов, правивших около 500 лет (1600 – 1100-ые гг. до н. э.) Вавилоном представляют часто как одно из ответвлений анатолийских хаттов или касков. В частности, неоднократно высказывалась мысль о возможности внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком [Jaritz 1957: 852], что неизбежно ставит вопрос и о характере взаимодействия касситского языка с абхазо-адыгскими. Так, Б. Грозни считает язык касситов одним из древних кавказских языков [Hrozny 1953: 2] и усматривает прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа, склоняясь тем самым к тому, что из множества кавказских языков, прежде всего, именно адыгские языки наиболее тесно связаны с древним, еще не иранизированным касситским языком.

Касаясь этой гипотезы, и определенно поддерживая ее, И. Алиев пишет: «Касков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами kasag (древнерусск.: касоги)» [Алиев 1960: 81].

Из всего этого следует, что знаменитую формулу самоидентификации или самообозначения черкесских князей (потомков Инала) не следует воспринимать лишь как плод их фантазии или фантазии адыгских священнослужителей. как проявление излишнего самомнения Иналидов и желания приобщиться к истокам мусульманской религии – версия, которая неоднократно предлагалась, начиная с XIX века [Сталь 1900: 66; Гарданов 1956: 373]. На самом деле перед нами восходящее к хатто-хеттской традиции словесное отображение титула Иналидов, их божественного права на управление народом Черкесии. В самом деле, такое же – «солнечно-лунное» обоснование находит божественный титул и статус хеттских царей на широко известных рельефах Центральной Анатолии, где солнечный диск с луной помещен в центре широко расправленных крыльев могучей птицы, скорее всего, орла с изображением луны и солнца вместо головы.

Особенно хорошо и наглядно это было показано еще в 1914 году Эд. Майером (рис. 1). На конкретных примерах было показано, что эта традиция, сформировавшаяся на Ближнем Востоке, постоянно эволюционировала и получала специфическое отображение геральдических символах царей и правителей. И не только в хеттских, но и в египетских, вавилонских, затем в ассирийских и персидских [Meyer 1914: 30]. В частности, менее очевидным становится с течением времени присутствие двух змей в основании солнечного диска. Хотя сами по себе, как символы внутренней, магнетической силы бога-правителя, они сохраняются почти во всех последующих вариантах в виде характерных завитков или завитков с хвостами, имитирующими хвост могучей птицы.

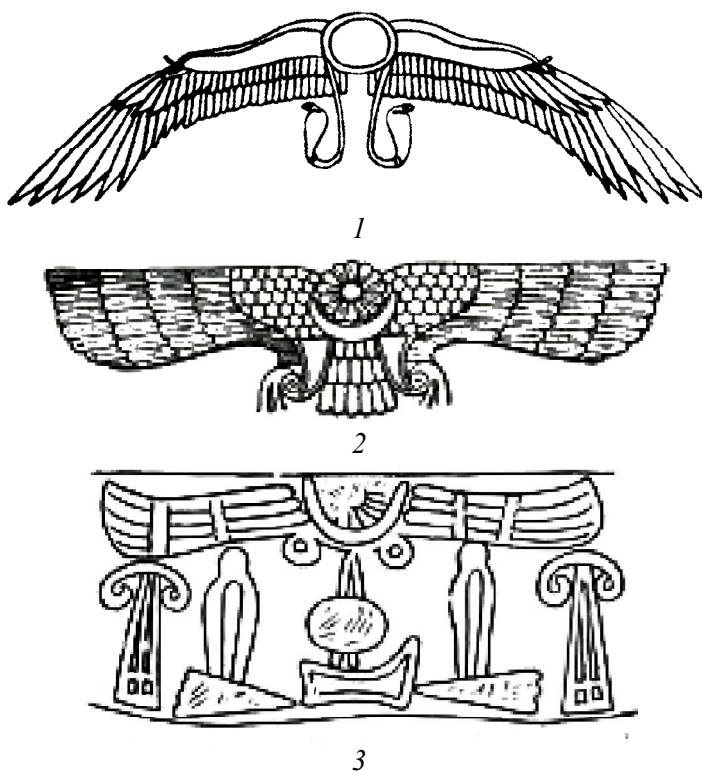

Рис 1. Титулы египетских и хеттских царей.

1 – Египетский парящий солнечный диск со змеями; 2 – Рельеф хеттской солнечной птицы; 3 – Хеттское надгробное изображение царского имени (титула).

Эд. Майер пишет также, что изображение луны внутри парящего солнечного диска восходит к распространенному хеттскому и одновременно вавилонскому (касситскому) изображению, к отображениям герба и титула царей (фараонов) в Египте. Розетка с луной, по его мнению, возникла из восьмиконечной звезды, которая в древние хеттские времена часто изображалась в центре солнечного диска. Другими словами, луна заменила собой исходный, первичный знак звезды, ассоциировавшийся с всевидящим оком бога солнца и правителя страны, с глазом орла, парящим над подвластными царю народами.

Отмечается, что на погребальных плитах хеттских, египетских, касситских царей их титул помещался обычно вместе с их именем. Тем самым, символическое отображение божественной силы и власти царя приобретало, как будто, законченность полную, абсолютную. Но работа мысли в данном направлении не остановилась и этим не ограничилась: у хеттов дополнительно ко всему практиковалось изображение самого царя под изображением парящего солнечного диска (рис. 2, 1). Это было нововведение, логическим продолжением которого стали, используемые в аналогичных целях титулы ассирийского царя (бога) Ассура с луком и персидского бога солнца Ахурамазды с венком в левой руке (рис. 2, 2, 3). Мы видим здесь, что боги Ассур и Ахурамазда буквально вырастают, выходят из парящего в небе солнечного диска и, развернувшись направо, оказываются в самом центре сложной композиции, олицетворяя, заменяя собой, своими собственными глазами и руками развернутую вправо голову орла, его всевидящее око и сокрушительную силу.

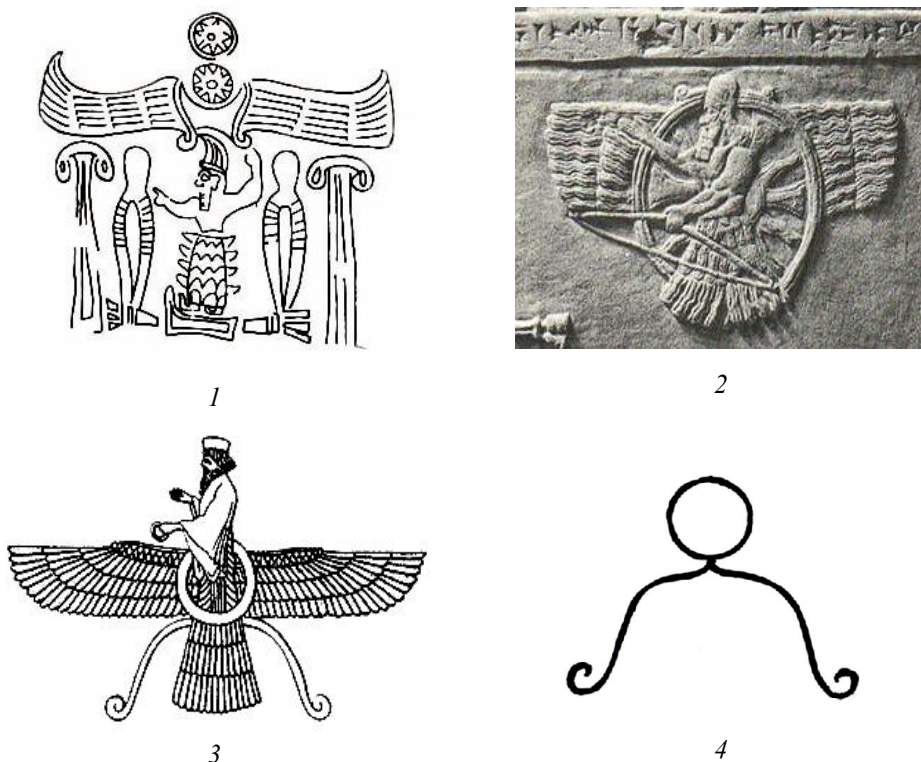

Рис. 2. Эволюция переднеазиатских отображений титула правителей (богов).
1 – Титул хеттского царя; 2 – Имя (титул) ассирийского царя (бога) Ассура;
3 – Персидский бог Ахурамазда; 4 – Главная (базовая) тамга черкесских князей
(тамга хегакских князей Бгажина/Бгажиноко)

Нетрудно заметить, с учетом этих материалов, что формула черкесских князей «Мы солнечно-лунного происхождения, из рода курайш» отображает содержание и эволюцию геральдических символов египетских и переднеазиатских царей. Первая часть титула Иналидов фиксирует их божественное, солнечно-лунное происхождение или «вырастание», а вторая (через ссылку на курейшитов, на Восток) указывает на связь самой традиции такого рода самопрезентации с Древним Востоком. Отсюда и главный (базовый) фамильный знак (герб) черкесских князей, буквально повторяющий ее первоначальную основу с солнечным диском вверху и двумя змеями внизу (рис. 2, 4), с важным «орлиным» дополнением в виде фамилии хегакских князей, которым принадлежала эта тамга: *Бгъэжъынэ* – «Глаз могучего орла». На основе элементов этого знака, а именно за счет различных комбинаций солнечного диска и змей построено при ближайшем рассмотрении подавляющее большинство черкесских тамг [Яхтанигов 1993: 129–160].

Остается сказать, что совсем не случайно изображения полумесяца, четырех звезд и двух змей включены и в герб рода князей Черкасских (рис. 3) [Гербовед 2003: 9]. Вне всякого сомнения, это символы, которые восходят к словесному отображению божественного, «солнечно-лунного» происхождения Иналидов и их власти над народом. С другой стороны, в разных вариантах, особенно с акцентом на изображениях орла, в том числе и двуглавого, эта традиция находит свое продолжение в современных эмблемах и гербах многих стран и народов мира.

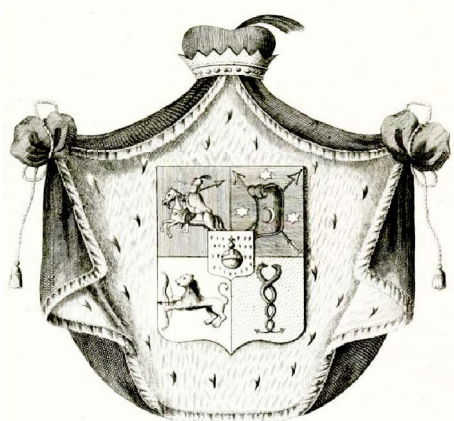

Рис. 3. Герб князей Черкасских (XVII век)

Факты такого рода расширяют наши представления о культурных связях Кавказа с Востоком и существенно дополняют исследования, выявившие «черты разительного структурного сходства» абхазо-адыгских языков с хаттским, а также некоторые общие для эламо-касситов (позже для мидийцев, персов) и черкесов способы образования личных имен.

С другой стороны, они свидетельствуют о тесном взаимодействии прото-абхазо-адыгских племен с древними индоевропейскими (арийскими) племенами и народами, позволяя, кроме всего прочего, понять причины, по которым в черкесском языке обнаруживаются слова, которые находят соответствие в индоевропейских языках [Джаукян 1967: 101–120]. (). В числе таких слов: *шы* – лошадь, *нысэ* – невеста, *анэ/нанэ* – мать, *дэ́лху* – брат (ср. греч. ἀδελφός – брат), *мазэ* – луна (ср. инд. māś – луна), *псэ* – душа (ср. греч. ψυχή – душа), *ш/шы* – рожденный, потомок, брат (ср. хеттск. haš – рождать, hašša – потомство), *гъуэмб* – нора, катакомба, *уэн* – бить, *тын* – давать, дарить (ср. вед. dāti), *жъэн* – жарить, *жъагъэ* – жаркое, *сымэ* – и (всякие) другие, *мыст* – это, нечто, некто (ср. вед. sama – некий, всякий).

Следует учесть при этом, что в течение II тыс. до н. э. индоевропейцы (индоарии) из Восточной Европы и предкавказских степей переселялись большими группами в Переднюю Азию и Индию [Грантовский 2007: 18–35], увлекая за собой значительную часть местного, в том числе и адыгского населения. В числе этих групп, объединявшихся с северокавказцами, были, как предполагается, и хетты [Mallory 2010: 77–78; Kristiansen 2010]. Контакты хатто-абхазо-адыгских народов с ариями поддерживались, несомненно, еще в пределах Кавказа, прежде всего в северной части понтийско-каспийского региона, и продолжились в Анатолии. Поэтому вполне возможно, что Западный и Северный Кавказ были центрами, а не периферией хатто-абхазо-адыгского древнего единства, своего рода метрополией некоторых древних языков и культур Передней Азии, и даже Индии. В верховьях Инда, как известно, по южному склону Гиндукуша («Индийского Кавказа») жили родственные кавказцам (касам, каспиям) по языку бурушаски [Hrozny 1953: 49–50; Бартольд 1963: 654–655; Bengtson 2007].

Не исключено, таким образом, что и сама идея солнечно-лунного, божественного происхождения древних вождей и царей Евразии родилась и сформировалась в тесном взаимодействии индоевропейцев (прежде всего неситов или хеттов) с хатто-каскайцами и, возможно, еще в период их контактов в Юго-Восточной Европе и Предкавказье.

Источники и литература

1. Алиев И. История Мидии. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. 360 с.
2. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Часть 1. М.: Наука, 1963. С. 654–655.
3. Гарданов Б.А. Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик: Кабгосиздат, 1956. 248 с.
4. Гербовед 1913–1914. М.: Терра – Книжный клуб, 2003. 448 с.
5. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вып. 1. Вопросы хеттологии и хуритологии. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. С. 161–210.
6. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Изд-во Восточной литературы, 2007. 510 с.
7. Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван.: Изд-во АН Армянской ССР, 1967. 218 с.
8. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 178.
9. Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик: Эльбрус, 1993. 204 с.
10. Bengtson J.D. Another Member of Vasco-Caucasian // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://jdbengt.net/articles/burush2007.pdf> (дата обращения 20.10.2017).
11. Hrozny B. Ancient history of Western Asia, India and Crete. New-York: Philosophical Librari, 1953. 260 p.
12. König Fr.W. Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareiosl. Leipzig: J.C. Hinrich'sche Buchhandlung, 1930. 75 s.
13. Kristiansen K. La diffusion préhistorique des langues indo-européennes: un modèle archéologique // Dossiers d'Archeologie, 338, 2010, 36–43.
14. Jaritz K. Die Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 850–898.
15. Mallory J.P. The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сб. трудов конференции памяти проф. В.А. Сафронова). М.: МГОУ, 2010. Р. 73–82.
16. Meyer Ed. Reich und Kultur der Chetiter. Berlin: Curtius, 1914. 168 s.

SELFIDENTIFICATION OF CIRCASSIAN PRINCES AND ITS PLACE IN THE SISTEM OF HERALDIC SYMBOLS OF EURASIA

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The presented materials allow us to consider the well-known formula of the «sun-moon» origin of the Circassian princes, as a verbal display of the heraldic symbol of Inalides, which basically goes back to the Hutto-Hittite tradition. It is emphasized that such a statement of the question broadens our knowledge of the most ancient contacts and cultural ties of the Caucasus with the Middle East, and of the participation of Indo-European tribes in these ties.

Keywords: Caucasus, Middle East, Anatolia, heraldic symbols, Hutts, Hittites, Kaska, Circassian princes.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-7-12

ИНКОРПОРАЦИЯ САНИГОВ (ЖАНЕЕВЦЕВ) В ЭТНИЧЕСКУЮ СРЕДУ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ КАСОВ (ЧЕРКЕСОВ)

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), fva2005@gmail.com

Публикация посвящена важным для этнической истории Черкесии вопросам взаимодействия родственных зихских (абазских) и касских (черкесских) адыгских народностей. Подробно рассматриваются начавшиеся в III–IV вв. и продолжавшиеся в течение последующих столетий процессы этнической и культурной инкорпорации зихской народности санигов в этническую среду и политическую жизнь северокавказских касов. Отмечается, что в конце XV века северокавказская Санигия (Санния, Санника, Сана) под названием Жанэ (Жаннетия) становится одним из самых крупных и сильных княжеств Западной Черкесии наряду с Хегаком, Хатукаем, Темиргоем, а также и Кабардой, у которой она оспаривала лидирующее место в адыгском мире.

Ключевые слова: Саниги, жанеевцы, зихи, касы, черкесы, Черкесия, Зихия, Абазия, Северный Кавказ.

В двух статьях, опубликованных ранее [Бгажноков 2019б: 16–19; Бгажноков 2019а: 8–14], нами рассмотрены вопросы происхождения жанеевцев от санигов античного времени. Показаны причины и обстоятельства их переселения в конце III – начале IV вв. на северный склон Кавказского хребта в район Никопсиса, дальнейшего продвижения до Цемеза в течение IV–VI вв. н.э.

В настоящей статье мы попытаемся проследить, каким образом на новом месте зихский народ санигов, взаимодействуя с родственными им по языку и культуре северокавказскими касами (кашаками, черкесами), превратился со временем в крупную адыгскую народность под названием *жанэ* и стал одним из самых влиятельных княжеств Черкесии.

С самого начала в данной связи следует напомнить, что в период переселения санигов на Северо-западный Кавказ к востоку от них располагалась страна Саусази (впоследствии Касахия, Черкесия), населенная касами или кавкасами, о чем узнаем мы из Певтингеровой карты. Фактически Саусази или Кавкасия это первое, относящееся еще к III – началу IV вв., упоминание Черкесии как большой северокавказской страны к юго-востоку от Санигии (Жанетии) и к западу от Алании.

Судя по источникам, начиная с VIII–X вв. название *касы*, *акасы*, *касоги*, *кашаки*, *касконы* закрепляется практически за всеми племенами Центрального и Северо-Западного Кавказа, включая кабаров или кабардинцев. В первой половине X века к западу от Алании располагалась Страна Каса, о чем пишет хазарский

царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он сообщает, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан» [Коковцев 1932: 101].

В то же самое время и о той же самой стране – Касахии, но гораздо подробнее пишет византийский император Константин Багрянородный. В описании Кавказа, отражающем ситуацию 930-х годов (само сочинение закончено в 948–952 годах), он выделяет наряду с Авазгией от Никопсиса до Сотиируполя и Аланией на востоке еще три страны. А именно Зихию «протяженностью 300 миль» – от низовьев реки Укрух (Кубани) до Никопсиса и Туапсе, Папагию (в районе рек Адагум и Абин) и простиравшуюся до «Кавказских гор» Касахию [Константин Багрянородный 1989: 175]. Население Зихии и Касахии было, бесспорно, адыгским. Что же касается Папагии, то, по всей вероятности оно состояло из переселившихся из Закавказья абазгов (абазин) из племени (рода) Баг или Бабуг – населения, которое очень скоро было присоединено к Зихии; и это свидетельствует о том, что переселение абазинских обществ в Черкесию происходило еще в раннем средневековье.

Очевидно, что Зихия, включавшая в себя новую, северокавказско-причерноморскую Саннику или Санигию была обособлена от Касахии. Переселившись на Северный Кавказ в конце III – начале IV века, саниги занимали, по всей видимости, район за Туапсе близ Никопсиса, Джубги. Постепенно, вытеснив из Причерноморья готов и гуннов, они расширили свою территорию сначала до реки Жанэ южнее современного Геленджика, а затем еще дальше – до Цемеза, Абрау-Дюрсо и низовьев Кубани в обход касского племени хегаков (потомков древних синдов) на Таманском полуострове. Именно в этот период под влиянием мигрировавших на Северный Кавказ санигов река Жанэ с множеством дольменов по ее берегам получила свое название – по имени *жанэ*, которое среди зихских и касских (черкесских) племен использовалось повсеместно для обозначения санигов.

Объединившись с зихами, саниги вышли из-под влияния рухнувшей Западно-Римской империи и, судя по сообщениям Прокопия Кесарийского, не подчинились ее преемнице Византии. «В древности, – пишет он, – этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам». В то же время, видимо, под влиянием санигов, принявших христианство еще в период своего обитания в Закавказье, в VI–VII вв. усилиями Юстиниана I и его преемников в Причерноморской Зихии и Касахии (Черкесии) распространяется повсеместно православная вера [Гадло 1991: 90–112; Озова 2018: 70–95].

Касахия в этот период включала в себя Таманский полуостров с ее жителями хегаками (черкесским народом, который упоминается, наряду с кабарями/хебурами, то есть кабардинцами, в Армянской географии VII в.) и простиралась далеко на восток по направлению к Каспийскому морю. Охватывая Зихию как с северо-запада, так и с востока касы оказывали на санигов и в целом на зихов заметное культурное и политическое воздействие, что в конечном итоге и привело к превращению жанинцев в черкесскую народность, а Жаннетию в одно из княжеств Черкесии. Следует учитывать, в данной связи, что Касахия (Черкесия) значительно превосходила Зихию как по числу жителей (касов, черкесов), так и по территории. В эпоху господства хазар, она представляла собой западную, собственно кавказскую или касскую (касожскую) область Хазарии. От восточной Каспийско-Волжской Хазарии ее отделяла Алания или страна Ирхан, занимавшая в VIII–IX вв. горы и предгорья за Сунжей к юго-востоку от Дарьяльского ущелья [Гадло 1984: 118–138; Гадло 1998: 187–198]. Правильно, еще Ю. Клапротом замечено, в данной связи, что Касахия является «страной восточных черкесов внутренних областей Кавказа» [Klaproth 1812]. Поэтому в средние века и уже в наше время о касях, как о народе, населявшем в древности Дарьяльское и прилегающие к нему ущелья, писали Г. Пахимера, Ибн-Саид, Б. Грозный, О.Н. Трубачев и многие другие бытописатели и ученые.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII века достаточно отчетливо показано расположение касов/акасов и их страны ал-Акасара в составе Золотой Орды. Это местность в горах и предгорьях Кавказа, где расположены Дарьяльское и Кассарское ущелья. Что, конечно, не случайно. Также как и то, что в современной Осетии осетины называют последнее из названных ущелий *Къасара*, почти дословно повторяя одно из раннесредневековых, по-видимому, грузинских названий адыгов и Страны адыгов, ассоциирующейся с Восточной Черкесией или Кабардой.

Спустя несколько десятилетий после Пахимера и Ибн-Саида другой средневековый писатель – Абульфед (1321 г.), выделяет справа от страны ал-Булгар (Булгария) государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия – авт.) и ал-Лан [Коновалова 2009: 119]. «Государство *ал-Касак*» воспринимается в этом случае как Западная Черкесия, отделенная от Восточной Черкесии (Кабарды) аланами и Аланией.

Следы древнего индоевропейского наименования адыгов – *кас/касы* угадываются, кроме того, в названиях средневековых святынь Осетии. – *касуты дзуар* и связанных с этими святынями праздников: *касутæ*, *касутæ бон*, *касуты сабат* [Белецкий, Габоева 2012: 30–35]*. Помимо термина *кас* в основе этих названий лежит древний, видимо, иранский, «топографический» (топонимический) аффикс *t* (*та*, *ты/да*), ассоциирующийся с понятиями места, местности, земли. На Кавказе с использованием данного аффикса образованы названия рек, морей, городов, этнических групп, стран: *Ахеунт*, *Мзымта*, *Бичвинта*, *Меотида*, *Пицунда*, *Тапанта*, *Кабарда* (*Кабарты*), *Осеты*, *Сванеты*, *Двалети*.

По той же модели построено обозначение адыгов и страны адыгов в хрониках монгольских завоеваний XIII в. Так, в хронике Алтан тобчи (Золотое сказание), составленной в 1620 г. монгольским ламой Лубсан Данзаном, постоянно встречаются сообщения о *чэркисутах/сэркэсутах* и *хасутах/касутах* (*serkesut*, *qasut*). А также о «землях чэркисутов» [Лубсан Данзан 1973: 228, 232, 368]. Показательно, что эти земли упоминаются наряду с землями *оросутов* (русских), *асутов* (алан), *башикир*, *кипчаков*, *булгар* и других народов Евразии.

В одном словообразовательном ряду с этими обозначениями находятся некоторые современные названия селений Центрального Кавказа: *Каишуети* (*Каишвети*) в Верхней Сванетии, *Каишети* (*Каишете*, *Каишети*, *Кайишет*, *Каишет*) в горной Ингушетии. Они также содержат этнический термин *кас* и топографический аффикс *t*. Поэтому нельзя исключать, что названия населенных пунктов с элементом *кас* сохраняются как следы проживания в этих местах касов (черкесов) или тесно связанных с ними народов, оставивших могильные сооружения, произведенные по касскому (черкесскому) погребальному обряду.

Все это заставляет думать, что соседство с родственными по культуре и языку могущественными касами, потомками многочисленных синдо-меотских (древнеадыгских) племен сыграло важнейшую роль в становлении жанеевцев и Жанетии.

Заметим в данной связи, что так же точно, как и саниги, касы (кавказы) относились к числу исконно адыгских (хатто-каскайских) народов; в период античности они стали известны под аланскими названиями «каскон» и «касаг» [Бгажноков 2015: 11–23]. Но, сознавая свое родство с санигами и другими зихскими народностями, касы (касконы, касаги, касакы кашаки), воспринимали эти народности, говорившие на особом зихском наречии черкесского языка, как относительно самостоятельные отличные от них группы адыгского народа. В языке и сознании касиков (кашаков, черкесов) закрепилось, вследствие этого

* Связь с касами обнаруживается и в обозначениях чечено-ингушских, балкарских, абазинских, кабардинских склепов и могильников, ср. – ингуш. *кашун*, чечен. *малх каш*, *каш*, балк. *кешене*, каб. *кэцана*, абаз. *кашанэ*.

особое название зихских народностей (в том числе саниго-жанеевцев) – *абазз*. Тем самым подчеркивалась тесная историческая, культурно-языковая и территориальная связь зихов с абасгами (абазинами) и Абазгией. Считая жанеевцев, а также шапсугов, нутхайцев, бжедугов, махошей, абазехов исконно адыгскими народностями касы (черкесы) сохраняли память об их зихском, абаззском происхождении.

О том, что именно таким образом складывалась этническая история адыгов в Западной Черкесии, свидетельствуют данные грузинских летописей. В свое время на них обратил свое особое внимание А.В. Гадло [Гадло 1989: 29], ссылаясь на содержащееся в этих летописях сообщение о войне императора Юстиниана I (527–565) с каскунами, «восставшими против греков» [Джанашвили 1897: 21].

Причиной восстания, как выясняется, была жестокая расправа над абазами (в том числе, как видно, и санигами) византийцев и лазских войск, возглавляемых одним из живших в Лазике картлийских царевичей [Гадло 1989: 29]. Вставшие на защиту абазгов и выступившие против Византии касаги, судя по всему, выполняли при этом союзнические обязательства перед своими соплеменниками.

По существу перед нами один из эпизодов длительного периода номинального господства греков над зихами (абазами) и касагами (каскунами). По всей вероятности, он сопровождался стремлением грузинских правителей, союзников Византии, присоединить к Грузии (при поддержке Юстиниана I и затем других византийских императоров) значительную часть Западного Кавказа с его абазгско-адыгским населением. О достижении определенных успехов в этом направлении свидетельствуют упоминавшиеся мной ранее другие материалы «Картлис Цховреба». А именно, относящееся ко второй половине XII века описание попыток свержения царицы Тамары ее мужем князем Юрием Андреевичем (сыном Андрея Боголюбского и внуком Юрия Долгорукого). Сообщается, что поддержавшему Юрия Андреевича менгрельскому князю Вардану Дадияни «принадлежали» в это время земли черноморского побережья «до самой Никопсии» [Картлис Цховреба 2008: 264], где в это время находились саниги и граничившие с ними касаги (кашаки). Пользуясь этим, читаем мы в хронике «История и восхваление венценосцев», этот князь мобилизовал жителей Западного Кавказа до Никопсии, в том числе «санигов и кашагов», выступить против царицы Тамары и возвести на грузинский престол ее мужа Юрия Андреевича. Дадияни, как сказано в хронике, «собрал всю Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети и, присоединив санигов и кашаков, заставил дидебулов и военных этих земель присягнуть русскому князю в старании возвести его на трон» [Картлис Цховреба 2008: 264].

Следует подчеркнуть, что это третье упоминание санигов на Северо-Западном Кавказе, сделанное соответственно через восемь и шесть столетий после Певтингеровой карты и Прокопия Кесарийского. И в этом его ценность. Перед нами сообщение, позволяющее считать, что во второй половине XII века группа санигов, переселившаяся еще в III–IV вв. из Закавказья на Северный Кавказ, продвинувшись до Кубани, оставалась также и в окрестностях Никопсии, что они находились и развивались здесь в тесном контакте с родственными кашагами (касами, касогами, черкесами). Иными словами, в этом отношении мало что изменилось за шесть-восемь столетий после первых упоминаний санигов в этих местах, содержащихся в Певтингеровой карте и в трудах Прокопия Кесарийского.

Видимо, таким же было положение санигов и в первой половине X века, когда этническую ситуацию на Западном Кавказе описывал византийский император Константин Багрянородный. Зихия и Авагсия отмечены у него по берегу Черного моря в пространстве от Кубани до Пицунды. А Касахия (Кашакия,

Черкесия) – к востоку от Зихии (Жанетии) вплоть верховий Кубани и Эльбруса, где сформировалась к этому времени алано-адыгская контактная зона.

Правда, сообщая о размещении в районе Северного Причерноморья зихов и Зихии, Константин Багрянородный не вычленяет санигов из общей массы зихских племен. Взгляд из Грузии, в отличие от этого, был более детальным и разборчивым и опирался на лучшее знание истории санигов и их места в среде зихов и адыгских племен в целом. Поэтому в хронике «История и восхваление венценосцев» саниги упоминаются как значительная народность в окрестностях Никопсии, стоящая в одном ряду с родственными кашаками (черкесами).

Мы убеждаемся также, что термин *касун* грузинских хроник практически ничем не отличается от алано-осских/аорских этнических имен *касгон/кашгон*, *каесгон*. Очевидно, уже тогда, в раннем средневековье, названия *касун*, *каесгон*, *кашак* для северокавказских адыгов и, прежде всего, для кабаров (кабардинцев), использовались осами (аорсами), аланами, грузинами и другими соседними народами наряду с термином *касаг*. При этом этническое имя «касаг» (кашак, касгон, кашкон) не распространялось на родственников им зихов, санигов и абазгов. Вот почему даже в XIX веке, когда саниги (жанеевцы) и другие зихские народы (шапсуги, бжедуги, махоши, абазехи) уже давно стали составной частью Черкесии среди собственно черкесских (касских, касоужских) народностей страны сохранялась своеобразно оформленная память об их зихском (абазском) происхождении.

Дело в том, как сказано выше, что касы (касахи) или жители прилегающих к горам равнинных областей Черкесии воспринимали абазгов и зихов (ключая санигов-жанеевцев) как два одинаково близких им братских народа и объединяли их под общим названием *абазэ*. Вследствие этого вся занятая абазгами и зихами область получила название *Абаза-чиль* [Люлье 1927: 10], что означает «Абазия» или «Страна (общество) абазов». В свою очередь абазы применяли к черкесам, которые населяли большую часть степей и предгорий Северного Кавказа, название *Адыге-чиль*, что означает «Страна адыгов», «адыгские общества или народы» [Люлье 1927: 10].

Собственно адыгскими были признаны в Черкесии пять народностей: хегаки, хатукайцы, темиргойцы, бесленейцы, кабардинцы. А исключались из этого числа не только шапсуги, абазехи и натухаевцы, зихские народы Абазии, сравнительно недавно (в течение XVIII века) распространившиеся и на плоскости, но и жанинцы, бжедуги, махоши, «управляемые также феодально» и давно живущие главным образом на плоскости в «Стране адыгов», Адыге-чиль. Здесь их называли по традиции абазами. «Я старался узнать причину такого различия, – пишет Люлье, – но не мог получить удовлетворительного объяснения. Разве это приписать тому, что первые пять племен (кабардинцы, бесленейцы, темиргойцы, хатукайцы, хегаки – авт.), по-видимому, на южном скате гор никогда не жили» [Люлье 1927: 12].

Судя по итальянским картам XIV–XV вв., во времена владычества монголов на Северном Кавказе, саниги уже давно находились в этих местах в самом центре тогдашней Зихии. Под названием *Sania* княжество Жаннетия отмечено впервые в 1311 и в 1318 г. на морском атласе Пьетро Висконте в районе Туапсе, Никопсиса, Джубги. Сания или Жаннетия расположена на этой карте между Черной Зихией (*Mauro Zega*), покоренной монголами, и Белой Зихией (*Alba Zega*), сохранившей независимость [Фоменко 2011: 289].

На картах конца XV века в этом районе наряду с названием *Sannia/Sanna* фигурирует название *Sanna Zichia* (Бенинказа, 1480) [Фоменко 2011: 300] – букв. Жанеевская Зихия. Это свидетельствует о том, что Жанетия воспринималась итальянцами как часть Зихии, а жанеевцы, как часть зихского этнического массива. По всей вероятности, Жаннетия в районе была самой сильной и организованной зихской областью. Во всяком случае, нет никакого сомнения, что именно здесь,

встретив отчаянное сопротивление местных жителей, и прежде всего жанеевцев, в середине XIII века были остановлены монгольские войска.

Согласно фольклорным данным, на дальних подступах к Туапсе в долине р. Сусан, монголы, встретившись с войсками адыгов, понесли большие потери. Жители шапсугского аула Агой и поныне рассказывают, что во время этого сражения маленькая р. Сусан превратилась в кровавый поток*. Потерпев поражение и отступив назад, монголы, по всей видимости, посчитали нецелесообразным вторгаться в эти малодоступные для конницы пределы.

Зихия или вся причерноморская полоса Черкесии вследствие этого разделилась на две области, о чем свидетельствуют итальянские карты XIII–XV веков. Первая область, попавшая в номинальную зависимость от монголов, называлась, как сказано выше, Черной Зихией – *Mauro Zichia*. Она простиралась от восточных берегов Азовского моря до районов Джубги в 20–25 км севернее Туапсе. Отсюда до Туапсе (Пицунда) располагалась территория Белой Зихии (*Alba Zichia*), Жанневской Зихии (*Sanna Zichia*, *Saunacichia*) и местности, именуемой Жанэ (*Sanna*, *Sana*) [Фоменко 2011: 305, 310], куда не ступала нога монголо-татар [Брун 1880: 260].

Впоследствии такое разделение стало простой формальностью, удобной для западноевропейских географов. Поэтому на итальянских картах название *Черная Зихия* со временем исчезает. Исчезает постепенно и хороним Зихия, который по традиции длительное время, вплоть до конца XVII века использовался в западноевропейских источниках для обозначения страны, о которой писал еще Константин Багрянородный. На письменном портолане Эммидио Дорртелли д'Асколи 1634 года его заменяет название «Черкессия» (*Circasia*) [Фоменко 2011: 315]. Тем самым подчеркивается, что Черкессия к этому времени уже давно поглотила всю Причерноморскую Зихию (вместе с Жаннетией) и вплотную подошла к Туапсе, где начиналась Абазия, которая была также заселена зихскими племенами, еще не вошедшими в состав Черкесии.

Из всего сказанного следует, что во время татаро-монгольского владычества и погромов Тимура резко возрастает самосознание адыгских обществ, ускоряются объединительные процессы. Термин *адыгэ/адыхэ*, который сначала применялся зихами по отношению к своим северокавказским соплеменникам – касам (кашакам), постепенно, под влиянием их массового переселения на северный склон Кавказского хребта, становится общим самоназванием как для зихов, включая сюда санигов, так и для касов. А термин «черкесы», который возник как обозначение северокавказских адыгов – касов, распространяется ускоренными темпами также и на зихов и в первую очередь на жанеевцев, как на общность, которая раньше других зихских и абазинских племен мигрировала (еще в III–IV вв.) на Северный Кавказ.

Одновременно Жанетия начинает восприниматься как неотъемлемая часть Черкесии. Выше мы уже ссылались на Абульфеду, который в сочинении 1321 года выделял государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия – *Авт.*) и *ал-Лан*. Но при этом сообщается также и о стране *ал-Джаркис*, то есть Черкесии, объединяющей, как видно, Жаннетию и Касакию. Черкессия ставится здесь в один ряд со странами *ал-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – пишет Абульфеда, – многолюдные страны, великие и очень обширные» [Коновалова 2009: 84]. Выстраивается, таким образом, целый ряд однотипных названий одной и той же северо-кавказской страны – *Caucasi/Kaca/Kаскун/ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас*.

Этот процесс своего рода этнонимического обмена и семантического преобразования начался, судя по имеющимся материалам, в XIII веке и закончился в XV веке, о чем свидетельствуют сведения Дж. Интериано: «Зихи – называемые

* Сообщение Шоотох Сули Ахмедовича, 1906 г. р. (сел. Агой, Туапсинский район, Краснодарский край). См. также: [Архив АРИГИ: кассета 216, сторона 1. Д. 4].

так на языках: простонародном (*lingua franca* – авт.), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига» [Интериано 1974: 46].

В конце XV века Жанетия становится одним из самых крупных и сильных княжеств Западной Черкесии наряду с Хегаком, Хатукаем, Темиргоем и Кабардой, у которой она оспаривала свое лидирующее место в адыгском мире [Люлье 1927: 11]. В то же время, вплоть до XIX в. в черкесском народе сохраняется, как сказано выше, память об абазгском происхождении жанеевцев. Поэтому их не включали в число собственно адыгских народностей Черкесии. «Настоящими Адыгами, – пишет Л.Я. Люлье – признают: Кабардинцев, Бесленеевцев, Темиргойцев, Хатукайцев и Хегайков; другие же племена, управляемые также феодально, как-то: Бзедугов, Мохошевцев и Жанеевцев называют иногда Абадзе» [Люлье 1927: 12].

С подобным разграничением связано, вероятно, относящееся к середине XVI века сообщение С. Герберштейна об «афгазах», то есть абазгах, в низовьях Кубани, где в это время могли находиться только жанеевцы [Герберштейн 1908: 120]. При этом значительная часть жанеевцев оставалась в это время на юге, в окрестностях Джубги. По сведениям Эвлия Челеби, в 40–60-х годах XVII столетия именно здесь, в центре исторической Зихии, располагалась Большая Жанетия. А Малая Жанетия находилась уже на севере, в пределах исторической Черкесии – в низовьях рек Абин, Хабль, Иль и Абурган [Эвлия Челеби 1979: 63–64], а также на правом берегу Кубани в прибрежных районах Азовского моря.

Судя по всему, расширив границы своей территории сначала до Пшады, Геленджика и Цемеза, одна из жанеевских групп обошла стороной хейгаков, занимавших окрестности Анапы и Таманский полуостров, вышла к востоку от Цемеза на равнину и заняла земли в низовьях Кубани по обоим ее берегам. При этом на левом берегу Кубани они, как видно, потеснили хатукайцев до реки Афипс, где, по свидетельству Э. Челеби, «на земле черкесов натухай», находились остатки крепости Афипс-Керман, возведенной в свое время генуэзцами [Эвлия Челеби 1979: 65].

Показательно, что в этот период Жанетию в исторической Зихии по сложившейся традиции, называли все еще Большой, а Жанетию в Черкесии – Малой, хотя Малая Жанетия уже значительно превосходила Большую, как по численности, так и по занимаемой территории. Эвлия Челеби прямо на это указывает, подчеркивая, что Малая Жанетия на севере была «более заселена», чем Большая Жанетия на юге и имела в своем составе сорок деревень [Эвлия Челеби 1979: 63].

Однако наибольшим влиянием на общественно-политическую жизнь в Черкесии обладала в этот период Малая Жанетия на реках Цупсын (Вулан), Жанэ, Цемез. Князь Малой Жанетии Антонук имел в своем распоряжении войско, состоящее из «десяти тысяч богатырей – всадников с колчанами и наших черкесов-джигитов с ружьями». В то же время войско более многочисленной Большой Жанетии насчитывало всего три тысячи воинов. В любом случае, Жанетия в целом еще в конце XVII в. оставалась одной из самых крупных этнополитических единиц в составе Черкесии с общей численностью около 200 тыс. человек.

Источники и литература

1. Архив АРИГИ.
2. Бгажноков Б.Х. Аланские названия адыгских племен Северного Кавказа // Проблемы генеалогии и этнонимии народов Северного Кавказа. Нальчик, 2015. С. 11–23.
3. Бгажноков Б.Х. Жанеевцы в исторической географии Северо-Западного Кавказа IV–VI вв. // Вестник Адыгейского государственного института, Майкоп, 2019а. Вып. 1. С. 8–14.
4. Бгажноков Б.Х. Саниги (жанеевцы) в ранней истории черкесов // Манускрипт. Тамбов, 2019б. № 3. С. 16–19.

5. Белецкий Д.В., Габоева Е.Р. Хидикусское «касутæ»: К вопросу о характере религиозных культур в позднесредневековых осетинских святилищах // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Вып. 8. Владикавказ, 2012. С. 30–35.
6. Брун Ф.К. Восточный берег Черного моря по древним периплам и компасовым картам // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Одесса: тип. Г. Ульриха, 1880. Ч. 2. 408 с.
7. Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Межвузовский сборник. Л., 1991. С. 90–112.
8. Гадло А.В. Известия о хазарах и Хазарии в позднесредневековой дагестанской хронике «Дербент наме» // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998. С. 187–198.
9. Гадло А.В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 118–138.
10. Гадло А.В. Тмутараканские этюды I (страна адыгов во второй половине I тыс. н. э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 20–30.
11. Герберштейн С. Записки о московитских делах. М.: Типография Ф.С. Суворина, 1908. 382 с.
12. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис: 1897. Вып. 22. С. 1–206.
13. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
14. Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси: Изд. Артануджи, 2008. 456 с.
15. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд. АН ССР, 1932. 134 с.
16. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. 224 с.
17. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.
18. Лубсан Данзан. Алтан тобги (Золотое сказание). М.: Наука, 1973. 440 с.
19. Любе Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. 48 с.
20. Озова Ф.А. Черкесское православие: институциональный аспект // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 8. Нальчик, 2018. С. 70–95.
21. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М.: Индрик, 2011. 400 с.
22. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.
23. Klaproth J. Reise in dem Kaukasus nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. II. Halle und Berlin, 1812. 557 s.

THE INCORPORATION OF THE SANIGS (ZANEE) INTO THE ETHNIC ENVIRONMENT OF THE NORTH CAUCASUS (CIRCASSIANS)

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, Associate Professor, Senior Research Fellow of ancient history and archeology sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), fva2005@gmail.com

The publication is devoted to the important for the ethnic history of Circassia issues of interaction of the related Zikh (Abaz) and Kas (Circassian) Adyg ethnic groups. Details are considered starting in the III–IV centuries. and the processes of the ethnic and cultural incorporation of the Zih people of the Sanigov into the ethnic environment and political life of the North Caucasian Kass, which continued during the following centuries. It is noted that at the end of

the 15-th century, the North Caucasian Sanigiya (Sanniya, Sannika) under the name of Jeanne (Jeannette) became one of the largest and most powerful principalities of Western Circassia, along with Hagak, Khatukai, Temirgoy, as well as Cabarda, in which she contested the leading position in Adyg world.

Keywords: Sanigi, Zaneevtsy, zikhi, Kasa, Circassians, Circassia, Zikhia, Abazia, North Caucasus.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-13-21

ТОРГОВЛЯ ЛЕСОМ В НАЛЬЧИНСКОМ (КАБАРДИНСКОМ) ОКРУГЕ

Дзуганов Тимур Аликович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzughanov@mail.ru

Гукетлова Лариса Хусеновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, l.guketlova@yandex.ru

В статье исследуются основные моменты, связанные со становлением лесной промышленности в Нальчикском (Кабардинском) округе в XIX – начале XX вв. Предпринимается попытка определения характера и особенностей ее развития в условиях пореформенного периода и складывания рыночных отношений. Устанавливается, что лесоторговля в короткие сроки становится основным отхожим промыслом кабардинского крестьянства, приобретает характерные черты товарного производства, превращаясь тем самым в важнейшую доходную часть экономики региона. Отмечается, что широкому развитию лесоторговли Кабарды в значительной мере способствовало богатство ее горной и предгорной части лесными массивами, однако пользование этими богатствами осложнялось юридической неразберихой и имущественными спорами вокруг них. Делается вывод что, на рубеже XIX–XX вв. наметился переход от торговли сырьем и полуфабрикатами к организации простейших кустарных производств. Это событие ознаменовалось возникновением большого числа артелей и мелких кустарных производств, занимающихся переработкой древесины и изготовлением разнообразной продукции из нее. Наблюдается поступательное развитие смежных ремесел и производств. Отчетливее прослеживается прогресс их товарной специализации.

Ключевые слова: Кабарда, Нальчикский округ, лесоторговля, лесная промышленность, лесопользование, промысел, торговля, товарность, рынок.

История становления и развития лесной промышленности у народов Кабардино-Балкарии еще ни разу не становилась объектом специального научного исследования. Вместе с тем, эта отрасль, помимо животноводства и земледелия, являлась важнейшей составной частью экономики региона на протяжении всего XIX – начала XX вв. Возникнув, первоначально, как отхожий промысел, торговля лесом в кратчайшие сроки превращается в мощный инструмент коммуникации местного и пришлого русского населения. Со временем, этот вид коммерческой инициативы, как средства дополнительного заработка, завоевывает широкую популярность крестьянства Кабарды и Балкарии.

Лесоторговля, как вид предпринимательской деятельности, вплоть до начала XIX в. была неизвестна кабардинцам. Это объясняется как натуральным типом хозяйства, так и отсутствием спроса в регионе. В последующие годы, в связи с развернувшейся колонизацией Северного Кавказа и заселением его территорий русскими переселенцами потребность в лесе в виде стройматериалов и различных хозяйственных изделий из него растет с каждым годом. В этих условиях коммерческие операции с лесной продукцией становятся важной статьей в торговле кабардинцев.

Русские и украинские новоселы испытывали нужду в строительном материале, поэтому не было ничего удивительного в том, что обороты лесоторговли росли в геометрической прогрессии. В определенной мере, развитию этой отрасли экономики способствовало богатство лесных ресурсов в регионе. На торг шел строевой лес в виде цельных бревен и, в меньшей степени, полуфабрикаты – доски, колья, различные заготовки. Лесной промысел приобретает особую популярность в среде крестьян и вольноотпущенников, быстро научившихся извлекать прибыль из этого занятия. Описывая складывающуюся ситуацию, современник отмечал, что «прежде освободившиеся из зависимости, весьма легко в несколько лет успевали оправляться, несмотря на то, что были обираемы владельцами до последней степени. Между классом вольноотпущенников встречаются довольно состоятельные люди и вообще они живут чуть ли не лучше многих узденей» [Грабовский 1870: 339].

Лесоторговля в короткие сроки становится основным отхожим промыслом кабардинского крестьянства. Только за период с 14 по 21 марта 1815 г. через Прохладненскую заставу проехало «38 человек на 25 арбах с лесными изделиями» [Кумыков 1965: 90]. А с 21 по 28 марта проехали 174 арбы с лесом. 4 апреля из Кабарды через эту же заставу выехало 66 человек на 70 арбах с лесными изделиями. Вся эта партия направлялась в Кавказскую губернию. Всего в 1815 г. через заставу было пропущено 1145 арб, в том числе, 980 с «лесными изделиями». В июне 1818 г. из Кабарды через Прохладненский карантин проследовало 20 воловьих арб с тем же товаром [Кумыков 1965: 91]. Помимо Прохладненского карантина, лес регулярно вывозился через Константиногорск и Моздок.

Первоначально, торговля лесом осуществлялась бессистемно и носила меновой характер. Стихийные рынки возникали в наиболее удобных для обмена товарами местах. На фоне коммерческого бума лесоторговли, начинается процесс выделения ремесел, тесно связанных с лесным промыслом, в товарное производство. Причем, удельный вес полуфабрикатов и заготовок неуклонно возрастал. 28 июля 1812 г. в Прохладненском карантине были зарегистрированы кабардинцы Кошев и Пшеканов с «8 проданными арбами». Предметом торговли служили также древесный уголь, арбы и колеса для них и т.д. С 24 по 31 января 1815 г. через Прохладную было пропущено 9 кабардинских подвод с седельным (арчачным) лесом. В начале января 1815 г. из Кабарды было вывезено 5 арб древесного угля [Кумыков 1965: 91].

С введением системы меновых дворов, главная задача которых виделась в упорядочивании и развитии экономических связей между переселенцами и народами Северного Кавказа, правительство берет под свой контроль всю приграничную торговлю. В соответствии с разработанными «Уложением» и правилами торговли, лес, как и другие горские товары, поступал теперь в казну, в обмен предлагалась соль и довольно скудный ассортимент промышленных товаров, при том, по весьма завышенным ценам. Отпуск товаров дозволялся только на принципах бартера. Золотые и серебряные деньги, облигации и банковские билеты исключались из оборота, горцам воспрещалось приобретать порох и оружие. Вводились и другие ограничения, суть которых сводилась к воспрепятствованию проникновения турецких контрабандных товаров в Россию, что вызвало в начале 30-х гг. XIX в. «большое недовольство русских купцов, столкнувшихся с серьезной конкуренцией» [Покровский 1957: 25]. Контроль за ведением дел на меновых пунктах был возложен на военное ведомство.

Принятие подобных мер вызвало недовольство коренного населения Северного Кавказа, считавшего подобный шаг ущемлением своих прав и проявлением агрессии. М.В. Покровский отмечал, что система военно-административного руководства такой отраслью экономической жизни, какой являлась торговля, уже в первые десятилетия XIX в. обнаружила свою несостоятельность

[Покровский 1957: 22]. От этих нововведений страдало и русское население края, вынужденное приобретать строевой лес и изделия из него на казенных складах по высоким расценкам. Вмешательство государства в торговлю переселенцев с горцами, естественным образом, негативно отразилось на ее оборотах. В новых условиях, кабардинцы, как и другие горские народы, минимизировали поставки леса и лесных материалов на правительственные меновые дворы. Вместе с тем, совсем поставки леса не прекращались. Лесоторговля вынуждена была уйти в тень. В документах отмечается рост незаконных сделок с участием населения казачьих станиц, осуществлявшим мену с горцами, в том числе и леса, в обход официальных требований и уложений.

Сложившаяся ситуация, а также рост недовольства среди населения края вынуждает правительственные круги предпринять ряд шагов, которые коренным образом меняют положение дел в этой сфере. Новые правила меновой торговли, принятые правительством в начале 1840-х годов, в определенной степени стимулировали торговлю с горцами. Теперь «мирным» горцам, помимо официальных меновых пунктов, дозволялось беспрепятственно вывозить свои товары на близлежащие русские ярмарки и базары. Это нововведение заметно стимулировало к развитию всю региональную торговлю. С принятием новых правил оживилась и лесоторговля Кабарды. По сравнению с предыдущим периодом продажа леса и лесоматериалов резко возрастает. Как явствует из документов, кабардинцы и балкарцы с каждым годом планомерно наращивали объемы этой торговли.

За три года, с 1843 по 1845 гг., местные жители вывезли через Известнобродскую и Прохладненскую заставы 6320 арб и повозок лесоматериалов. Помимо собственно «делового леса», активизировалась торговля продукцией лесных промыслов, а также полуфабрикатами и заготовками, расширился ассортимент. Для продажи поступали изделия из дерева: колеса, плетни, сани, ободья, колесные ступки, плетенные сапетки и проч. [Кумыков 1965: 99]. Таким образом, развитие лесоторговли приводит к выделению лесных промыслов кабардинцев в товарное производство. Например, специально для продажи начинают изготавливать деревянные плуги с железными лемехами. Только в 1852–1853 гг. через Моздок из Кабарды проследовало 166 арб с деревянными плугами на сумму 664 руб. [Кумыков 1965: 114]. Заметно расширяются другие производства, связанные с лесным промыслом.

В 40-е годы XIX в. география лесной торговли меняется. Кабардинцы и балкарцы, в этот период, вывозили лес преимущественно через Известный Брод и Екатериноград. За два года с 1846 по 1847 г. через Известный Брод было вывезено 5628 арб и 47 возов леса. Еще более оживленную торговлю лесом кабардинцы вели через Екатериноград. В 1846 г. через него было провезено лесоматериалов на 12 тыс. руб. [Кумыков 1965: 116–117]. Екатериноградские ярмарки представляли особенный интерес в связи с более выгодными условиями торговли и широким ассортиментом предлагаемых в обмен товаров. Всего в 1847–1848 гг. из Кабардинского округа было вывезено «лесу и лесных изделий на 80122 руб.» [Географическо-статистический... 1864: 388].

Архивные источники фиксируют рост лесоторговли и в последующий период. За 4 года с 1847 по 1852 г. кабардинцы провезли через Екатериноград 13964 арбы леса. Общая объявленная его стоимость превышала 52 тыс. руб. [Кумыков 1965: 117]. Большой спрос определил довольно высокую стоимость материалов. Например, воз чинаровых брусьев продавали за 18 руб., дубовых – за 22, «простых» – за 2 руб. 50 коп., бревно стоило 1 руб. 20 коп., куб. сажень дров – 25 руб., хворост – 16 руб., сотня кольев – 6 руб., десяток досок – 18 руб. [Кумыков 1965: 99].

Следует особо отметить, что широкому развитию лесоторговли Кабарды в значительной мере способствовало богатство ее горной и предгорной части лесными массивами, однако пользование этими богатствами осложнялось юридической

неразберихой и имущественными спорами вокруг них. В 1860-х гг. сословно-поземельная комиссия делает попытку регламентировать лесопользование. Несмотря на недовольство и противостояние княжеских фамилий, лес был объявлен «общественным» достоянием. Принятое решение на время снизило существующие противоречия и создало условия для более широкого вовлечения народных масс в коммерческие предприятия, связанные с лесоторговлей и лесными промыслами.

В пореформенный период лесоторговля, помимо земледелия и скотоводства, становится ведущей отраслью экономики края. Слабое развитие внутреннего рынка, и отсутствие других возможностей стабильного заработка для крестьянских хозяйств округа не оставляли другой альтернативы. В январе 1866 г. начальник Баксанского участка докладывал руководству, что во вверенной ему административной единице «ремесленная промышленность ... выражается в переработке лесных материалов на колеса, седла и т.п. мелкие изделия ... Местом сбыта всех изделий ремесла обыкновенно бывают ближайшие ярмарки в г. Георгиевске, Пятигорске, Моздоке и слободе Воронцовка и даже в черте Кабарды. Размер успеха производства с точностью определить невозможно, потому что ремесленные изделия сбываются частью за деньги, частью меною на другие необходимые в хозяйстве предметы, большей частью мелкие изделия ... [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Лл. 4–4об.]. Вырисовывающаяся из этого сообщения ситуация была типичной и для других участков округа. Например, в Малокабардинском «... жители участка занимаются заготовлением леса, осей, арб, седел ...» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Лл. 6–6об.]. Вместе с тем, то обстоятельство, что основные лесные богатства края находились в ведении Кабардинской общественной суммы, вовсе не означало, что лесной промысел являлся прерогативой исключительно горцев. Из документов видно, что в коммерческие предприятия, связанные с лесоторговлей помимо горцев, активно включалось и русское население округа. «Отставные земские чины и коренные крестьяне, живущие в Нальчике, занимаются сбытом на Линию и на ярмарки разных лесных материалов, добываемых в Кабардинском округе» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 12].

Таким образом, в переходный период, именно лесная промышленность и связанные с ней промыслы послужили основой для развития капиталистических отношений в Нальчикском округе. Нет сомнений и в том, что торговля лесом в 70-х гг. XIX в., являлась еще и важной статьёй казенных доходов слободы Нальчик. Из реляции начальника 2-го участка о состоянии промышленности, становится известно, что постоянный доход «слободки» составляет «сбор пошлин за вывоз на Линию леса ...» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 12об.].

Вместе с тем, развитие этой отрасли экономики вызывало сильное недовольство областной администрации. Скепсис чиновников объяснялся их опасением, что чрезмерное увлечение населения этим занятием может негативно отразиться на темпах роста земледелия и скотоводства в области. Н.Ф. Грабовский, например, хоть и считал торговлю лесом вообще основным, не связанным с сельским хозяйством, промыслом кабардинского крестьянина, тем не менее резко высказывался против. В качестве основного аргумента он приводил малую рентабельности данного предприятия, причину которой видел в неэффективности его организации. По подсчетам Н.Ф. Грабовского, совокупный доход от лесоторговли ежегодно составлял до 58 тысяч рублей, но с учетом налогов и сопутствующих выплат, среднестатистический крестьянин, занимавшийся этим занятием, имел реальный доход около 30 копеек в день, что «не сопоставимо с затраченными усилиями и временем» [Грабовский 1870: 342]. При самых благоприятных условиях, на получение надлежащих разрешительных документов (поездка в Нальчик для получения квитанции на право вывоза и к участковому начальнику за увольнительным билетом), заготовку, транспортировку и дальнейшую реализацию одной арбы леса, среднестатистический кабардинский крестьянин затрачивал от 5 до

7 дней. Арба дешевого леса на рынках Пятигорска и Георгиевска в среднем стоила 2 рубля 50 коп., но это без учета выплат за разрешительные документы, место на рынке, дорожных сборов и проч. В итоге, совокупный доход крестьянина, поделенный на затраченные трудодни, составлял 30 коп. в сутки. При чем это касалось не только наиболее дешевого леса, который шел в основном на дрова и не требовал ни особых технических навыков, ни дополнительных капиталовложений, но и более сложных изделий кустарной промышленности – производство арб, саней, колес и других предметов.

Основной вред, который представляла для экономики кабардинского хозяйства торговля лесом, по мнению Грабовского заключался во времени, которое этот вид предпринимательства забирал у кабардинского крестьянина, отрывая его от основных сельскохозяйственных занятий [Грабовский 1870: 342]. В преддверии очередной ярмарки, отмечал автор, крестьяне оставляли все сезонные дела – вспашку поля, сбор урожая, сенокос, и отправлялись на заготовку леса. Относительно небольшие, но стабильные доходы от такого вида предпринимательства казались им более предпочтительными. «По мнению всех, близко знакомых с положением дел кабардинцев, сильное распространение лесной промышленности вредит развитию более выгодного занятия – земледелия ...» – отмечал этот представитель окружного правления [Грабовский 1870: 354].

Фактически, Администрация округа оказалась не готова к такому бурному росту предпринимательской активности кабардинцев, сконцентрированной всего в одном единственном направлении. Массовое увлечение лесоторговлей, по убеждению чиновников, грозило в дальнейшем системным кризисом, т.е. не только полным уничтожением запасов леса, но и падением урожаев зерновых, голодом, волнениями и беспорядками. В этой связи, пытаясь удержать в руках контроль над ситуацией, начальник Кабардинского округа ходатайствовал перед вышестоящим начальством «о воспрещении всем без исключения вывозить лес на продажу, а торговлю им допустить только в Нальчике на базарах и бывающих здесь два раза в год ярмарках, предоставив ее исключительно кабардинцам, так как лес в округе составляет их общественную собственность» [Грабовский 1870: 343]. Соответствующие правила были утверждены начальником области и приняты к исполнению с 1 января 1868 г., но, как часто случалось в таких ситуациях, запретительные меры не достигли желаемых результатов. Попытавшись ограничить торговлю лесом, власти не смогли предложить никакой альтернативы привычному приработку крестьянства. Во-первых, резко упали доходы в Кабардинскую общественную сумму. Во-вторых, возникла угроза социальной напряженности. Комментирую сложившуюся ситуацию чиновник окружной администрации отмечал, что «привычка многих лет беспрепятственно заниматься лесной торговлею» [Грабовский 1870: 343] приучила кабардинского крестьянина к «быстрым» заработкам. Торговля лесом, за десятилетия, из отхожего промысла превратилась в основное занятие для большей части населения округа. Ограничения, накладываемые государственными органами на этот вид предпринимательства, вынуждал крестьянина искать обходные пути, нередко нарушая закон. Это выразилось как в незаконной вырубке леса, так и в деятельности по поддельным документам. В отдельных случаях действовали «серые» схемы, когда рубка производилась по билетам, выданным третьим лицам – казакам или иногородним [Грабовский 1870: 344]. Изменения условий, по которым производилась рубка и вывоз леса привели к снижению доходов, потому, чтобы компенсировать убытки приходилось увеличивать обороты. Таким образом, вопреки ожиданиям правительственных чиновников, после принятия новых правил, торговля лесом в Нальчикском округе не только не прекратилась, но и выросла в разы.

Правление округа, не имея возможности жестко контролировать введенные ограничения и резонно опасаясь народных волнений, вынуждено было пойти на

определенные уступки, выразившиеся в некоторых послаблениях крестьянам, занятым в этой отрасли, а также в увеличении пунктов лесоторговли. Помимо Нальчика, торговля лесом, один раз в неделю, разрешалась теперь на Баксанском и Черекском постах, для чего там открывались специальные базары. Послабления коснулись также и временнообязанных крестьян, которые получили право продавать лес, дабы быстрее погасить выкупные платежи своим бывшим владельцам.

Но эти меры не оказали существенного влияния на обороты лесной торговли, так как спрос на ее специфическую продукцию начинает постепенно снижаться. В виду тщетности своих усилий, Администрации округа хватило благоразумия не доводить ситуацию до абсурда и отказаться от всех ограничений, в связи с чем, к 1870 г. запрет на вывоз леса был снят.

В соответствии со статистическими данными, к 1876 г. общественные Кабардинские леса занимали площадь около 60000 дес. земли. Как отмечали составители «Сборника сведений» леса «расходятся населением Кабарды по собственному усмотрению. В этих лесах пока еще не введено никакого лесного хозяйства, так как о праве владения ими идет спор между казною и местными обществами» [Сборник сведений 1878: 162]. В 1876 г., по официальным данным, «туземными жителями вывезено на продажу около 8689 арб разного делового леса» [Сборник сведений 1878: 108].

В 1885 г. в результате проведенного обмежевания кабардинских земель, территория, занятая лесами, была уточнена. Она составила 63592 дес. [Кудашев 1913: 219]. Вместе с тем, накопившиеся имущественные и другие юридические споры вокруг лесопользования, продолжали существенно стеснять торговлю лесом. Развитие отрасли напрямую зависело от решения этой проблемы. Потому, кабардинцы воспользовались посещением Кавказа Александром III осенью 1888 г. По совету главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондукова-Корсакова, представители сельских обществ Большой и Малой Кабарды подали, во время пребывания императора во Владикавказе, прошение на Высочайшее имя. Они просили об окончательном закреплении за кабардинским народом, на праве собственности, запасных пастбищных земель и лесов [Кудашев 1913: 212–223]. Пространие, в целом, было удовлетворено. В опубликованных 27 сентября 1891 г. новых «правилах» сообщалось, что «все пространство Высочайше дарованных в постоянное пользование кабардинцев и сопредельных с ними пяти горских обществ пастбищных земель и лесов ... распределяется по участкам между десятью группами селений, в Кабарде по фамилиям, а у горцев по обществам, пропорционально количеству числящихся в каждой группе дворов ...» [Кудашев 1913: 227].

Отпуск «строеного и делового леса на продажу» производился под контролем лесной стражи «по уплате пошлин». Отпуск лесных материалов, как бесплатно, на нужды собственного хозяйства, так и платно, в коммерческих целях, производился по ежегодно составляемым кабардинским лесничеством «плану и сметам». Доходы за пользование лесом «обращались в общественный капитал кабардинского народа» [Кудашев 1913: 228].

Введение этих правил во многом предопределило дальнейший вектор развития лесной отрасли промышленности округа. Расширение свобод в этом виде предпринимательства приводит к росту числа занятых в нем крестьян, увеличению вывозимой на продажу древесины и иной лесной продукции.

На протяжении всего пореформенного периода занятие лесным промыслом продолжает оставаться основным отхожим промыслом кабардинского крестьянства, гарантирующим хоть и не высокий, но стабильный доход. Это подтверждается и документами. В 1885 г. в рапорте о состоянии дел в 1-м участке Нальчикского округа отмечается, что помимо прочего, жители участка занимаются «извозом и торговлею лесными произведениями и мануфактурными товарами» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86. Л. 19об.]. По-видимому, в условиях слабо развитого

капиталистического рынка, предпринимательская инициатива крестьянского населения округа вынужденно ограничивалась узким кругом коммерческих предприятий, связанных с сельским хозяйством и лесным промыслом. Любое другое начинание требовало определенных финансовых вложений, тогда как занятие лесоторговлей было доступно любому желающему.

Из документов становится очевидно, что росту популярности лесоторговли в Кабарде способствовали два важных условия – значительные лесные богатства края и то обстоятельство, что большая часть этих лесов находилась в ведении Кабардинской общественной суммы. В соответствии с новыми «Правилами» лесопользования, любой житель округа, после небольшой платы, мог свободно пользоваться этими богатствами. Простота получения разрешительных документов и их невысокая стоимость вовлекают в этот промысел все более широкие слои кабардинских крестьян. Архивные источники свидетельствуют, что лесной отхожий промысел получил наибольшее распространение именно в среде менее обеспеченного крестьянства. Это видно, например, из отчета начальника 2-го участка за тот же 1885 г. В его отчетной ведомости в качестве основного источника дополнительных заработков «в туземном населении», указывается лесоторговля, которая в следствии «изобилия кабардинских лесов», выступала ощутимым подспорьем в «хозяйстве людей менее богатого класса» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86. Л. 24об.].

Повальное увлечение лесоторговлей закономерно приводит к снижению ее рентабельности. Местный рынок оказался не готов принимать необработанную древесину в таком количестве, предложение явно превысило спрос на продукцию. Это обстоятельство подтолкнуло наиболее предприимчивых крестьян из числа занятых в этом предприятии, искать новые источники дохода и стимулировало переход от торговли сырьем и полуфабрикатами к организации простейших кустарных производств.

На рубеже XIX–XX вв. это явление становится более заметным. Возникает множество артелей и мелких кустарных производств, занимающихся переработкой древесины и изготовлением разнообразной продукции из нее. Уже в 1896 г. по округу числится колесное предприятие [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 414. Л. 100]. Ширится производство и продажа сельхозинвентаря, бытовой утвари и мебели. Развиваются некоторые ремесла, связанные с лесным промыслом – арчащее, столярное и проч. Отчетливее прослеживается товарная специализация в изготовлении деревянной посуды и мебели. Из мебели в Кабарде и Балкарии делались круглые столики, трехногие табуретки, кровати, жесткие диваны (топчаны), сундуки, шкафы, детские люльки. Большим спросом пользовались изделия кабардинских мастеров-краснодеревщиков Хашукаева К. из Кенже, Гетажеева М. из Старого Лескена, Битокова М. из Аушигера и др. [Мамбетов 1963: 44–45].

Вместе с тем, в Кабарде продолжают расти объемы заготовки древесины и производство полуфабрикатов. Возникает и расширяется сеть малых промышленных предприятий, специализирующихся на переработке лесных материалов. К 1903 г. в округе имелось 4 лесопильных предприятия, 3 из них находились в с. Докшоково [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 28об.]. В 1910 г. по округу значатся 5 лесопилен [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 52] и их количество продолжало планомерно увеличиваться. Эти производства располагались как в слободе Нальчик (в статистическом отчете за 1913 г. упоминается 2 слободских лесопильных завода при 5 рабочих) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 72], так и в селениях горцев. В 1905 г. только по 3 участку значатся: лесопильный завод в Лескене братьев Макоевых; лесопильный завод в Лескене Магомета Зураева; лесопильный завод И.А. Батырова и М.С. Малиева в с. Верхне-Кожоковском [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 641. Лл. 16–16об.].

Очевидно, что лесопромышленная отрасль Кабарды и связанные с ней ремесла в начале XX в. находились на стадии подъема. Это явление было обусловлено рядом объективных факторов, наиболее важными из которых являются обилие лесных богатств округа и достаточно комфортные для предпринимателей условия лесопользования. Данные условия обеспечили поступательное развитие капиталистических отношений в этой сфере экономики края. Говоря о причинах роста торговли лесом, нельзя оставить без внимания также и развитие транспортной инфраструктуры региона, а именно строительство железных дорог, которое в значительной мере содействовало упрочнению экономических связей Кабарды и Балкарии с другими народами России, дальнейшему росту производительных сил округа.

Источники и литература

1. Географическо-статистический словарь Российской Империи. СПб., 1864. Т. 2. 480 с.
2. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа / Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис, 1870. Вып. 3. 380 с.
3. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе.. Киев: ТипоЛитография «С.В. Кульженко», 1913. 283 с.
4. *Кумыков Т.Х.* Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.
5. *Мамбетов Г.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 110 с.
6. *Покровский М.В.* Русско-Адыгейские торговые связи. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957. 113 с.
7. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. 381 с.
8. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

FOREST TRADE IN NALCHIN (KABARDINSKY) DISTRICT

Dzughanov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and New History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzughanov@mail.ru

Guketlova Larisa Husenovna, Candidate of History, Associate Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named by H.M. Berbekova, l.guketlova@yandex.ru

The article explores the main points related to the development of the forest industry in the Nalchik (Kabardinsky) district in the XIX – early XX centuries. An attempt is made to determine the nature and characteristics of its development in the post-reform period and the folding of market relations. It is established that timber trade in a short time becomes the main outlying trade of the Kabardian peasantry, acquires the characteristic features of commodity production, thereby becoming the most important profitable part of the region's economy. It is noted that the extensive development of the Kabarda timber trade was largely promoted by the wealth of its mountain and foothill part of the forestlands, however, the use of these wealth was complicated by legal confusion and property disputes around them. It is concluded that, at the turn of the XIX–XX centuries, there has been a transition from the trade in raw materials and semi-finished products to the organization of the simplest handicraft industries. This event was marked by the emergence of a large number of artels and small handicraft industries engaged in the processing of wood and the manufacture of various products from it. There is a gradual development of related crafts and industries. The progress of their product specialization is clearly visible.

Keywords: Kabarda, Nalchik district, forest trade, forest industry, forest management, trade, trade, marketability, market.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-22-29

РЕВОЛЮЦИЯ В КАБАРДЕ: ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yandex.ru

Социально-политические трансформации 1917–1920 гг. в Кабарде явились сложным, событийно насыщенным периодом, сопровождавшимся частой сменой власти, чередованием векторов развития революционного процесса: от относительно «мирной» политической борьбы до крупномасштабных вооруженных столкновений. В данной работе рассматриваются основные тенденции структурирования этого периода в историографии, попытки выделить наиболее значимые этапы, опосредованные как идеологическими установками, так и эволюцией исследовательских подходов к проблеме, представленными советскими, эмигрантскими и современными отечественными работами. Советская историография трактует события 1917–1920 гг. как борьбу «трудящихся» за господство социалистической системы, предопределенной ходом истории. В рамках такого подхода выстраивается соответствующая периодизация революции в стране с поправкой на региональную специфику. Авторы эмиграции первой волны, оценивая советизацию Кабарды как негативный процесс, выделяют в своих исследованиях важные вехи антибольшевистского сопротивления. В постсоветских публикациях, свободных от идеологических установок обозначились следующие тенденции в осмыслении содержания «русской революции». Во-первых, было реабилитировано белое движение, что сказалось на периодизации, в которой нашли отражение этапы становления и развития антибольшевистской борьбы. Во-вторых, расширились хронологические рамки, сопутствующих революции процессов национально-государственного строительства горских народов Северного Кавказа, в том числе, кабардинцев, начало которых стало связываться не с Октябрьской, а с Февральской революцией. В-третьих, появились работы, исследующие революционный период не с позиции противоборствующих лагерей, а как трагичную для всего народа эпоху становления новой парадигмы социально-политического бытия, заключающую в себе такие этапы как кризис власти, опыт политической самоорганизации и Гражданскую войну.

Ключевые слова: Кабарда, Северный Кавказ, революция, большевики, советская историография, белое движение, антибольшевистское движение, Гражданская война.

Современная историография, рассматривает период 1917–1920 гг. как сложный многофакторный процесс, ключевые события которого – Февральская, Октябрьская революции и Гражданская война составляют этапы единой Великой российской революции [Петров 2017: 17]. Советские же историки эпитет «великий» употребляют применительно лишь к октябрьским событиям, тем самым отводя «буржуазному Февралю» второстепенную роль, интерпретируя его как своего рода прелюдию к подлинной большевистской революции.

Период от «февраля к октябрю», соответственно, описывался как время кропотливой, напряженной борьбы большевиков за овладение массами, формирование собственных органов власти, «разоблачение антинародной» политики Временного правительства, что в октябре 1917 г. привело к победе социалистической революции.

Этот семимесячный временной отрезок открывает периодизацию революционной эпохи и в регионах, в том числе и в Кабарде, несмотря на то, что провозглашение

советской власти произошло здесь спустя четыре месяца после Октябрьской революции. (Заметим, что после свержения самодержавия в феврале 1917 г., процессы формирования новых властных структур протекали синхронно как в центре страны, так и на Северном Кавказе. Здесь была бескровно смещена старая царская администрация, образован Областной гражданский исполнительный комитет, координирующий свою деятельность с Временным правительством).

Тем не менее, период «от Февраля к Октябрю» выделяется советскими исследователями как важный этап развития революции на местах [Гугов 1975]. В это время в Кабарде создаются Советы рабочих и солдатских депутатов, посредством которых большевики, «преодолевая враждебную деятельность местной националистической буржуазии, сопротивление соглашательских партий эсеров и меньшевиков провели огромную работу по завоеванию трудовых масс на сторону социалистической революции» [Улигов 1979: 83].

Октябрьская революция открывает следующий этап политической борьбы в Кабарде, завершающийся провозглашением здесь 21 марта 1918 г. советской власти. Приход к власти большевиков, провозгласивших право наций на самоопределение, свободу вероисповедания, обещавших скорейшее получение всяческих материальных благ, как отмечают советские исследователи, явился мощным стимулом, включившим горцев, разочаровавшихся в невнятном курсе Временного правительства и местных «национально-буржуазных» движений в борьбу за социализм. «Рост национального самосознания и классовой борьбы, возникновение первой большевистской организации в крае, свержение власти помещиков и местной контрреволюционной националистической буржуазии и утверждение власти трудового народа без кровопролития и с наименьшими жертвами, – заключает один из авторов, – стали возможны благодаря утвердившейся в центре страны власти Советов, всей мощью пролетарского государства оказавшей поддержку трудящимся всех наций России за свое социальное и национальное освобождение» [Постановление... : 1].

Таким образом, признается, что приход большевиков к власти в октябре 1917 г. открыл качественно новый этап в развитии революции в национальных окраинах страны и способствовал их вовлечению в орбиту советской власти. Это был событийно насыщенный период. За это время на Тереке прошло два Областных народных съезда, где большевики, играя на противоречиях казаков и горцев, смогли переманить последних на свою сторону, что явилось одним из решающих факторов провозглашения советской власти в регионе и образования Терской советской республики (включавшей и Кабарду), как составной части Российской федеративной советской республики.

Следующий этап охватывает период с марта по август 1918 г., то есть с момента провозглашения советской власти в Кабарде и до начала антисоветского восстания, поднятого терским казачеством и поддержанного населением национальных округов, в частности Кабардой и Осетией. Этот период описывается в советской историографии как время преобразований новой власти в социально-экономической, политической и культурной сферах региона. Описывается, естественно только в позитивных тонах, оставляя за рамками исследовательского внимания такие аспекты, как начало репрессивной политики большевиков в отношении широких слоев населения, не поддерживавших новый курс, а также разрешение остро стоящего в Терской области земельного вопроса за счет передачи соседним горским народам кабардинских территорий. Подобные инициативы, в конечном итоге, прервали «мирную, созидательную» деятельность советов всплеском антибольшевистских выступлений.

С началом этих событий в советской историографии открывается период Гражданской войны в Кабарде, завершившийся нейтрализацией здесь «белой» денкинской администрации и восстановлением советской власти в марте 1920 гг. В рамках господствовавших трендов, основным содержанием данного периода

объявлялась борьба «трудового кабардинского народа» под руководством большевистской партии за отстаивание завоеваний социалистической революции. Эта борьба прошла, в свою очередь, несколько этапов. Сначала (июль–сентябрь 1918 г.), – она была направлена на очищение местных советов от занявших в них лидирующие позиции «буржуазных националистов», объявивших нейтралитет в разгоравшейся на Тереке Гражданской войне и фактически выведших Кабарду из сферы влияния северокавказских большевиков. Затем (сентябрь–ноябрь 1918 г.), – на подавление антибольшевистского движения под руководством З. Даутокого-Серебрякова, на короткий период сосредоточившего власть в Кабарде в своих руках. И, наконец (январь 1919 – март 1920 гг.), – на свержение деникинско-го режима, больше года продержавшегося в регионе.

Таким образом, советская историография, трактуя события 1917–1920 гг. в Кабарде как борьбу трудового народа за советскую власть, соответствующим образом структурировала данный период. Однако, если представлять всю революционную эпоху как серию свершений большевиков, приведших к закономерному итогу – победе социализма в регионе, складывается упрощенная одномерная схема, игнорирующая многие аспекты проблемы.

В эмигрантской литературе представлены различные подходы к интерпретации революционных событий в Кабарде, что объясняется позицией и взглядами авторов, которые они отстаивали, будучи непосредственными участниками происходящих здесь процессов.

П. Коцев, один из деятелей национально-политического возрождения в регионе, сторонник установления федеративных отношений между Северным Кавказом и демократической Россией, после прихода к власти большевиков, взял курс на создание независимого государства (Горской республики), против чего выступали как «красные», так и «белые». В изложении Коцева [Пшемахо Коцев 2018: 81–106] революционная эпоха предстает как новый виток борьбы горцев за свободу (своего рода, продолжение Кавказской войны), прошедшей в своем развитии два этапа. Первый – «антибольшевистский» (февраль 1917 – декабрь 1918), связан с созданием общегорских властных структур, формированием национального войска, составлением конституции, а также с попытками нейтрализовать в пределах своей территории деятельность большевиков, что, как известно, не увенчалось успехом. После провозглашения советской власти на Тереке в марте 1918 г., Горское правительство покинуло г. Владикавказ и, перебравшись в Дагестан, сосредоточилось на вопросах международного признания Горской республики, параллельно координируя вооруженную борьбу оставшихся в крае антибольшевистских группировок.

Второй этап – «антиденикинский» (декабрь 1918 – март 1920), связан с организацией сопротивления Добровольческой армии А. Деникина. Последний, возглавив белое движение на юге России, перед походом на Москву, решил обезопасить тыл, то есть очистить Северный Кавказ, в частности Терек и Дагестан от большевиков, при этом, одновременно решая задачи его сохранения в составе «Великой и неделимой России». Естественно, в этих условиях, не могло быть и речи о какой-либо независимой Горской республике. В этот период, как пишет Коцев, горцы оказывали ожесточенное сопротивление белогвардейским частям, одновременно пытаясь через дипломатические каналы воздействовать на политику Деникина.

Другой взгляд эмигрантской историографии на проблему отражают мемуары К. Чхеидзе [Чхеидзе 2008] – участника антибольшевистского движения в Кабарде и деятеля деникинской администрации. В отличие от Коцева, стоящего в оппозиции как к «красным», так и к «белым», Чхеидзе являлся противником лишь большевиков, с целью нейтрализации которых, влился в составе кабардинских повстанческих отрядов в Добровольческую армию Деникина. В своих очерках, Чхеидзе обозначил основные вехи развития антибольшевистской борьбы

в Кабарде, представив ее как часть белого движения юга России. До провозглашения советской власти, местная администрация, опирающаяся на вернувшийся с фронта Кабардинский конный полк «Дикой дивизии», сдерживает активность большевиков как в Кабарде, так и в сопредельных Осетии и Пятигорске. После – (март 1918 г.), антисоветские силы переходят на подпольное положение и проявляют себя серией нападений на представителей новой власти. С началом антисоветского восстания терских казаков в августе 1918 г., начинается этап вооруженной борьбы кабардинцев с большевиками, которую возглавил З. Даутоков-Серебряков. Под натиском превосходящих сил красноармейцев, последний, в ноябре того же года, отступает на Кубань и вливается со своими частями в Добровольческую армию Деникина.

В постсоветской историографии появились исследования, освещающие революционный период в Кабарде в ином ракурсе. Предметом рассмотрения становится антисоветский лагерь [Жанситов 2009]. 1917–1920 гг. предстают как период развития процессов (ставших возможными после Февральской революции) национально-государственного возрождения, инициированных местной интеллигенцией и поддержанных широкими слоями населения. Достигнутые успехи в данном направлении пришлось отстаивать в условиях устремлений большевиков узурпировать власть в регионе и навязать свою модель социально-политических трансформаций. Для описания указанных процессов предлагается следующая периодизация. Первый этап (февраль 1917 – март 1918) – деятельность «февральских» властных структур Кабарды по противодействию распространению большевистского влияния в регионе. Второй этап (март – июль 1918 г.) – провозглашение советской власти, начало репрессий в отношении «социально-чуждых элементов», нарастание протестных настроений. Третий этап (август–сентябрь 1918 г.) – политика нейтралитета, проводимая представителями национальной интеллигенции, занявшей руководящие позиции в Нальчикском кружном народном Совете. Политика нейтралитета была направлена на ограждение Кабарды от разворачивавшейся Гражданской войны на Тереке, отзыве с фронтов местных вооруженных отрядов, направленных большевиками на подавление казачьего восстания и предотвращение процессов анархизации в пределах собственных границ. Четвертый этап (август–ноябрь 1918 г.) – антибольшевистское движение под руководством З. Даутокова-Серебрякова. Боевые действия в этот период переносятся на территорию Кабарды. С этого времени здесь, собственно, и начинается Гражданская война. В столкновениях участвуют, с одной стороны отряд «Свободы» З. Даутокова-Серебрякова, с другой, – пробольшевистски настроенные крестьянские ополчения. Обе стороны поддерживаются внешними силами: первый – казачьими частями, вторые – красноармейскими отрядами соседних с Кабардой регионов. Пятый этап (январь 1919 – март 1920) – период деникинского режима в Кабарде. Местные антибольшевистские формирования, после подавления казачьего восстания вливаются в состав Добровольческой армии Деникина, в авангарде которой, в январе 1919 г., в ходе общего наступления «белых» на Терек, занимают Кабарду. Деникинская администрация отменяет здесь все постановления советской власти, проводит рейды против большевистского подполья, контрразведка выявляет и ликвидирует его лидеров. Одновременно идет формирование полков Кабардинской конной дивизии, перебрасываемых на основные театры боевых действий Гражданской войны на юге России. Провал наступления Деникина на Москву, разгром Колчака, предопределяют поражение «белого» движения. Оставленный кабардинскими «белыми» частями Нальчик, в марте 1920 г. занимают большевики. В Кабарде устанавливается советская власть.

Исследование процессов национально-государственного строительства кабардинцев в 1917–1920 гг. в современной отечественной историографии отразило эволюцию взглядов на проблему. Отказ от отождествления понятий «советская» и «национальная» государственность предопределил необходимость расширения

хронологических рамок этих процессов, начало которых стало связываться не с «Октябрем» и провозглашением Терской советской республики, а с Февральской революцией и созданием Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, полноправным участником которого являлась и Кабарда. В связи с этим, становится очевидной необходимость в новой периодизации истории становления и развития национальной государственности кабардинцев в указанное время.

Первый период (март–октябрь 1917 г.) – создание 6 марта 1917 г. Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, институционализирующего автономистские устремления коренного населения региона и выступающего за федеративный принцип устройства «новой» России. В границах же непосредственно Кабарды, первой формой политического самоопределения народа явилось образование Нальчикского окружного гражданского исполнительного комитета, координирующего свою деятельность с областными структурами и «Союзом горцев».

Второй период (октябрь 1917 г. – март 1918 г.) был связан с Октябрьской революцией, превратившей эволюционный, демократический ход процессов национально-государственного строительства. «Союз горцев» не признал власти большевиков и в условиях анархизации региона совместно с Войсковым правительством Терского казачьего войска образовал Временное Терско-Дагестанское правительство, облеченное впредь до создания основных законов, полнотой общей и местной государственной власти.

Третий период (март–июль 1918 г.) – после провозглашения советской власти в регионе, Терско-Дагестанское правительство распадается. Включение Кабарды в созданную большевиками Терскую советскую республику не отвечает национальным интересам кабардинцев, вынужденно лишившимся части своих земель для удовлетворения соседних горских народов области.

Четвертый период (август–ноябрь 1918 г.) – благодаря деятельности национальной интеллигенции, занявшей руководящее положение в местных советских властных структурах и действиям отряда З. Даутокова-Серебрякова, очистившего Нальчикский округ от красноармейских частей, «кабардинский этнический социум в невиданно короткий исторический срок реконструировал на новой основе свою социально-политическую и идеологическую структуру» и в октябре-ноябре 1918 г. обладал многими атрибутами независимой республики: «политической и судебной властью, избранной демократическим путем, территориальным суверенитетом, национальным войском, нейтралитетом в вопросах войны и мира, особым Духовным Советом, выполняющим функции примирения и социальной интеграции» [Кажаров 1999: 49–50].

Рассмотрение революционного периода в Кабарде не с позиций противоборствующих лагерей, а как трагичной для всего народа эпохи становления новой парадигмы социально-политического бытия, отразилось на его структурировании [История... : 325–342]. Было выделено несколько этапов. Содержанием первого – явились кризис власти и высвобождение стихийных социальных процессов, порожденных двумя «русскими» революциями. Второй – стал временем процессов политической самоорганизации народа в рамках Терской советской республики. Третий – охватывает период Гражданской войны, (в годы которой кабардинцы включились в вооруженное противостояние общероссийских военно-политических режимов) завершившийся победой советской власти.

Источники и литература

1. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
2. Жанситов О.А. Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917–1920 гг.). Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 151 с.

3. История многовекового содружества. Издательство: М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
4. *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
5. *Петров Ю.А.* Великая российская революция: современные историографические тренды// Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международной научно-практической конференции. М.: [ИРИ РАН], 2017. 808 с.
6. Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» // Правда, 1977. 1 февраля.
7. *Пиемахо Коцев* – общественно-политический и государственный деятель Северного Кавказа. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 168 с.
8. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.
9. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков: Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Кавказская здравница, 2008. 120 с.

THE REVOLUTION IN KABARDA: ISSUES OF PERIODIZATION

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Associate Professor, Researcher of the Latest History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

Socio-political transformation of 1917–1920 in Kabarda, there was a difficult, eventful period, accompanied by a frequent change of power, alternating vectors of the revolutionary process: from relatively «peaceful» political struggle to large-scale armed clashes. This paper examines the main trends in the structuring of this period in historiography, attempts to identify the most significant stages, mediated both by ideological attitudes and the evolution of research approaches to the problem, represented by Soviet, émigré, and modern domestic works. Soviet historiography interprets the events of 1917–1920. as the struggle of the «working people» for the rule of the socialist system, predetermined by the course of history. Within the framework of such an approach, a corresponding periodization of the revolution is built in the country, adjusted for regional specifics. The authors of the first wave emigration, assessing the sovietization of Kabarda as a negative process, highlight in their research important milestones of anti-Bolshevik resistance. In the post-Soviet publications, free from ideological attitudes, the following trends in understanding the content of the «Russian revolution» were designated. First, the White movement was rehabilitated, which affected periodization, in which the stages of the formation and development of the anti-Bolshevik struggle were reflected. Secondly, the chronological frameworks that accompany the revolution of the nation-building of the mountain peoples of the North Caucasus, including the Kabardians, which began to be associated not with the October revolution, but the February revolution, have expanded. Third, there appeared works exploring the revolutionary period not from the standpoint of the opposing camps, but as a tragic era for the whole nation of the formation of a new paradigm of social and political being, comprising such phases as a crisis of power, experience of political self-organization and civil war.

Keywords: Kabarda, North Caucasus, revolution, Bolsheviks, Soviet historiography, the White movement, the anti-Bolshevik movement, civil war.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-30-35

ПРЕДПОСЫЛКИ И НАЧАЛО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail.ru

В статье рассматривается проблема восстановления народного хозяйства Кабарды и Балкарии после Гражданской войны и мероприятия центральных и местных органов власти для ее реализации. В связи с этим анализируются материалы X съезда РКП (б) о переходе к новой экономической политике и другие партийные и советские документы по исследуемой проблематике. В статье подчеркивается стремление государства восстановить сельскохозяйственное производство и в условиях переходной экономики обеспечить смычку города и деревни, укрепление союза рабочего класса и крестьянства.

Отмечено, что с точки зрения партийно-государственного руководства страны только на основе кооперации и создания сети производительно-потребительных коммун, было возможно заложить экономическую основу социалистического государства. Показана динамика развития кооперативного движения от простейших форм до специальных производственно-сбытовых кооперативов, вызвавших необходимость организации специализированных союзов и кооперативных центров, деятельность органов власти по ограничению и вытеснению кулачества из сферы торговли и т.д. Разразившийся кризис хлебозаготовки в 1927/1928 гг. практически завершил период проведения новой экономической политики и поставил на повестку дня политику сплошной коллективизации крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: новая экономическая политика, кооперация, кооперативное движение, товарищества по обработке земли, Сельхозсоюз, Ювсельсоюз, Каббалсоюз, Госторг.

Затяжные и разрушительные войны и революции 1914–1920-х гг. пагубно отразились на экономике Кабарды и Балкарии. В эти годы резко сократилась посевная площадь. Если до начала Первой мировой войны, т.е. в 1913 г. она составила 105886 десятин, то к 1921 г. она сократилась до 57330 дес. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3].

Только 48 % крестьянских хозяйств имели посев, который не превышал 0,75 десятин, причем 39 из них совершенно не имели рабочего скота. Из 100 крестьянских хозяйств 38 не имели сельскохозяйственного инвентаря [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 48. Л. 34]. Для обработки земли крестьяне пользовались деревянными плугами и бороной, серпом и косой. С такой примитивной сельскохозяйственной техникой крестьяне не справлялись с приведением заброшенных обширных земельных участков в надлежащий порядок и своевременным возвращением их в фонд посевных площадей.

Следует подчеркнуть, что с первых дней победы советской власти в октябре 1917 г., главной целью текущего политического момента страны объявлялось строительство экономической основы нового социалистического строя. Пути его реализации В.И. Ленин изложил в тезисном порядке в работе «Очередные задачи советской власти», опубликованной в апреле 1918 г., однако начавшаяся в стране

Гражданская война, длившаяся на Северном Кавказе три года, внесла свои коррективы в осуществлении данного проекта. В то же время, ее долгожданное окончание не принесло успокоения общественно-политической ситуации в округе. Завершение Гражданской войны и переход к мирной жизни ознаменовало начало нового этапа борьбы антибольшевистских сил округа против новой власти.

Так, по сведениям руководителя кабардино-балкарских большевиков Б. Калмыкова, в Кабарде и Балкарии действовали крупные антибольшевистские соединения. Один из этих отрядов в сентябре 1920 г. был разбит в районе с. Кармово. Повстанческий отряд в количестве около 1500 сабель был разгромлен на границах Кубани. По его же словам в районе Урусбиева был разбит большой отряд в 400 человек, на Черной речке – 200, на границах Осетии – 300 и т.д. [Калмыков 1983: 56].

В этих условиях трудящиеся Кабарды и Балкарии, руководимые местными большевиками, приступили к восстановлению народного хозяйства округа, в основе которого лежал сельскохозяйственный сектор экономики. Особенность экономики переходного периода состояла в многоукладности. Перевести ее на социалистический уклад, поставить народное хозяйство на социалистические рельсы оказалось делом чрезвычайно сложным не только для Кабарды и Балкарии, но в целом для всей страны. Решение этой важнейшей государственной задачи виделось в создании сети «производительно-потребительских коммун...» [Ленин 1962: С.185–186], призванных заложить экономическую основу социалистического государства.

После окончания Гражданской войны стала очевидной невозможность восстановления народного хозяйства страны в условиях господства политики военного коммунизма, вступившего в явное противоречие с требованием времени и представлявшего реальную угрозу советской власти. В стране начались повсеместные волнения крестьян. В этих условиях, 8–16 марта 1921 г. состоялся X съезд РКП(б). Одним из важнейших решений съезда явилось принятие постановления о переходе к новой экономической политике. Ее сердцевиной явилась замена продразверстки продналогом. Устанавливался продовольственный налог, объем которого заранее был известен крестьянину, и после выполнения плана по продналогу, он уже имел право выйти на рынок и продать излишки хлеба. После тягостной продразверстки, продналог воспринимался крестьянами с глубоким одобрением.

В порядке реализации решения X съезда партии, на 1921 г. для округа был установлен продналог, который по своим размерам был в три раза меньше продразверстки. Так, если по продразверстке область сдавала государству свыше 660 тыс. пудов хлеба и около 80 тыс. пудов мяса, то по продналогу в 1921 г. хлеба поставлялось всего 220 тыс. пудов и мяса около 30 тыс. пудов. Крестьяне теперь использовали излишки хлеба по своему усмотрению.

Это давало возможность оживить сельское хозяйство, расширить производство зерна и технических культур, необходимых для развития промышленности, усилить товарооборот, улучшить снабжение городов, создать хозяйственную основу союзу рабочих и крестьян. Крестьяне-бедняки освобождались от уплаты продналога полностью или частично, а с середняков он взимался в меньшем размере, чем с зажиточных и кулацких хозяйств [Бербеков 1963: 139].

Следует подчеркнуть, что руководители советского государства придавали большое значение развитию кооперации, призванной внести решающий вклад в претворение в жизнь новой экономической политики. В связи с этим, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР 16 августа 1921 г. приняли совместно «Декрет о сельскохозяйственной кооперации», который явился юридическо-правовым основанием организации сельскохозяйственного производства в условиях НЭПа.

В соответствии с этим документом, трудящимся сельской местности предоставлялось право создавать сельскохозяйственные кооперативные товарищества

или артели, как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для организации труда своих членов, снабжения их необходимыми сельскохозяйственными орудиями, семенами, удобрениями и другими средствами производства, а также для переработки и сбыта продуктов сельскохозяйственного производства и, наконец, для других мероприятий, направленных на увеличение количества и улучшение качества производимых их членами сельскохозяйственных продуктов [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации»].

В ходе реализации новой экономической политики пришлось преодолеть немало трудностей, связанных с социалистическим преобразованием деревни. Они были отчасти вызваны как специфическими особенностями хозяйства, так и быта горской деревни: наличием экстенсивного земледелия, чересполосицы, отгонной системы животноводства, слабой технической оснащенности сельского хозяйства и т.д. Преодолению этих и других трудностей в реализации новой экономической политики в условиях Кабардинской области было посвящено областное земельное совещание, проходившее 1–2 февраля 1922 г. Оно обсудило решения Всероссийского земельного съезда, состоявшегося 2–7 декабря 1921 г. и принявшего ряд важных решений по земельному вопросу. В частности, крестьянам предоставлялось право свободного выбора формы землепользования: 1) общинно-широкополосное, 2) хуторское землепользование, 3) отрубное, 4) поселковое.

В центре внимания областного земельного совещания оказалась новая политика советской власти в земельном вопросе. В ходе его обсуждения выяснилось, что крестьянская масса еще во многом не разобралась в сути предстоящих аграрных преобразований. Тем не менее, у всех участников земельного собрания вызвала повышенный интерес форма землепользования, наиболее соответствующая экономическим и иным условиям Кабарды. Такой формой землепользования было признано поселковое отрубное хозяйство.

Был также обсужден вопрос о сельскохозяйственной кооперации. В своем выступлении, известный исследователь земельных отношений на Северном Кавказе С. И. Месяц, на конкретных исторических примерах показал участникам земельного совещания преимущество кооперации в сельском хозяйстве при ее умелой организации с учетом интересов всех участников коллективного труда [УЦГА АС КБР. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 136. Лл. 63–63об, 65 об.–66об].

Начало аграрных преобразований в области совпало по времени с голодом, охватившим всю Кабарду в 1921 г. Поэтому участники областного земельного совещания возлагали особую надежду на сельскохозяйственные кооперативы, к созданию которых только что приступили. Тем более, что главным инструментом решения всех социально-экономических проблем деревни в тот период была признана организованная деятельность кооперативных товариществ и союзов под непосредственным контролем, как местных, так и всероссийских органов власти. В этот контекст вписывалось специальное постановление «Об экономической политике», принятое на первой Кабардино-Балкарской областной партийной конференции в ноябре 1921 г., в котором подчеркивалась мысль о том, что «новая экономическая политика есть единственный путь к возрождению крестьянского хозяйства и предлагалось новому комитету РКП (б) неуклонно проводить в жизнь все мероприятия Советской власти, вытекающие из новой экономической политики» [Бербеков 1963: 139.].

Следует отметить, что сельскохозяйственная кооперация в начале-середине 1920-х гг. развивалась преимущественно как универсальная. Первичные кооперативы объединяли самостоятельные крестьянские хозяйства, прежде всего по линии снабжения и сбыта, кредитования, а также производства (в основном по совместной обработке земли). Это означало, что крестьяне, как производители сельскохозяйственной продукции, не могли предложить рынку ничего, кроме самохозяйственной продукции и сами реализовали ее на рынке.

В Кабардино-Балкарии простейшие формы кооперации: потребительская, промысловая, снабженческо-сбытовая, кредитная, сельскохозяйственная и др., появились в годы новой экономической политики, когда торговля выступала связующим звеном в налаживании прочной экономической связи между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

Решающую роль в организации торговли на селе должна была сыграть потребительская кооперация. В связи с этим, IV съезд Советов Кабарды (июнь 1921 г.) обязал местные органы власти «всячески оказывать содействие для организации на местах кооперативов» [История КБР 1967: 127].

Так, в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 19 июля 1921 г., Кабардинский ревком в августе 1921 г. издал приказ, разрешавший свободную торговлю сельскохозяйственными продуктами, а также предметами кустарного и фабрично-заводского производства.

По мере того, как восстанавливались производственные силы сельского хозяйства и росла его товарность, стали возникать специальные производственно-сбытовые кооперативы, которые уделяли свое основное внимание обслуживанию той или иной ведущей отрасли хозяйства своих членов. Такой подход к решению производственных задач вызывал необходимость организации специализированных союзов и кооперативных центров, которые вникали бы глубоко в производственные проблемы обслуживаемых предприятий и организаций. Создание таких специализированных союзов и кооперативных центров было велением времени и шагом вперед по пути кооперативного движения.

Первый руководящий центр сельскохозяйственной кооперации был организован в августе 1921 г. Им стал «Сельскосоюз» – Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации. В это же время был создан Юго-Восточный сельскохозяйственный союз. В целях вытеснения капиталистических элементов из сферы торговли, в 1921 г в Нальчике был организован Кабсоюз, который объединил 27 потребительских обществ.

В начале 1921 г. семь кредитных товариществ, действовавших до революции 1917 г. в Басане, Шалушке, Ново-Ивановке, Ново-Полтавском, Матвеевском, Алтуде и Кременчуг-Константиновском, были преобразованы [История КБР 1967: 128]. Они перешли на устав сельскохозяйственных товариществ по обработке земли (ТОЗ). Постепенно росло их количество. Здесь надо отметить, что ТОЗы подобного рода, на данном этапе занимались не только производством сельскохозяйственной продукции, но и ее продажей, так как не хватало опытных кооперативных работников, отсутствовал центр для организации работы кооператоров. Для устранения имеющихся в работе недостатков в кооперативном движении и его дальнейшего развития, решением Кабардино-Балкарского обкома партии от 22 октября 1922 г. было создано Оргбюро по сельскохозяйственной кооперации в составе 5 человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 95].

По предложению Оргбюро, 13 января 1923 г. Президиум ЦИК КБАО рассмотрел вопрос об организации в Кабардино-Балкарии отделения Юго-Восточного союза сельскохозяйственных кооперативов, как руководящего органа сельскохозяйственной кооперации в КБАО [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 74. Л. 10].

Президиум ЦИК КБАО утвердил организацию Кабардино-Балкарского отделения Ювсельсоюза. После этого в области стало шире развиваться производственное кооперирование крестьян. Однако областное отделение Ювсельсоюза не оправдало ожиданий руководства области и 14 февраля 1924 г. бюро обкома РКП(б) обсудило вопрос «О Ювсельсоюзе», охарактеризовало его деятельность крайне отрицательно и потребовало от прокуратуры «...отобрать подписки о невыезде от ранее работавших» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 31] лиц в отделении.

Выступая на V областной партийной конференции, состоявшейся с 30 апреля – 2 мая 1924 г., Б. Калмыков подверг резкой критике хозяйственных руководителей,

которые не смогли наладить контакт с населением, в результате чего заготовительная компания 1923 г. в основном «...прошла через руки спекулянтов и поставщиков», что «...вызвало необходимость их реорганизации» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–12].

Здесь следует отметить, что в 1922–1923 гг., вследствие хорошего урожая, удалось преодолеть последствия голода, и цены на сельскохозяйственные продукты стали постепенно снижаться. В целом по стране эта тенденция сохранилась, и к середине 1923 г. сельское хозяйство достигло 70% довоенного уровня. В то же время промышленность была восстановлена лишь на 39%. А это привело к повышенному спросу на промышленные товары. Резкое падение цен на сельскохозяйственные продукты, их рост на промышленные товары, привели к образованию так называемых «ножниц цен». На этом этапе государству удалось стабилизировать рынок путем повышения закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и ликвидировать первый кризис новой экономической политики. На это опасное явление в экономике страны обратил особое внимание XIII съезд партии, состоявшийся 23–31 мая 1924 г. Он принял резолюцию «О кооперации», в которой были выявлены основные причины обострения продовольственной ситуации в стране. В резолюции подчеркивалась мысль о том, что «... развитию социалистического хозяйства и непосредственной смычке государственной промышленности с крестьянским хозяйством ставится прямая угроза в виде еще неразвитого рынка, но уже в большинстве захваченного частной торговлей» [Резолюция XIII съезда партии «О кооперации»].

Чтобы ликвидировать эту угрозу, необходимо было решить первостепенную задачу «вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью» [Резолюция XIII съезда партии «О кооперации»].

Те негативные тенденции, которые проявились в экономике страны в конце 1923 г., были замечены и руководством области. В связи с этим, с 1924 г. начинается реорганизация и перестройка всей кабардино-балкарской кооперации. Очевидно и то, что определенное влияние на этот процесс оказало завершение распада Горской АССР и появление областных национальных союзов потребительской кооперации, куда входила и Кабардино-Балкарская область.

16 февраля 1924 г., существовавшие к этому времени три кооперативных центра: «Кабсоюз», «БалкЕПО» и отделение «Ювсельсоюза», решением пленума Кабардино-Балкарского областного ЦИКа были объединены в единый Кабардино-Балкарский союз кооперативов, а собрание уполномоченных, состоявшееся 21 апреля 1924 г. юридически оформило это объединение. С этого времени в жизни Кабардино-Балкарской кооперации начался новый период. В 1924 г. по Кабардино-Балкарии числилось 65 первичных кооперативов, 47 кредитных сельскохозяйственных товариществ и ТОЗов, 15 ЕПО (Единое Потребительское общество) и 3 отделения лавки «БалкЕПО» [Текуев 1960: 23].

Также были объединены два государственных заготовительных органа – Госторг и Хлебопродукт в один Госторг. С точки зрения руководства области, это слияние вполне себя оправдало. В результате создания вместо трех, одного интегрированного кооперативного союза, область добилась значительных успехов в заготовке сельхозпродуктов. В 1924 г. после осуществления организационной перестройки, в Кабардино-Балкарии было заготовлено более 600 000 пудов зернопродуктов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–12].

После реорганизации кооперативных обществ и государственных торговых учреждений, важнейшей задачей кабардино-балкарской кооперации становится борьба с последствиями недорода, охватившими в 1924 г. почти всю Кабардино-Балкарию. К решению этой задачи подключились сельские кооперативные общества, которые не могли конкурировать с частной торговлей. Поэтому для

проведения товарообменных операций и вытеснения частного капитала из товарного рынка, Каббалксоюз получил от государства остродефицитные товары: мануфактуру, стекло, железо, мыло, соль, спички, сельскохозяйственные орудия и машины. Кабардино-балкарские крестьяне покупали или меняли продукты сельского хозяйства на товары у потребительской кооперации, минуя частных предпринимателей.

Наряду с потребительской кооперацией, стала пробивать себе дорогу и сельскохозяйственная кооперация: товарищества по совместной обработке земли, машинные товарищества и др.

Новые задачи социалистических преобразований в деревне диктовали новые методы их решения. В соответствии с постановлениями пленума обкома партии от 20–21 июня и заседания бюро обкома партии от 9 июля 1925 г., 17 июля 1925 г. Каббалксоюз был «разинтегрирован путем организационного оформления сельскохозяйственной и потребительской как двух самостоятельных видов кооперации» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 64]. Это ускорило производственное кооперирование сельского населения и способствовало подъему крестьянского хозяйства.

К концу восстановительного периода участились случаи, когда в одном и том же селении возникали два и более кооператива одного направления. Так, в сел. Ново-Ивановка, существовало два товарищества по обработке земли: «Опыт», организованное в 1923 г. из двенадцати крестьянских хозяйств, и «Бедняк», созданное в 1925 г. из четырнадцати бедняцких крестьянских хозяйств.

ТОЗы стали возникать и в других селениях Кабардино-Балкарии. В начале 1925 г. в Мало-Кабардинском округе были организованы ТОЗы «Горский пахарь» в сел. Дейском, «Верный путь» в сел. Терекском, и «Советский пахарь» в сел. Нижний Курп. К этому времени в округе было организовано 11 кооперативов с участием около 2000 человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 14]. В сел. Чегем I Нальчикского округа возникло два ТОЗа: «Вперед» из семи и «Новый путь» из семнадцати хозяйств.

Всего в 1925 г. в Кабардино-Балкарии имелось 12 товариществ по совместной обработке земли, 8 машинных товариществ, 7 скотоводческих, 3 мелиоративных, 3 пчеловодческих артелей. К концу восстановительного периода, кооперация объединяла 7133 крестьянских хозяйств или 22% населения области [История КБР 1967: 129–130].

В съезд Советов Кабардино-Балкарии, состоявшийся с 30 апреля по 9 мая 1926 г., подвел итоги советского строительства за предыдущие годы и определил приоритетные задачи на текущий 1926 г. При этом особое внимание он уделил укреплению и развитию специализированных сельскохозяйственных кооперативов: машинно-тракторных, мелиоративных, товариществ по совместной обработке земли, артелей по переработке молочных продуктов и т.д.

Почти одновременно с ТОЗами, стали возникать коммуны. В области были созданы две коммуны (в хуторах Баксанском и Матвеевском). Они были организованы на землях, принадлежавших ранее помещикам. Государство передавало им на вечное пользование жилые и хозяйственные постройки, инвентарь и другое имущество.

Жители Кабарды, преодолевая огромные трудности, вызванные революцией, Гражданской войной, голодом 1921 и 1924 гг. и т.д., сумели восстановить разрушенное войной и интервенцией народное хозяйство и приступить к развитию экономики и культуры области.

В Балкарии, в силу объективных причин, восстановление разрушенного хозяйства несколько затянулось. Здесь сельское хозяйство было восстановлено лишь на 60% по сравнению с довоенным уровнем, а животноводство – основа экономики Балкарии, базировавшееся на экстенсивном ведении хозяйства,

находилось в тяжелом положении. Тем не менее, были заметны некоторые сдвиги в восстановительной работе.

К концу 1926 г. в Кабардино-Балкарии насчитывалось 120 объединений, в том числе две сельскохозяйственные артели, 34 товарищества по совместной обработке земли, 38 машинных товариществ, 25 кредитных, 4 мелиоративных, 7 маслосыроваренных, 4 пчеловодческих, 2 животноводческих товарищества и 1 товарищество табаководов. На 1 октября 1926 г. членами сельхозкооперации стали 10 942 хозяйства, или 29% всех крестьянских дворов области [Бербеков 1963: 148].

Реализация новой экономической политики в Кабардино-Балкарии привела к значительному сближению основных социальных групп крестьянства: бедняков, середняков и кулаков. Здесь следует отметить, что в нормативно-правовых документах отсутствовала дефиниция, которая позволяла бы соотнести по характерным признакам то или иное крестьянское хозяйство к определенной социальной группе. Тем не менее, местные органы власти решали подобные вопросы по своему усмотрению.

В этом смысле определенный интерес представляет протокол совещания президиума Баксанского окрисполкома, состоявшегося 31 января 1925 г. На совещании обсуждался вопрос о создании комиссии по обследованию землеустройства, мелиорации и агрономической помощи населению округа. На этом совещании с докладом выступил инспектор краевой рабоче-крестьянской инспекции Шутовский. По его предложению было принято постановление, согласно которому при группировке крестьянских хозяйств обследуемых селений по социальному положению, крестьянское хозяйство было признано бедняцким, если имело до двух голов рабочего скота, двух – продуктивного и $\frac{1}{4}$ дес. посева на одного едока. Точно также середняцким считалось крестьянское хозяйство, имевшее до четырех голов рабочего скота, шести – продуктивного и $\frac{1}{2}$ дес. посева на едока, а все остальные крестьянские хозяйства, имевшие свыше этого количества рабочего и продуктивного скота и посева на одного едока, объявлялись зажиточными [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 57. Л. 52].

Если проанализировать эти данные через призму состояния экономики области до принятия новой экономической политики, то становится вполне очевидным, насколько улучшилось положение крестьян в новых социально-экономических реалиях. Однако следует подчеркнуть, что после принятия резолюции «О кооперации» на XIII съезде РКП (б), о которой мы говорили выше, носителями налогового бремени стали зажиточные крестьяне, в силу чего они потеряли интерес к расширению своего производства. К этому времени государство перешло к жесткому ограничению зажиточных крестьян (кулаков) и вытеснению их из сферы торговли. Такое агрессивное поведение государства по отношению к ним было обусловлено усилением экономической основы сельскохозяйственной кооперации, всячески поддерживаемой государством. Оно проявилось в Кабардино-Балкарии в период проведения хлебозаготовительной кампании в 1927/28 гг., когда у крестьян насильственно изымался весь хлеб, в том числе предназначенный для питания и посева. К этим мероприятиям были привлечены не только партийно-комсомольский актив, но также «...сельская беднота и комбеды, которым было обещано за донос 25% конфискованного хлеба» [Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. 1999: 43].

В условиях Кабардино-Балкарии, одним из действенных инструментов организации кооперативного движения явились крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ), чьи фонды в основном формировались за счет закят (сэджыт) и направлялись на финансирование вновь создаваемых сельских кооперативов.

Другим важным фактором, повлиявшим на кооперирование крестьянских хозяйств, была землеустроительная работа, которая началась еще в 1921 г. Она

затянулась в силу чрезвычайной сложности решения этой многоуровневой проблемы внутриселенного и межселенного распределения, связанной с затянувшимся установлением границ между национальными областями бывшей Горской АССР и Кабардой [Кармов 2017: С. 34–43].

В заключение следует отметить, что ликвидация разрушительных последствий войн и революций, восстановление народного хозяйства Кабардино-Балкарии протекало в чрезвычайно сложных условиях. Голод 1921 г. и недород 1924 г., не прекращающееся антибольшевистское движение, элементарное отсутствие орудий сельскохозяйственного производства, нехватка рабочего скота и многое другое выступали серьезными препятствиями на пути возрождения округа, а затем области. Но, несмотря на все эти трудности, в условиях НЭПа крестьянам удалось восстановить сельскохозяйственное производство. Главным инструментом в решении этой задачи явилось введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений, которые способствовали развитию торговли в сфере сельскохозяйственного производства и появлению кооперации в различных отраслях народного хозяйства.

Произошли серьезные сдвиги в структуре сельского населения. Ведущее положение в торговле стали занимать кулаки, что вызвало резкое сопротивление со стороны государства. С 1923 г. оно заняло активную политику по ограничению и вытеснению кулачества из всех отраслей народного хозяйства, в особенности из торговли. Непомерная налоговая нагрузка, ограничение в сфере экономической деятельности, постоянное преследование со стороны местных органов власти, привели хозяйства кулаков в упадок. В то же время, с помощью государства развивались кооперативы. В 1927 г. в целом по стране бедняки и середняки (в основном они же и были членами сельскохозяйственных кооперативов) собрали 4 млрд. пудов хлеба, а кулаки – 600 млн. пудов [Сталин 1949: 158].

На этом этапе кулачество, как социальная единица, с точки зрения большевиков, исчерпало себя. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. подвел черту под новой экономической политикой и положил начало ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Источники и литература

1. Бербеков Х.М. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Кабардино-Балкарское книжное издательство. Нальчик, 1963. 536 с.
2. История Кабардино-Балкарской АССР. М.: Наука, 1967. Т. 2. 439 с.
3. Калмыков Б.Э. Статьи и речи. Нальчик: Эльбрус, 1983. 240 с.
4. Кармов А.Х. Кабардино-Балкарская деревня в условиях новой экономической политики // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2017. № 4 (35). С. 34–43.
5. Ленин В.И. ПСС в 55 томах. Т. 36. Государственное издательство политической литературы. М., 1962. 741 с.
6. Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. 272 с.
7. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации». <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8541> (дата обращения: 24.06.19).
8. Резолюция XIII съезда РКП(б) «О кооперации». <https://lektsii.org/3-25881.html> (дата обращения: 25.06.19).
9. Сталин И.В. Сочинения в 13 томах. Т. 12. Государственное издательство политической литературы. М., 1949. 397 с.
10. Текуев А. Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. 151 с.
11. Управление центрального государственного архива АС КБР – УЦГА АС КБР.
12. Управление центра документации новейшей истории АС КБР – УЦДНИ АС КБР.

PRECONDITIONS AND THE BEGINNING OF COLLECTIVIZATION OF PEASANT FARMS IN KABARDINO-BALKARIA

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Latest History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

The article deals with the problem of restoring the national economy of Kabarda and Balkaria after the civil war and the measures taken by central and local authorities to implement it.

In this connection, the materials of the 10th Congress of the RCP(b) on the transition to a new economic policy and other Party and Soviet documents on the subject matter are analyzed. The article emphasizes the state's desire to restore agricultural production, and in a transition economy to ensure the link between the city and the country, to strengthen the alliance of the working class and the peasantry.

It is noted that, from the point of view of the party-state leadership of the country only on the basis of cooperation and the creation of a network of productive-consumer communes, it is possible to lay the economic foundation of a socialist state. The dynamics of the development of the cooperative movement from the simplest forms to special production and sales cooperatives, which necessitated the organization of specialized unions and cooperative centers, the activities of the authorities to restrict and oust the kulaks from the trade, etc., are shown. The outbreak of the grain harvest crisis in 1927/1928 yy. almost completed the period of the new economic policy and put on the agenda the policy of complete collectivization of peasant farms.

Keywords: new economic policy, cooperation, cooperative movement, partnerships for tillage, Agricultural Union, Uvselsoyuz, Kabbalkksoyuz, Gostorg.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-36-44

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КБР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Базиева Гульфия Джамаловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gbaz@mail.ru

Сохранение историко-культурного наследия – важная задача, на решение которой направлены усилия государственных, религиозных, национально-культурных и общественно-политических организаций. Актуальность проблем сохранения наследия в современных условиях глобализации и культурной модернизации очевидна, так как тенденции к унификации культур, а также свободной исторической интерпретации способствуют нивелированию и искажению исторического опыта и культурных традиций. Общественные организации рассматриваются как субъект социально-культурной деятельности, выполняющий ряд важных функций (культурно-образовательную, культурно-просветительскую и межкультурную). В полиэтничных регионах деятельность общественных организаций направлена не только на сохранение этнических традиций, языка, культурных ценностей, но и на воспитание культуры межнационального общения. Показано, что перспективными задачами социально-культурного проектирования общественных объединений КБР является поддержка традиционных ценностей и культурных практик, отвечающих критериям гуманизма и отражающих специфику полиэтничности в регионе.

Ключевые слова: культурное наследие, общественные организации, культурная политика, этнокультурные традиции, межнациональный диалог, Кабардино-Балкария.

В современный период превращение культурного наследия в живой феномен действующей культуры является важным направлением культурной и национальной политики РФ. Интеграционные процессы в социокультурной сфере должны способствовать не однообразию и нивелированию всех интегрирующих элементов, а, напротив, росту разнообразия в общей целостности. В 2014 г. в РФ были приняты «Основы государственной культурной политики», в которых впервые культура была возведена в ранг национальных приоритетов и признана «важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [Основы...].

В числе основных целей государственной культурной политики обозначены: сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации и культурным ценностям [Основы...].

Исходя из указанных целей формируется «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», основанная на принципах

федеративности РФ и нацеленная на сохранение единого культурного пространства (включая языковое, образовательное и информационное). «Единение науки, образования и искусства закладывает основу для понимания общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности» [Стратегия...].

В «Стратегию государственной культурной политики» периодически вносятся поправки, способствующие более динамичному развитию культуры в век информационных технологий. Так, в 2018 году были внесены изменения, направленные на «формирование Национальной электронной библиотеки и других государственных информационных систем, включающих объекты исторического, научного и культурного наследия народов России, а также доступа к ним максимально широкого круга пользователей» [Изменения...].

Сохранение историко-культурного наследия – задача не только государственного, но и общественного масштаба, на ее решение направлены усилия религиозных, национально-культурных и общественно-политических общественных организаций. Актуальность проблем сохранения наследия в современных условиях глобализации и культурной модернизации очевидна, так как тенденции к унификации культур, а также свободной исторической интерпретации способствуют нивелированию и искажению исторического опыта и культурных традиций. В задачи исследования входит выявление основных направлений деятельности общественных объединений Кабардино-Балкарской Республики по сохранению историко-культурного наследия всех народов, проживающих на ее территории.

Историческое и этнографическое изучение общественного движения в КБР стоит в центре внимания исследований С.И. Аккиевой [Аккиева 2002; Аккиева 2009], А.И. Тетуева [Тетуев 2016; Тетуев 2017; Тетуев 2018], А.Н. Таковой [Такова 2017], Л.Х. Сабанчиевой [Сабанчиева 2017], Р.Х. Тазиева [Тазиев 2014] и др., использующих комплекс историко-системных и ретроспективных методов. В рамках данной статьи рассматривается только та часть общественного движения в КБР, которая целенаправленно работает в сфере сохранения и пропаганды историко-культурного наследия, поэтому используются системно-деятельностный и междисциплинарный подходы. В полиэтничных регионах культура развивается не только на территориальных, но и национальных границах, в этой связи научный интерес представляют исследования, анализирующие данные процессы в контексте диалогичности и полифоничности культур.

Общественное движение в КБР является гетерогенным явлением: в настоящий период в КБР зарегистрировано 916 общественных организаций (192 – религиозные организации, 60 – региональные отделения политических партий, 620 – профессиональные, профсоюзные, местные общественные организации) [Реестр...], деятельность которых помимо профессиональных, идеологических, политических и конфессиональных проблем направлена на сохранение нравственных и этнокультурных ценностей народов КБР.

Одной из старейших общественных организаций, непосредственно занимающихся проблемами сохранения памятников культурного наследия в КБР, является Кабардино-Балкарское республиканское отделение ВОО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (год открытия – 1965). В течение более пятидесяти лет общество осуществляет контроль за соблюдением законодательства в сфере охраны культурного наследия, популяризирует памятники культурного наследия, тесно взаимодействуя со средствами массовой информации и общественностью КБР. Общество охраны памятников истории и культуры принимает активное участие в проведении выставок, конкурсов, семинаров, викторин, посвященных сохранению археологического и культурного наследия народов КБР (экспозиция «Археологическое наследие Кабардино-Балкарии. Из глубины

веков», литературно-исторические викторины, посвященные памятным датам и юбилеям выдающихся деятелей культуры КБР, конкурсы детского народного творчества и т.д.). Особое внимание общество уделяет работе с молодежью, пропагандируя бережное отношение к памятникам культурного наследия в учебных заведениях республики.

В годы перестройки важную работу по возрождению традиционных основ культуры, этнических и общечеловеческих ценностей стал проводить Кабардино-Балкарский общественный фонд культуры (год открытия – 1987). В многообразной деятельности фонда (клубная деятельность, работа с национальными культурными центрами, традиционная и современная культура народов КБР, просветительская деятельность в СМИ и СМК) особое значение имеют выявление, изучение, охрана, реставрация и использование памятников истории и культуры. Опыт работы по сохранению и возрождению духовных и материальных ценностей народов КБР, накопленный Кабардино-Балкарским фондом культуры, заслуживает широкого распространения и использования [Тетуев 2017: 45].

В 1989 году в КБР было открыто общество русской истории и культуры «Вече», активно участвующее в культурной жизни республики (организация и проведение тематических и персональных выставок, диспуты и встречи по актуальным и спорным проблемам, систематическое проведение конференций «Славянские чтения» по вопросам национальной идеологии, культуры и истории). Деятельность общества тесно связана не только с культурно-образовательными учреждениями, но и с религиозными (реализация совместных проектов с Благодичием Нальчикского округа Пятигорской и Черкесской епархии, организация совместных культурных и исторических мероприятий, посвященных значимым событиям и датам: 1125-летию Крещения Руси, годовщинам Победы в Великой Отечественной войне, Дням памяти и скорби и др.).

В 1990 г. формируется общественно-политическая организация «Адыгэ Хасэ», объединившая кабардинскую интеллигенцию для решения политических и социально-культурных вопросов (репатриация соотечественников на историческую Родину, подготовка и проведение Дней адыгской культуры, при содействии организации в республике стал отмечаться «День памяти адыгов – жертв Кавказской войны» и др.). В 2000 году организация из статуса общественно-политических перешла в статус общественных, соответственно ведущую роль в деятельности организации заняли вопросы национальной культуры и нравственных ценностей, возрождение института старших (нэхъыжь) и семейных традиций. Для решения данных проблем организация принимает живое участие в различных культурно-образовательных проектах (юбилейные и памятные мероприятия, читательские конференции, работа в СМИ и СМК). В 1998 г. ОО «Адыгэ Хасэ» стала инициатором проведения республиканского конкурса с проектом «Си бзэ – си псэ, си дуней» («Родной язык – душа моя, мой мир»), который в дальнейшем получил статус фестиваля – конкурса, способствующего совершенствованию методики изучения родного языка и литературы, пропаганде историко-культурного наследия в целом.

На базе нескольких объединений («Бирлик», «Ныгъыш», «Тёре», «Малкъар ауазы») в 2002 г. организуется ОО балкарского народа «Алан» (деятельность которой распространялась на целый спектр направлений: политическая, культурно-образовательная, историко-культурная и т.д.) [Аккиева 2002: 269]. Организация ежегодно проводит конкурс среди учащихся школ на знание родных языков: «Родной язык мой – душа моя», конкурс «Молодой историк», принимает деятельное участие во всех значительных общественных и государственных мероприятиях республики: День памяти жертв репрессий балкарского народа, День возрождения балкарского народа, а также знаменательных событий в истории адыгского народа и казачества, в «круглых столах» по вопросам содействия общественных

организаций в сохранении межнационального, межконфессионального мира и согласия в Северо-Кавказском регионе.

В целом, в деятельности общественных организаций русского, кабардинского и балкарского народов большое значение имеют проекты и программы по духовному воспитанию и образованию родных народов, восстановлению и пропаганде лучших нравственных и духовных ценностей.

В конце 80-х гг. начинают свою работу национально-культурные центры диаспор, проживающих на территории КБР. В числе первых были открыты корейский, еврейский и немецкий центры, основной целью которых стала репатриация представителей диаспоры на историческую Родину. У других диаспор НКЦ формируются позднее с целью сохранения национальной культуры на «чужой» территории.

Деятельность культурных центров нетитульных этносов республики (белорусского, осетинского, польского, армянского, грузинского, татарского, дагестанского, азербайджанского и др.), кроме задач сохранения языковых и культурных традиций, призвана влиять и решать проблемы межкультурного диалога, воспитания уважения к традициям всех народов, проживающих на территории республики.

Если в советский период немногочисленные общественные организации по сохранению культурного наследия функционировали в рамках системно-административной системы, то «перестройка» и ранний постсоветский период обнажили ряд серьезных проблем в сфере национальной политики. Деятельность общественных объединений в конце XX в. была направлена, в первую очередь, на проблемы национального самоопределения, формирования этнической идентичности, репатриации на историческую Родину и т.д. Наблюдались тенденции к решению политических задач через социальные и культурные проблемы, которые могли привести к дестабилизации и непредсказуемым последствиям (противопоставление титульных этносов друг другу и нетитульным меньшинствам, национал-экстремистские настроения и т.д.). За последние десять лет деятельность общественных организаций КБР по сохранению культурного наследия приобрела более системный характер и вышла на качественно новый уровень.

В соответствии со «Стратегией государственной культурной политики» в каждом регионе приняты программы по ее реализации. Так, в КБР такая программа предусматривает целый блок мероприятий, в том числе: вовлечение общественных советов при исполнительных органах государственной власти КБР, профессиональных и общественных организаций и творческих союзов в разработку и экспертизу законопроектов в сфере культуры, образования, СМИ, молодежной и национальной политики; популяризация культурного наследия КБР (выпуск печатной продукции, использование интерактивных ресурсов, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», формирование и реализация межрегиональных историко-культурных туристических маршрутов за счет вовлечения в туристический оборот памятников истории, культуры, археологии «Великий шелковый путь», «Великий чайный путь» и др.) [План...].

За последние пять лет активизировалась деятельность общественных организаций по сохранению и развитию этнокультурных ценностей народов КБР, что проявляется и в открытии новых общественных организаций, которые наряду с действующими активно занимаются изучением, сохранением и пропагандой этнических ценностей.

В приведенной ниже таблице мы попытались представить динамику развития светского общественного движения КБР по сохранению культурного наследия за последние 15 лет (в таблицу не включены организации, зарегистрированные ранее, а также религиозные организации).

<i>Год открытия</i>	<i>Общественная организация</i>
2003	Фонд содействию развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид», белорусский национально-культурный центр (НКЦ) Сябры, эстонский НКЦ «Кодумаа», азербайджанский НКЦ «Азери».
2005	Благотворительный фонд содействия творческих инициатив имени Али Шогенцукова
2006	Терско-Малкинское окружное казачье общество.
2008	Национальный фонд «Амра».
2009	Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по содействию в сохранении института семьи, поддержке женщин и детей «Жан».
2013	Фонд по сохранению памятников истории культуры «Сто шагов к Кайсыну».
2014	Фонд поддержки частных и муниципальных инициатив в сфере сохранения исторического наследия «Ассия»; Благотворительный фонд поддержки исламской культуры, науки и образования «Баракат» (Благословение); Некоммерческий Фонд по сохранению историко-культурного наследия и здоровья адыгского народа «Кабарда».
2015	Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по содействию развитию адыгской молодежи «Черкесский ренессанс».
2016	Национальный фонд поддержки черкесской культуры «Ашамаз»; КБРОО сохранения памятников истории «Дугулубгей».
2017	Фонд сохранения историко-архитектурного наследия поселения Кюнлюм Эль; Фонд культуры Кызима Мечиева
2018	Фонд поддержки истории, языка и традиций народов Северного Кавказа «Мультикультура».

Данная таблица демонстрирует устойчивость и положительную динамику развития общественного движения по сохранению, пропаганде и использованию культурного наследия, что подтверждает его востребованность в современном обществе. Ежегодно министерством культуры КБР оказывается государственная поддержка общественным организациям. В 2018 году гранты были выделены тридцати общественным организациям, в том числе: региональной общественной организации «Союз женщин Кабардино-Балкарской Республики», Терско-Малкинскому окружному казачьему обществу, национальному фонду «Амра», Кабардино-Балкарскому общественному фонду культуры и др.

Подобно тому, как личностное самосознание человека немыслимо без индивидуальной памяти, так и самосознание общества и нации невозможно без знаний о прошлом и образов прошлого, живущих в народной памяти. Особенно актуальной проблема отношения к прошлому становится для наций, прошедших через период серьезных испытаний. Для народов КБР, в числе таких испытаний, кроме событий общероссийского масштаба, стали события, связанные с Кавказской войной XIX в. и депортацией балкарского народа в 1944–1957 гг., поэтому «День возрождения балкарского народа» (28 марта), и «День памяти адыгов, жертв Кавказской войны» (21 мая) объявлены выходными днями. Как отмечает Д.Н. Прасолов, «историческая память и разнообразные коммеморативные стратегии являются существенным фактором социально-политического и социокультурного развития современной Кабардино-Балкарии, обеспечивая различные уровни общественной солидарности и этнической мобилизации» [Прасолов 2017].

Важное значение в современной культурной деятельности занимает практика проведения совместных мероприятий различных общественных организаций. К примеру, в Международный день родного языка (21 февраля) общественными организациями КБР совместно с Институтом повышения квалификации и

профессиональной переподготовки КБГУ проводится образовательная акция «День родного языка», направленная на популяризацию грамотности, повышение интереса к родным языкам, сохранение и развитие речевой культуры. Участники пишут диктант на карачаево-балкарском, кабардинском и русском языках. Данная акция проводится с целью привлечения внимания общественности к проблемам сохранения и развития родных языков, изучения истории, традиций, культуры и обычаев народов, проживающих на территории Кабардино-Балкарской республики.

В современных процессах этноактуализации наблюдаются тенденции, как к сохранению и воплощению устойчивого и уникального духовного опыта, так и к взаимодействию с другими культурами, установлению межкультурного диалога [Базиева 2010: 120]. В этой связи общественные организации КБР решают не только этнические проблемы, но и принимают заинтересованное участие в различных акциях общереспубликанского масштаба: проведении государственных, республиканских и национальных праздников, юбилейных дат выдающихся деятелей культуры КБР (К. Мечиева и Б. Пачева, А.П. Кешокова и К.Ш. Кулиева, И. Кашежевой и Т. Зумакуловой и др.). К примеру, в 2019 г. Общественная палата КБР совместно с Союзом женщин КБР и Кабардино-Балкарским фондом культуры провели республиканский конкурс молодых вокалистов «Жизнь моя – песня моя!», посвященный 85-летию народного поэта Кабардино-Балкарской Республики Танзили Зумакуловой и 75-летию лауреата Государственной премии Кабардино-Балкарской Республики поэта Инны Кашежевой.

В рамках реализации проекта «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур», при поддержке Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР, в государственном концертном зале г. Нальчика ежегодно проводятся «Фестивали Национальных Культур».

Проведение совместных общественных мероприятий способствует развитию социально-культурной активности и гражданской инициативы, возрождению традиционных духовных ценностей и воспитанию культуры межнационального общения, что в целом усиливает стабильность в обществе и повышает общий культурный уровень населения. В современный период досуг рассматривается как важное направление приобщения личности к культурному наследию «для приобретения полноценных знаний об основных законах развития культурной жизнедеятельности общества, их последующей реализации в собственной жизни» [Шарковская 2018: 18].

В настоящий период деятельность общественных организаций КБР направлена на такие важные социокультурные сферы как пропаганда духовного наследия народов КБР, проведение юбилейных мероприятий, производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание аудиовизуальных произведений на магнитных, электронных и цифровых носителях и др. (фонды К. Мечиева, А. Шогенцукова, К. Кулиева), издание периодических и музыкальных изданий, письменный и устный перевод, дополнительное образование детей и взрослых, деятельность спортивных объектов и клубов («Эльбрусид», «Черкесский ренессанс» и др.), поддержка в осуществлении мультимедийных проектов по сохранению и развитию языков народов Северного Кавказа; содействие изданию исследований, отражающих этнокультурные проблемы современности (Фонд поддержки истории, языка и традиций народов Северного Кавказа «Мультикультура»), восстановление православно-христианских и мусульманских основ духовности, культуры и образования (религиозные общественные организации), возрождение казачества, участие в разработке единой государственной политики возрождения и развития казачества, проведение кругов, сходов, собраний, митингов, соревнований, игр, демонстраций, шествий, пикетов и других

массовых мероприятий (Терско-Малкинское окружное казачье общество), организация концертов, фестивалей, игр, культурно-массовых мероприятий (национальный фонд «Амра»).

В процессах приобщения населения к духовному наследию существенную роль играет деятельность женских общественных организаций: достаточно отметить такие проекты как «С наследием прошлого – в будущее», «История моей семьи – моя история», «Родной язык – душа народа» (Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по содействию в сохранении института семьи, поддержке женщин и детей «Жан»), конференции «Женщины за сохранение и укрепление обычаев и традиций народов Кабардино-Балкарии», конкурс сочинений «Мое отношение к обычаям и традициям своего народа», круглые столы «Женский взгляд на проблему сохранения лучших традиций народов КБР», «Культурные ценности многодетных семей» (Союз женщин КБР) и др.

Общественные организации КБР оказывают помощь и в восстановлении материального наследия народов КБР (работы по устройству покрытий полов и облицовке стен, производство малярных, стекольных и кровельных работ) (КБРОО сохранения памятников истории «Дугулугей»), добыча декоративного и строительного камня, производство готовых пищевых продуктов и блюд, строительство жилых и нежилых зданий (Фонд сохранения историко-архитектурного наследия поселения Кюнлюм Эль). Работы в области сохранения материального наследия важны для развития этнографического туризма, так как архитектура, национальная одежда, пища являются важными этническими маркерами территории. З.М. Кешева справедливо отмечает, что для развития туризма в КБР необходимо «создавать объекты показа, которые могли бы стать дополнением к основным видам отдыха в Кабардино-Балкарии: горным лыжам, альпинизму, лечению в санаториях» [Кешева 2017: 335]. О важности сохранения этнических маркеров в материальной культуре пишет также Л.Х. Сабанчиева: «необходимо интенсивнее использовать природные и культурно-исторические преимущества края: не только воспроизводство былой туристской инфраструктуры, но и ее обогащение местами, привлекательными для многих видов туризма (познавательного, экзотического, спортивного, треккинга) [Сабанчиева 2017: 13].

В деятельности общественных организаций историко-культурное наследие является одним из основных факторов реализации программы духовного и нравственного воспитания и образования. В материальном и духовном наследии сосредоточены этические и эстетические, бытовые и мировоззренческие ценности, играющие ведущую роль в формировании и развитии национального самосознания и этнической идентичности. В целом, в культурной практике общественных организаций КБР можно выделить следующие направления:

1. Культурно-образовательная работа, связанная с необходимостью сохранения и изучения родных языков и этнической истории, духовных и материальных ценностей народов КБР.

2. Культурно-просветительская деятельность (проведение национальных праздников, фестивалей, популяризация и пропаганда достижений национальных культур в СМИ, СМК и т.д.), формирующая коллективную идентичность не только на этническом, но и на региональном и общероссийском уровнях;

3. Межкультурные и межнациональные инициативы (участие в общереспубликанских акциях, контакты с соотечественниками из других республик и стран и др.), призванные формировать культуру межличностных и межэтнических коммуникаций, прогнозировать и предотвращать межнациональные конфликты.

Источники и литература

1. Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарской республике. М.: Логос, 2009. 136 с.
2. Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарии. М., 2002. 441 с.
3. Базиева Г.Д. Этническая культура народов КБР в условиях современных трансформаций: культурологический анализ. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2010. 170 с.
4. Изменения, которые вносятся в Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года // Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2018 г. № 551-п // URL: <http://static.government.ru/media/files/....pdf>
5. Кеешева З.М. Этнографический туризм как фактор этнокультурного развития (на примере КБР) // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 333–340.
6. Основы государственной культурной политики // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/...>
7. План мероприятий по реализации в Кабардино-Балкарской республике в 2017–2018 гг. стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. // URL: <http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minkult/>
8. Прасолов Д.Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии / [Электронный ресурс] / Д.Н. Прасолов Режим доступа: URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8680> (дата обращения 15.05.19).
9. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций КБР URL: <http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/uvigodn/Reestr%20NKO.xls>
10. Сабанчиева Л.Х. Потенциал сохранности этнических маркеров материальной культуры в Кабардино-Балкарии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. М.: Научные технологии, 2017. № 11–12 (72–73). С. 11–14.
11. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февр. 2016 г. № 326-п. // URL: <http://government.ru/media/files>
12. Тазиев Р.Х. Общественно-политические объединения в Кабардино-Балкарии в 1985–2000 гг. Нальчик: Издательская типография «Принт-центр», 2014. 355 с.
13. Такова А.Н. Мусульманское духовенство постсоветской Кабардино-Балкарии: становление, особенности развития, современное состояние социальной группы / А.Н. Такова // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 3 (34). С. 73–84.
14. Тетюев А.И. Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2018. 240 с.
15. Тетюев А.И. Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 192 с.
16. Тетюев А.И. Межэтнический диалог культур как основа консолидации российского общества и формирования гражданской идентичности // Преподавание истории в школе. 2017. № 4. С. 43–51.
17. Шарковская Н.В. Педагогика досуга в контексте современного гуманитарного знания // Культура и образование. 2018. № 4 (31). С. 13–21.

THE MAIN ACTIVITIES OF PUBLIC ORGANIZATIONS OF KBR ON PRESERVATION OF HISTOCAL AND CULTURAL HERITAGE

Baziyeva Gulfiya Dzhamalovna, Candidate of Philosophy, Senior Researcher Associate of the Sector of Ethnology and Ethnography of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gbaz@mail.ru

Preservation of cultural heritage of each of the people living in the Russian Federation – a relevant task as the uniqueness and richness of ethnic cultures form the special field not only local, but also all-Russian culture. Use in modern sociocultural activity of moral capacity of historical and cultural heritage promotes preservation of basic fundamental values of national cultures.

The relevance of a research of problems of preservation of cultural heritage in various spheres of sociocultural practice is dictated by their special role in formation of ethnic and civil identity. Public organizations are considered as the subject of welfare activity performing a number of important functions (cultural and educational, cultural and educational and cross-cultural). In the polietnichnykh regions activity of public organizations is directed not only to maintaining ethnic traditions, language, cultural values of each of the people living in its territory but also to education of culture of international communication. It is shown that perspective problems of welfare design of public associations of KBR is support of traditional values and cultural the practitioner, answering to criteria of humanity and reflecting specifics of polyethnicity in the region.

Keywords: cultural heritage, public organizations, cultural policy, ethnocultural traditions, international dialogue, Kabardino-Balkaria.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-45-53

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ КАБАРДИНЦЕВ КАК ПРЕДМЕТ БРЕНДИРОВАНИЯ

Кешева Зарема Мухамедовна, и.о. зав. сектором новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kesheva10@gmail.com

Статья посвящена проблеме презентации региона с помощью брендинга блюд национальной кухни кабардинцев. Она ставит своей целью сделать узнаваемым Кабардино-Балкарию не только через общеизвестные бренды республики: Эльбрус, Чегемские водопады, Голубые озера, но и с помощью новых, вызывающих интерес брендов. Таким образом, особую актуальность приобретает брендинг национальных блюд, которые наряду с достопримечательностями могут привлечь внимание туристов. Пища является ярким этнокультурным маркером того или другого народа, поэтому наряду с просмотром достопримечательностей, туристы стремятся пообщаться к традиционным блюдам страны пребывания. В настоящее время гастрономический туризм является одной из малоизученных, но довольно перспективных тем, поэтому рассмотрение национальной кухни кабардинцев будет способствовать пониманию, какие блюда являются перспективными в качестве предмета брендинга. Национальная кухня кабардинцев характеризовалась богатым набором блюд, различными видами трапез и поведенческими аспектами питания. Блюда кабардинской национальной кухни отличались высокой калорийностью, богатыми вкусовыми качествами, универсальным характером использования, быстротой и простотой приготовления. Определено, что такой ресурсный потенциал туризма Кабардино-Балкарии, как ее национальные особенности, практически не учитывается, поэтому важно принять комплекс мер, для повышения ее инвестиционной привлекательности, и что брендинг национальных блюд как сопутствующего объекта, будет способствовать совершенствованию территориального брендинга.

Ключевые слова: брендинг, туризм, кабардинцы, блюда, кухня, достопримечательности., Кабардино-Балкария.

Основной задачей этнокультурного брендинга является эффективная презентация объекта, которая ставит своей целью сделать узнаваемым тот регион, чей продукт презентуется. Важной проблемой при этом является повышение имиджевой привлекательности региона, что, в свою очередь, поможет решить ряд социально-экономических проблем и привлечет дополнительные инвестиции.

В современной этнологии сложилась следующая система деления культуры этноса: культура первичного производства, культура жизнеобеспечения, соционормативная культура, гуманитарная культура. Инфраструктура культуры жизнеобеспечения в основном включает жилищно-поселенческий комплекс, систему питания и комплекс одежды. В данных элементах материальной культуры народа находят отражение различные этапы его социально-экономического развития.

Пища является одним из главных компонентов здоровья человека, его работоспособности и долголетия. Рациональное питание – это мощный фактор профилактики многих заболеваний. Самой популярной и широко используемой формой брендинга является традиционная культура жизнеобеспечения и, прежде всего, национальная кухня [Хубулова, Канукова 2014: 235].

Национальная кухня является ярким компонентом осознания культурной идентичности в социальном пространстве. В этом случае от собственного бытования еда переходит в план духовно-культурного бытия человека [Антюхина 2015: 248].

Пища является ярким этнокультурным маркером того или другого народа, поэтому наряду с просмотром достопримечательностей, туристы стремятся пообщаться к традиционным блюдам страны пребывания, а если речь идет о внутреннем туризме, то того региона, которым туристы в данный момент находятся. В настоящее время гастрономический туризм является одной из малоизученных тем, но довольно перспективной. Например, мало кто из туристов, не попробует пиццу или пасту, будучи на родине этих блюд в Италии, в Испании – паэлью, в Японии – суши и роллы и т.д.

Развитие международной кухни затрудняет идентификацию личности в собственном этнокультурном пространстве, навязывая потребителю различные экзотические блюда типа суши, рыбы фугу, мяса крокодила и другие. Развитие международного туризма также способствует забвению отечественных традиций питания. «Человек мира» привозит из зарубежных поездок не только разнообразные впечатления, но и полюбожившиеся ему продукты питания и кулинарные рецепты, чтобы удивить экзотическими блюдами своих друзей [Антюхина 2015: 248].

Между тем, в России также существуют яркие пищевые бренды, способные привлечь туристов. Например, тульский пряник, алтайский мед, вологодское масло, костромской и адыгейский сыры, белевская пастила. То есть национальная кухня является ярким маркером народа, который способен привлечь дополнительное внимание туристов. Например, в Северной Осетии был поднят вопрос о регистрации осетинских пирогов как национального бренда и глава Северной Осетии В. Битаров заявил о том, что нельзя допускать их подделку и что осетинские пироги не уступают по вкусу общепризнанным мировым брендам.

В ситуации, когда такой ресурсный потенциал туризма Кабардино-Балкарии, как ее национальные особенности практически не учитывается, особую актуальность приобретает брендинг национальных блюд, которые наряду с достопримечательностями могут привлечь внимание туристов. Поэтому рассмотрение национальной кухни кабардинцев будет способствовать пониманию, какие блюда являются перспективными в качестве предмета брендинга. Остановимся на самых ярких блюдах кабардинской кухни, которые могут стать брендами, с включением в гастрономический тур их дегустации и обучения приготовлению.

Национальная кухня кабардинцев характеризовалась богатым набором блюд, различными видами трапез и поведенческими аспектами питания. Блюда кабардинской национальной кухни отличались высокой калорийностью, богатыми вкусовыми качествами, универсальным характером использования, быстротой и простотой приготовления.

Разнообразие и особенности национальной пищи кабардинцев зависели от природных условий и их хозяйственной деятельности. Основу питания составляли мясные, молочные блюда, мучные изделия, овощи и фрукты, пища из яиц и меда, жидкая пища и напитки.

Мучные изделия кабардинцы готовили из пшеничной, ячменной, просяной и кукурузной муки. Основной пищей кабардинцев во второй половине XIX – начале XX века являлась крутая пшенная каша – паста (пастэ). Это блюдо имело универсальный (повседневный и праздничный) характер. Пищевой рацион кабардинцев подбирался таким образом, чтобы пастэ по вкусовым ощущениям наилучшим образом сочеталась с другими блюдами. Для приготовления пастэ в кипящую в котле воду засыпают хорошо очищенное, тщательно промытое пшено (хугу) и варят до тех пор, пока она не становилась крутой. Остывшую кашу нарезают на небольшие куски и едят с мясными блюдами, сметаной, молоком, кислым молоком и сыром. Во второй половине XIX – начале XX в. в просяную кашу во время

приготовления стали добавлять кукурузную, пшеничную муку, которые служили своеобразным связующим материалом. С середины XX века роль связующего материала стала играть манная крупа.

Из пшеничного теста пекли хлеб – мжаджэ. Для его приготовления в кипящую воду засыпали пшеничную муку и варили несколько минут. Затем образовавшуюся массу перекладывали на стол и подмешивали пшеничную и кукурузную муку. После этого тесто ставили в теплое место до приобретения определенной сладости, затем выкладывали на смазанную жиром сковородку и пекли. В настоящее время мажаджэ готовят из кукурузной муки с добавлением пшеничной муки.

Из пшеничной муки кабардинцы пекли слоеный хлеб (щлакхъуэзэтеупІэщІыкІ) [Мамбетов 1971: 346]. Тесто готовилось из яиц, сметаны, молока (или воды), затем его делили на несколько частей. Каждый пласт раскатывали отдельно, очень тонко, смазывая маслом, медом или посыпая сахаром. Затем пласты накладывали друг на друга, скатывали рулетом, выкладывали в сковороду спиралью. Очень популярен слоеный хлеб и в настоящее время, и он по праву может стать одним из пищевых брендов кабардинцев.

Широкое распространение в кабардинской национальной кухне имеют лакумы (лэкхъум), которые готовятся практически в каждой семье. Рецептов этого блюда существует очень много. Их готовят из пшеничной, кукурузной, смешанной муки, на воде, молоке, кефире, сметане и т.д. Тесто для лакумов раскатывается толщиной около 0,5–1 см, разрезается на желаемые куски и формы (примерно 5x10 см) и жарится в казанке или глубокой сковороде в большом количестве раскаленного масла. К праздничным событиям и свадебным торжествам готовили специальное мучное изделие из сдобного теста с добавлением большого количества яиц – джэдыкІэрыпщ или тхъурыжъ [Мамбетов 1971: 346]. Тесто раскатывали тонким пластом, особым образом обертывали вокруг руки и жарили в большом количестве масла. Приготовление данного изделия требовало особого мастерства ввиду сложности выполнения. Еще одним неизменным атрибутом праздничного застолья являлись казинаки из жареного теста (зэкІэрыс), которые готовились из пшеничной муки, яиц, меда и сахара. Эти блюда являются неизменным атрибутом ритуальных и праздничных мероприятий и в настоящее время.

Большое место в пище кабардинцев занимали и занимают пироги (хъыршын) и пирожки (хъэлывэ), которые делали из ячменной, а позднее пшеничной муки с начинками из картофеля, сыра, мяса, фасоли, тыквы и т.д. Для пирожков использовались также фруктовые начинки, грецкий орех, изюм и т.д.

Особое место в кабардинской национальной кухне занимают мясные блюда, являющиеся важнейшим продуктом питания. Мясные продукты, которые готовили кабардинцы, были разнообразны как по методам обработки, так и по видовому составу животных и птиц, мясо которых употреблялось в пищу. Излюбленным мясом являлась баранина, несколько реже готовили говядину и козлятину. Основными способами приготовления мяса являлись жарение, тушение, копчение и варка. Распространено было мясо, жареное на вертеле (в основном баранина) над раскаленными углями. В особых случаях целые туши домашнего скота или диких животных нанизывались на вертел и прожаривались над очажным огнем посредством медленного вращения.

Одним из самых распространенных мясных блюд у кабардинцев с давних времен является лицуклибже (лыцІыкІулыбжэ). Оно готовилось из мелко нарезанной баранины или говядины, пережаренной в масле с луком, перцем и мучной подливой. Соус должен иметь консистенцию полужидкой сметаны. Данное блюдо продолжает оставаться неизменным атрибутом традиционного кабардинского застолья, однако сейчас оно готовится из копченого мяса с традиционной подливой.

Особое место занимали мясные блюда, приготовленные из субпродуктов и внутренностей крупного рогатого скота. К ним относятся сальтисон (жэрумэ),

ливерная колбаса (тхъэмщыгъуныбэ), копченая или вяленая колбаса (нэкуль). Для приготовления ливерной колбасы (тхъэмщыгъуныбэ) говяжьей или бараньей печень тщательно размельчают, добавляют внутренний жир, мелко нарезанный лук и специи. Этой массой начинают сычуг (нэжыщыгъу) и тщательно закрепляют концы. В отличие от других видов колбасы тхъэмщыгъуныбэ не сушат, а употребляют только в вареном виде с чесночной подливой.

Особое предпочтение кабардинцы отдавали вареному мясу, которое также занимало строго определенное место в застольном ритуале. Обычно вареное мясо подавали в конце застолья с горячим жирным бульоном, который способствовал активизации пищеварения. Культовое значение во время застолья имела отварная баранья голова. Ее подавали в строго определенное время, и разделка головы сопровождалась особым ритуалом, который нельзя было нарушать. Данный обычай существует и поныне и ни одно праздничное торжество или ритуальное поминовение не обходится без вареного мяса с острым соусом (бжыныху шыпс), приготовленным из кислого молока, чеснока и специй, в который макают не только мясо, но и пасту.

Наиболее распространенным методом консервации мясных продуктов являлось копчение, вяление и сушение. Мясо заготавливали для длительного хранения в основном осенью. Тушу барана или крупного рогатого скота делили на большие куски, затем надрезали особым образом, тщательно солили и оставляли в какой-нибудь посуде на сутки, а затем подвергали указанным ранее методам консервации. Мясо коптили в дымоходе очага или вялили на солнце, иногда на небольшом огне при помощи специально устроенных плетней. Для длительного хранения мясо также солили и укладывали в специальную посуду. Жареное на вертеле сушеное мясо (лыгъур гъэжъа) с пастой было и остается одним из самых любимых блюд кабардинской национальной кухни [Шогенова 1991: 87].

Несмотря на обилие в местной кулинарии мясных блюд, для кабардинцев, как и для ряда других народов Кавказа, было характерно бережное отношение к домашнему скоту. Летом потребление мясных блюд значительно ограничивалось. В отдельные периоды мясо использовалось в основном на создание зимних и военных запасов, а свежее потреблялось главным образом в культовых и ритуальных целях.

Значительное место в пищевом рационе кабардинцев занимает мясо домашней птицы (кур, индеек, уток, гусей). Наиболее распространены блюда из курятины и индюшатины. Забитую птицу, предварительно обработанную, делили на части, имевшие конкретное название и предназначение при угощении гостей и членов семьи. Курицу и индюшку обычно варили целиком и употребляли с чесночным соусом (бжыныху шыпс). Наиболее популярным блюдом остается курятина со сметанной подливой – гедлибже (джэдлыбжэ), которую едят с пастой.

Заметную роль в питании кабардинцев играла и играет молочная пища. Молоко употреблялось как сырым, так и кипяченым, цельное, снятое, парное. Парное молоко считалось целебным. Молоко ели с пастой, чуреком, хлебом и т.д., на нем замешивали тесто, добавляли в чай, супы, каши.

Широко распространенной молочной пищей являлось кислое молоко (шху). Молоко кипятили, затем, дав ему остыть, добавляли небольшое количество закваски (шхуццатэ), размешивали, окутывали со всех сторон и оставляли в теплом месте на 2–3 часа. После того, как молоко заквасится, его переставляли в прохладное место. Кислое молоко также использовалось для приготовления чесночного соуса к мясным блюдам, на нем замешивалось тесто. Шху является одним из любимых напитков кабардинцев, т. к. помимо своей питательности хорошо утоляет жажду [Новое и традиционное... 1986: 93].

Своеобразное консервированное молоко (шкуз) в настоящее время практически вышло из обихода, но раньше его готовили довольно часто. Для его приготовления

только что заквасившееся кислое молоко наливали в мешочек из плотного материала и подвешивали, чтобы стекала сыворотка. Через сутки оставшуюся гущу перекладывали в керамическую посуду, добавляли сметану, подсаливали и заливали верх внутренним жиром или воском. Шхуз хранился два-три месяца, его брали с собой во время дальних походов [Марзей 2004: 205]. Это высококалорийное, богатое ценными белками блюдо ели с пастой, хлебом, чуреком, им заправляли супы.

Из сметаны готовили традиционные блюда кабардинцев – кхъуейжъапхъэ (сметанный соус с сыром) и жэмыкуэ (мамалыга на сметане с сыром). Для приготовления кхъуейжъапхъэ сметану с несколькими взбитыми яйцами жарили до тех пор, пока она не начинала желтеть. Затем добавляли мелко нарезанный сыр и жарили до его полного растворения. Для приобретения блюдом нужной консистенции добавляли кукурузную или пшеничную муку. Кхъуейжъапхъэ ели с пастой или чуреком. Жэмыкуэ готовили примерно также, как и кхъуейжъапхъэ, но муки или манной крупы добавляли больше, до получения густой массы, как мамалыга. Готовое блюдо можно употреблять в горячем и в холодном виде с кислым молоком.

Излюбленной и повседневной пищей кабардинцев являлся сыр (кхъуей). Особой калорийностью отличался сыр из овечьего и козьего молока. Сыр готовили из цельного или снятого молока, которое доводили до кипения и для быстрого свертывания добавляли сычуг (лъатэ) или сычужную жидкость (лъатэпс). Молоко для приготовления сыра заквашивали также кислым молоком. Творожную массу постепенно отжимали, освобождая от сыворотки, и укладывали на столик или специальную плетенку. Здесь ее прессовали руками, пока выделялась жидкость, затем разрезали на куски и укладывали в кадушку с соленой сывороткой, если сыр заготавливался на зиму.

Большое распространение имел копченый сыр (кхъуей плъыжь), который, благодаря высоким вкусовым характеристикам, был известен далеко за пределами Кабарды [Мамбетов 1971: 362]. Спрессованный и соленый сыр помещали в дымоходе открытого очага и коптили там несколько дней до образования коричневой корочки. Копченый сыр мог сохраняться довольно длительное время.

Свежий, соленый, копченый сыр употребляли с горячей пастой, чуреком, хлебом и т.д. Его использовали для приготовления целого ряда блюд. Начинкой для пирогов и пирожков часто служил рассыпчатый сыр (кхъуей лъальэ), который готовили из прокисшего молока. В настоящее время кабардинский копченый сыр по праву может считаться одним из ярких пищевых брендов республики, гости посещающие КБР, стремятся отвезти его домой, так как он, помимо высоких вкусовых качеств, может долго храниться и является незаменимым продуктом во время долгого путешествия.

Сыр использовали и как обрядовую пищу. Рождение ребенка, особенно мальчика, кабардинцы отмечали игрой – состязанием – «подвязывание копченого сыра» (кхъуей плъыжькIэрыщIэ). Для ее проведения во дворе вкапывали два высоких столба (до 6–8 метров) с крепкой перекладиной, на которую подвешивали копченый сыр и хорошо промасленную веревку. По ней соревнующиеся должны были добраться до сыра, откусить кусочек и получить за это приз. Подобные соревнования во время торжеств устраиваются и в настоящее время.

Кабардинцы употребляли в пищу и фасоль (джэрш), большей частью зимой и осенью. Любимым блюдом из фасоли являлся фасолевый соус (джэрш лыбжьэ), который готовился из отварной и размятой фасоли с добавлением пассированного лука, специй и молока. В отдельных случаях в массу добавляли сметану и мелко нарезанный сыр. Популярностью пользовался и суп с картофелем, фасолевый, фасоль использовалась и для начинки пирогов.

Пищевой рацион кабардинцев значительно дополнялся блюдами из кукурузы: отварная кукуруза (нартыху гъэва), жареная кукуруза (нартыху гъэжъа)

и кукурузный суп (ІэшрыІ). Этот суп являлся обрядовой пищей и его готовили через сорок дней после праздника Къурмэн. В отличие от других жидких блюд его обязательно варили из семи составных частей: зерен кукурузы, пшеницы, ячменя, пшени, фасоли, мяса (от животного, забитого по поводу курмана, – через 70 дней после окончания уразы) и лука, поджаренного на масле. Иногда в ІэшрыІ добавляли молоко. Этим обрядовым блюдом обязательно следовало угостить соседей. В настоящее время в кукурузный суп добавляются другие ингредиенты, которые могут варьироваться, но семь компонентов, в том числе кукуруза, фасоль и мясо обязательны. Из других видов растительной пищи значительную роль в приготовлении национальных кабардинских блюд играли перец (шыбжий), лук (бжьын), чабрец (джэдгын), чеснок (бжьыныху).

Из жидкой пищи в рацион кабардинцев входили травяные чаи, калмыцкий чай (со второй половины XIX века). Постоянным жидким блюдом являлись пшенный суп (хугу хъэнтхъупс), суп из кукурузной крупы (нарыху хъэнтхъупс), мясной и куриный бульоны, фасолевый и рисовый супы и т.д. Сладкие напитки готовили из кипяченой воды с добавлением сахара или меда. Из напитков самым излюбленным была буза – махъсымэ. В муку засыпали в кипящую воду и варили. Затем, дав жидкости остыть, добавляли в нее размятый солод, переливали в кадушку, заливали остывшей кипяченой водой, наглухо закрывали и оставляли бродить. После этого жидкость процеживали сначала через сито, затем через марлю, выливали в чистую кадушку и добавляли мед. Процесс приготовления махъсымэ достаточно трудоемкий, но и сейчас есть умельцы, способные приготовить этот знаковый адыгский напиток.

Хотя после Октябрьской революции национальная кухня кабардинцев и претерпела определенные изменения, из всех элементов материальной культуры народа она оказалась самой устойчивой. Социальное различие в пище исчезло, стала стираться грань между праздничной и повседневной пищей. Несмотря на повсеместную унификацию различных сторон материальной и духовной жизни общества, кабардинская кухня сохранила свои традиционные национальные черты. Сохранились основные аспекты застольного этикета, универсальный характер использования и порядок подачи на стол определенных блюд, традиционное праздничное и ритуальное меню.

В настоящее время повсеместно существуют примеры использования национальных пищевых брендов для привлечения туристов. Например – посещение уникального населенного пункта – аула Ходзь Кошехабльского района Республики Адыгея. Здесь практически в каждом дворе вялят мясо по сохранным издревле рецептам, готовят домашний адыгейский сыр, черкесские сладости так, как это делали несколько веков назад, каждый двор открыт для посещения гостей. Туристы могут попробовать национальные блюда, попытаться их приготовить. Кабардино-Балкария обладает не меньшими ресурсами, способными содействовать развитию как внутреннего, так и внешнего туризма.

Еще одним инновационным проектом туристической направленности стал гастрономический квест TOUR-DE-TOMATE. Уникальный проект, в котором приняли участие 12 представителей федеральных СМИ («Собеседник», «АиФ», «КП», «Гастроном», «Домашний очаг», «Семья», «Максим», «Кулинар» и т.д.) и 4 знаменитых шеф-повара (Василий Емельяненко – шеф-повар торговой марки «Помидорка», Максим Рыбаков – шеф-повар, г. Суздаль, Денис Перевоз – член правления Национальной Ассоциации Кулинаров, шеф-консультант и совладелец консалтинговой компании «Рецепт успеха», Андрей Колодяжный – бренд-шеф, г. Москва) состоялся в республике с 6 по 9 сентября. Гости исследовали кулинарные традиции Северного Кавказа. Они несколько дней ездили по Кабардино-Балкарии, записывали старинные рецепты, дегустировали фермерские продукты, посещали сыроварни, заповедники, местные рынки, винодельческое хозяйство и горные пастбища. В итоге ими были приготовлены национальные блюда из местных

продуктов. В ходе проекта участники вели информационные дневники, рассказывали о событиях он-лайн, через социальные сети. Этот проект помог значительному количеству людей приобщиться к пищевой культуре народов КБР и продемонстрировал, что республика обладает существенным ресурсным потенциалом развития.

Таким образом, можно констатировать, что Кабардино-Балкария имеет большие возможности в плане брендинга своих национальных особенностей, и национальная кухня кабардинцев может играть в этом процессе важную роль. Реклама в федеральных СМИ материалов, рассказывающих о гастрономических традициях Кабардино-Балкарии, положительным образом скажется на имидже республики и будет способствовать развитию как гастрономического туризма, так и в целом туристической отрасли КБР.

Источники и литература

1. *Антюхина А.В.* Еда как форма культурной идентификации [Электронный ресурс] / А.В. Антюхина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 8. С. 246–250. URL: <http://e-koncept.ru/2015/65050.htm>. (дата обращения: 06.06.2019)
2. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии / Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Эльбрус, 1971. 406 с.
3. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «ЗекIуэ» / А.С. Марзей. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 302 с.
4. Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев / отв. ред. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1986. 304 с.
5. *Хубулова Э.В., Канукова З.В.* Традиционная ритуальная пища осетин как этнокультурный бренд [Электронный ресурс] / Э.В. Хубулова, З.В. Канукова // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15889> (дата обращения: 07.06.2019).
6. *Шогенова В.Ш.* Адыгская кухня / В.Ш. Шогенова. Нальчик: Кабард.-Балкар. орг. Добр. о-ва книголюбов РСФСР, 1991. 157 с.

NATIONAL CUISINE OF KABARDINS AS A SUBJECT OF BRANDING

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, Acting Head Sector of the Latest History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kesheva10@gmail.com

The article is devoted to the problem of presentation of the region with the help of branding of dishes of national cuisine of Kabardins. It aims to make Kabardino-Balkaria recognizable not only through well-known brands of the Republic: Elbrus, Chegem waterfalls, Blue lakes. Thus, the branding of national dishes, which along with the sights can attract the attention of tourists, becomes particularly relevant. Food is a bright ethno-cultural marker of one or another people, so along with sightseeing, tourists tend to join the traditional dishes of the host country. Currently, gastronomic tourism is one of the little-studied, but quite promising topics, so the consideration of the national cuisine of Kabardians will contribute to understanding what dishes are promising as a subject of branding. The national cuisine of Kabardians was characterized by a rich set of dishes, different types of meals and behavioral aspects of nutrition. Dishes of Kabardian national cuisine were characterized by high calorie content, rich taste, universal nature of use, speed and ease of preparation. It is determined that such a resource potential of tourism of Kabardino-Balkaria as its national characteristics is practically not taken into account, so it is important to take a set of measures to increase its investment attractiveness, and that the branding of national dishes as an accompanying object will contribute to the improvement of territorial branding.

Keywords: branding, tourism, Kabardians, food, cuisine, attractions., Kabardino-Balkarian Republic.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-54-60

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ТЫЛУ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Тетуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

В статье анализируется вклад новейшей историографии в разработку основных направлений деятельности гражданского населения в тылу в годы Великой Отечественной войны. Освещаются изменения в трудовой государственной политике в экстремальных условиях. Раскрывается мобилизующая роль государственных и партийных органов страны и регионов в переводе экономики на военный лад. Обобщается опыт работы государственных органов власти, партийных и комсомольских организаций Кабардино-Балкарии по повышению производительности труда рабочих и колхозников в различных сферах экономики и строительстве оборонительных рубежей. Исследовано участие рабочих и колхозников республики в различных движениях: овладение новой техникой, совмещение профессий, двухсотников, трехсотников и др. Выявлен вклад гражданского населения региона в укрепление обороны страны. Раскрыто участие населения в сборе денежных средств в Фонды: обороны страны, строительства военной техники, хлебный фонд Красной Армии, подписки на государственные займы. Исследована деятельность государственных органов власти республики по организации сбора и доставки теплых вещей и подарков бойцам и командирам Красной Армии. Анализ исследуемой проблемы показал, что экстремальные факторы обусловили необходимость самоотверженного повседневного труда городского и сельского населения в тылу. Для обеспечения победы над захватчиками, люди ограничивали себя в удовлетворении самых насущных потребностей материально-бытового характера.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кабардино-Балкария, гражданское население, патриотизм, тыл, военная техника, продовольствие, оборонительные рубежи, фонды обороны страны.

Изучение, обобщение и осмысление повседневной жизни советских граждан в тылу в период Великой Отечественной войны имеет большое научное и практическое значение. По данной проблеме опубликован ряд работ, представляющих определенный интерес. Так, в книге «Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» исследуются вопросы влияния войны на повседневную жизнь городского и сельского населения, трудовой вклад регионов России в Победу [Народ и война 2010]. Проблеме изучения труда, условий жизни и быта населения Республики Татарстан в годы Великой Отечественной войны посвящены работы А.Ш. Кабировой [Кабирова 2015а, Кабирова 2015б: 227–289].

Наибольший интерес по исследуемой теме представляет десятый том «Государство, общество и война» фундаментального труда истории Великой Отечественной войны в 12 томах. С привлечением архивных документов и воспоминаний участников трудового фронта, в данном томе освещаются вопросы организации труда и быта рабочих, жителей деревни, проблемы, с которыми

пришлось столкнуться в промышленной и сельскохозяйственной сферах [Великая Отечественная война 2014].

Отдельные аспекты исследуемой темы нашли отражение в работах ученых Кабардино-Балкарии. В частности, в монографии М.Х. Гуговой [Гугова 2015] рассматривается характер военной повседневности, вклад женщин Кабардино-Балкарии в Победу.

В книге «Тыл и фронт 1941–1945» рассказывается о тружениках тыла и подвигах уроженцев Кабардино-Балкарии на фронтах Великой Отечественной войны [Тыл и фронт 2005]. Различные вопросы повседневной жизни фронта и тыла освещаются в книге «Письма огненных лет» [Хакуашев 1989]. Книга состоит из писем периода Великой Отечественной войны, написанных жителями Кабардино-Балкарии, сражавшимися на фронте и трудившимися в тылу.

Особый интерес для исследуемой темы имеют опубликованные документальные сборники «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и «Лики войны» [Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1975; Лики войны 1996]. В сборниках собран интересный фактический материал, рассказывающий о восприятии в республике начала войны, о помощи гражданского населения фронту, жизни советских граждан на оккупированной фашистами территории.

Анализ литературы, показывает, что проблема деятельности тыла Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны не стала предметом специального исследования. Практически отсутствуют комплексные исследования, раскрывающие влияние различных факторов на повседневную жизнь населения, не выявлена ее сложность и противоречивость. В данной статье исследуется одно из основных направлений повседневной жизни – труд в тылу врага гражданского населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны.

С началом войны в республике началась перестройка социально-экономической и политической жизни в соответствии требованиями военного времени. Для перевода экономики на нужды войны были внесены серьезные изменения в правовое регулирование труда. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» было издано постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» [Сборник материалов и документов... 1944: 14]. Указ расширял возможности привлечения граждан для выполнения оборонных, специальных строительных работ и других видов работ. Лица, привлекаемые к трудовой повинности, могли использоваться как по месту их постоянного жительства, так и вне его. К трудовой повинности привлекались мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины – от 16 до 45 лет. В постановлении, помимо перечня работ, выполняемых в порядке трудовой повинности, определения круга лиц, привлекаемых к трудовой повинности, был установлен срок привлечения к труду и режим рабочего времени, а также перечислены категории лиц, освобожденных от трудовой повинности. Кроме того, все предприятия переводились на жесткий порядок работы.

Президиум Верховного Совета СССР, в дополнение к закону «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г., принял 26 июня 1941 г. указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Указ предоставлял руководителям предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли, право вводить сверхурочные работы [Великая Отечественная война 2014: 121]. Отменялись все очередные и дополнительные отпуска, они заменялись денежной компенсацией, допускались только отпуска по болезни, по беременности и родам, работникам до 16 лет. В июле 1941 г. Совнарком СССР, в целях восполнения трудовых ресурсов, принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на

производство» [Сборник постановлений СССР 1941: 335], согласно которому им выплачивались пенсии весь период войны независимо от заработка.

Постановлением Совнаркома СССР № от 18 июля 1941 г., была введена карточная система снабжения продовольственными товарами и предметами первой необходимости для всего населения Москвы, Ленинграда, ряда городов и пригородных районов Московской и Ленинградской областей, а к 10 ноября карточная система была организована практически во всех городских поселениях страны [Великая Отечественная война 2014: 181].

С 1 сентября 1941 г. карточная система на продажу хлеба, сахара и кондитерских изделий была введена в г. Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 3, 4]. По переписи населения 1939 г. в Кабардино-Балкарской АССР проживало 359 219 чел., в том числе в городах Нальчик и Прохладный – 84 652 чел., что составляло 23,6% всего населения республики [Национальный состав...].

Указанные суровые меры находили понимание и поддержку населения страны, в том числе и республики. В виду грозной опасности, граждане готовы были трудиться, что называется на износ. Под лозунгом «Все для фронта, все для победы», на предприятиях республики внедрялись новые трудовые починуы, направленные на совершенствование производства продукции. На основании постановления Государственного Комитета Оборона СССР от 25 октября 1941 г., бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) приняло решение о налаживании и обеспечении выпуска военной продукции для Красной Армии на предприятиях республики. С этой целью создавалась специальная комиссия, которой поручалось «обеспечить массовый выпуск разнообразного вооружения предприятиями республики» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 88. Д. 1. Л. 133]. С конца 1941 г. на гидротурбинном заводе в Нальчике наладили производство мин. В январе 1942 г. их было выпущено 25 тыс. штук, а затем производство возросло до 30 тыс. мин в месяц. Завод, целиком переведенный на изготовление военной продукции, стал также производить гранаты и ранцевые огнемёты. Позже коллектив этого предприятия и группа рабочих Одесского завода имени Октябрьской революции, прибывшая в Нальчик с заводским оборудованием, наладили выпуск реактивных снарядов для гвардейских минометов – «катюш» [Тыл и фронт 2005: 23].

Тырнаузский комбинат до начала войны поставлял оборонной промышленности вольфрам и молибден. Вместе с тем, начиная с 1941 г. и до оккупации немцами КБР в начале августа 1942 г., на комбинате освоили производство и стали выпускать мины, гранаты и ранцевые огнемёты. О самоотверженном труде молодых тружеников комбината рассказывала секретарь комитета ВЛКСМ Ольга Казакевич: «На одном из ответственных участков не хватало кадров специалистов. Комсомольская организация комбината мобилизует на этот участок 15 своих лучших комсомольцев. Многие из них – тов. Криворучко, Кашежев, Кубатко и другие – идут на эту новую работу добровольцами. Вот что писали они: «Мы беремся за дело со знанием того, что каждый наш успех умножает силы Красной Армии, приближает час окончательного разгрома гитлеровских банд, злодейский напавших на нашу Родину» [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: 28 ноября].

Боеприпасы также производились на Нальчикском мясокомбинате, обостроительном заводе и фабрике «Чинар». На военные заводы страны, выпускавшие самолеты, из Кабардино-Балкарии поставлялась высококачественная авиа фанера до 1200 кубометров в месяц, которую до оккупации республики в 1942 г. гитлеровцами, выпускал Лескенский фанерный завод.

На Прохладненском мотороремонтном заводе, с осени 1941 г. вошедшем в состав ремонтной базы № 12 Главного автобронетанкового управления Красной Армии, ремонтировались доставляемые с фронта танки. За период с середины ноября по декабрь здесь было отремонтировано 40 боевых машин, которые 25 декабря «отгрузили на фронт». 30 января 1942 г. в действующую армию отправили

новый эшелон с 10 танками. Докшукинский (Нарткалинский) ацетонобутаноловый завод поставлял для оборонной промышленности свою продукцию, а коллектив Нальчикской кондитерской фабрики приступил к выпуску продовольственных брикетов и специальных пищевых концентратов в пакетах, предназначенных для снабжения бойцов Красной Армии. Помимо этого, «по централизованным спецзаказам», полученным в сентябре 1941 г. из Москвы, были изготовлены и отправлены для нужд Красной Армии десятки тысяч патронных сумок, маскировочных костюмов, бидонов для бензина, пулеметных подставок, седел, жестяных кружек – «неограниченное количество», полушубков, тысячи меховых жилетов, пар валенок [УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 1. Д. 195. Л. 17–19, 20–22; Тыл и фронт: 205: 24].

Важную задачу выполняли железнодорожники Кабардино-Балкарии, которые осуществляли перевозку людей для пополнения Красной Армии и грузов фронтового назначения: боеприпасов, продовольствия, снаряжения и обмундирования, сырья Тырныаузского комбината. На станции Прохладная бригада паровоза, состоящая из комсомольцев Пыхтина, Жуковца и Моца, включившись в патриотическое движение, возникшее в СССР в 1940 г. по инициативе Новосибирского железнодорожника Н.А. Лунина, стала по его примеру ремонтировать паровоз своими силами, до минимума сокращая его простой в депо. В заметке, опубликованной в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария», отмечалось, что «лунинская бригада» машиниста Пыхтина план межпромывочного пробега перевыполнила на 5 тыс. км, а среднесуточного – перевыполняет на 20–30 км. Бережно расходуя топливо, эта бригада за месяц сберегла государству 4,5 тонн угля. Этот почин поддержали и другие коллективы республики. Так, экономия топлива бригады машиниста станции Нальчик Сляренко, составила 300 килограммов за каждую смену» [Социалистическая Кабардино-Балкария 1942: 4 февраля].

С переводом народного хозяйства на военный лад, промышленность республики испытывала нехватку рабочих рук, так как наиболее дееспособная часть мужчин ушла на фронт. В этой связи, 13 февраля 1942 г. Верховный Совет СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве [Решения партии и правительства 1968: 64]. Ряды рабочих промышленных предприятий стали пополнять женщины и подростки. 28 июня 1941 г. группа работниц Нальчикского гидротурбинного завода обратилась к женщинам Кабардино-Балкарии с призывом занять рабочие места мужчин, ушедших на фронт, и овладеть их профессиями. Следуя их призыву, на работу в различные отрасли народного хозяйства пришли тысячи женщин. Более 28% всех работников на Тырныаузском комбинате составляли женщины, пришедшие на производство в первые дни войны.

В годы войны возникло патриотическое движение, которое было направлено на перевыполнение норм выработки. Одним из зачинателей движения «двухсотников» был слесарь Горьковского машиностроительного завода Ф.М. Букин, который 3 июля 1941 г. выполнил 2,5 нормы. В конце 1941 г. на предприятиях Горьковской области насчитывалось уже 3900 «двухсотников» [Великая Отечественная война 2014: 137]. Большое распространение получило это движение по всей стране. На предприятиях Кабардино-Балкарии множились ряды новаторов: двухсотников, трехсотников, пятисотников, тысячников, многостаночников, рационализаторов, ширилось движение за совмещение профессий. Среди домохозяек, заменивших своих мужей, ушедших на фронт, на Нальчикском гидротурбинном заводе была Ефросинья Саенко. В Сообщении Советского информбюро отмечалось: «Овладев профессией мужа, ушедшего в Красную Армию работница Н-ского (Нальчикского – А.Т.) гидротурбинного завода Ефросинья Саенко выполняет производственные задания на 130–140%» [Сообщение Советского информбюро 1941: 66].

Формовщик Прохладненского мотороремонтного завода Верещага, многостаночница мебельной фабрики «Чинар» Нина Кумехова, производственное задание выполняли на 200%, станочница Нальчикской трикотажной фабрики Казанчева – на 300% [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: 26 августа, 2 сентября]. Преодолевая трудности военного времени, предприятия республики успешно выполнили план 1941 г., увеличили выпуск валовой продукции по сравнению с 1940 г. на 10,8%. Многие предприятия досрочно завершили годовой план [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 471. Л. 21].

Вместе с тем, следует отметить, что рост военного производства в стране достигался путем сокращения производства товаров народного потребления первой жизненной необходимости (с прилавков магазинов исчезали такие товары как иголки, нитки, спички, керосин, соль). Кроме того, официальная среднемесячная зарплата в стране рабочих, ИТР, служащих в начале войны была невысокая 375 руб., к ее концу – 573 руб. [Соколов 2005: 25]. Зарплата рабочих Прохладненского района Кабардино-Балкарии в промышленности и строительстве в августе 1944 г. в среднем составила 340 руб., в то время как работники сферы образования получили 319–429 руб., культуры – 178–200 руб. [УЦГА АС КБР Ф.Р.-257. Оп. 1. Д. 23. Л.л. 277, 277 об., 406]. Таким образом, анализ архивных документов показывает, что заработанные рабочими и служащими республики средства, с большим трудом позволяли сводить концы с концами. К тому же, из этих денежных доходов они должны были оплачивать коммунальные услуги, различного рода налоги, участвовать в движении помощи фронту.

Наиболее трудная ситуация сложилась в сельскохозяйственном производстве республики, поскольку в течение первого периода войны из сельских районов Кабардино-Балкарии основная часть мужчин была призвана в армию и отправлена на фронт. Среди них были бригадиры, заведующие фермами, механизаторы, агрономы, зоотехники и другие специалисты сельского хозяйства. В этой связи, с патриотическим призывом к колхозникам Кабардино-Балкарии обратились трактористки и комбайнерки Прохладненской МТС Н. Захарченко, В. Гончаренко, М. Бурдюгова, А. Мормышева, А. Почикинослова, М. Кудряшева (М.П. Кудряшевой 08.04.1971 г. было присвоено почетное звание Герой Социалистического Труда). Они призвали своих подруг «встать на место мужчин, ушедших и уходящих на фронт, изучать сложные сельскохозяйственные машины, овладевать техникой их вождения...» [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: 28 июня]. Следуя этому призыву, в колхозе «Нижний Баксан» Эльбрусского района, летом 1942 г., в отведенные колхозу сенокосные угодья в местности Бажиган (ныне Ногайский район Республики Дагестан – А.Т.), приехали на сенокос 12 девушек, из них – Шахризан Этезова, Раузия Этезова, Зухра Отарова, Шамшия Юсупова, Шамхан и Фатимат Малкаровы работали на лобогрейках и сенокосилках. Всего в колхозах Кабардино-Балкарии в начале войны работали 30 373 женщин, в том числе трактористками и комбайнерами – 782 [Тыл и фронт 2005: 63; УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 4. Д. 10. Л. 8–23; Ф. 1. Оп. 1. Д. 289. Л. 16; Каменев 2014: 23, 24]. В республике были созданы краткосрочные курсы по подготовке трактористов, комбайнеров и других специалистов сельскохозяйственного производства, где обучались несколько тысяч женщин и мужчин непризывного возраста. В марте 1942 г. было подготовлено 13 тыс. различных специалистов сельскохозяйственного производства [О работе партийных организаций 1982: 133–136].

Совнарком и ЦК ВКП (б) 17 апреля 1942 г. издали совместные постановления: «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» и «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» [О работе партийных организаций. 1982: 133–136]. Во исполнение указанных документов, Совнарком КБАССР и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) приняли постановление от 25 апреля 1942 г., в котором указывалось:

– повысить на время войны для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы минимум трудодней в году (до 80 трудодней в горных районах и до 120 в остальных районах);

– в соответствии с Положением о порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей, не работающих на предприятиях промышленности и транспорте, служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений, а также учащихся неполных средних и средних городских и сельских школ, студентов и техникумов вузов (за исключением выпускных курсов института), произвести мобилизацию:

а) учащихся неполных средних и средних школ и техникумов – с 5 июня по 20 августа;

б) учащихся пединститута – с 1 по 25 августа.

Мобилизацию остального трудоспособного населения произвести на пропашные работы в срок с 15 мая по 5 июля, на уборку колосовых – с 10 июля по 20 августа; на уборку пропашных и технических культур – с 1 сентября по 5 ноября» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 3–4].

Однако, в связи со сложной обстановкой на Южном фронте, где враг подходил к Ростову и возникла угроза его прорыва на Северный Кавказ, необходимо было ускорить уборку урожая. Поэтому руководство республики 5 ноября 1941 г., в соответствии с постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О привлечении в военное время учащихся 7–10 классов к участию в сельскохозяйственных работах», приняло решение о привлечении в организованном порядке для участия в сельскохозяйственных работах в колхозах наряду со старшеклассниками и учащихся 5–6 классов. Срок участия в сельскохозяйственных работах учащихся с 5-го по 10-ый класс устанавливался до 1 декабря 1941 г. В условиях острой нехватки рабочей силы в деревне, эта помощь школы имела большое значение в деле своевременного и качественного проведения в сжатые сроки полевых работ. В дальнейшем, весь период Великой Отечественной войны, учащиеся школ Кабардино-Балкарии, как и студенты всех учебных заведений, принимали самое активное участие в работе на колхозных полях, тем самым оказывая большую помощь в снабжении Красной Армии продовольствием.

Перестроив свою работу в соответствии с требованиями военного времени, многие колхозы досрочно справились с текущими хозяйственными планами. Уже в середине 1941 г. колхозы и колхозники Эльбрусского района досрочно выполнили годовые государственные поставки мяса, молока и брынзы. Авансовая сдача мяса в счет 1942 г. составляла 77% годового задания [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: 21 августа]. Одними из первых двухсотников и трехсотников в сельском хозяйстве республики стали комбайнеры А. Семернина, Ерижоков, Бекишев, Нина Михалец. К ноябрю 1941 г. в сельском хозяйстве работали более 400 двухсотников и 150 комсомольско-молодежных фронтовых звеньев по уборке урожая [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 4. Д. 60. Л. 7]. Труженики сельского хозяйства Кабардино-Балкарии в 1942 г. активно включились во Всесоюзное социалистическое соревнование колхозов и МТС с лозунгом «Дадим фронту и стране больше хлеба, мяса и сырья для промышленности!». Одновременно развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование женских тракторных бригад, в котором приняли участие свыше 900 тракторных бригад республики. Многие из них на весенних полевых работах перевыполнили взятые на себя обязательства. Трактористки Атова Бица и Накова Алена (Мало-Кабардинская МТС), Назаренко Раиса (Прималкинская МТС), Семененко Анна (Солдатская МТС) и другие, выполнили по полторы нормы и добились экономии горючего.

В передовой статье газеты «Правда» отмечалось: «Многие районы страны достигли серьезных успехов в дальнейшем подъеме колхозного животноводства.

Кандидатами на получение Красного знамени Государственного Комитета Обороны СССР здесь признаны 8 регионов, в том числе и Кабардино-Балкария. Во Всесоюзном соревновании «за наилучшее использование машинного парка МТС», Кабардино-Балкария также была признана кандидатом на получение еще одного Красного знамени ГКО СССР [Правда 1942: 16 мая]. За образцовое выполнение заданий ГКО СССР, связанных с поставками действующей армии продовольствия, снаряжения, конного состава и за формирование 115-й кавалерийской дивизии, Указом Президиума Верховного Совета КБАССР от 8 мая 1942 г. Почетной грамотой были награждены 29 человек. Среди награжденных только 7 работников предприятий, остальные – руководители партийных, советских и хозяйственных органов. Кроме того, Военным Советом СКВО З.Д. Кумехов, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), за успешное формирование 115-й кавалерийской дивизии был представлен к награждению орденом Ленина [Лики войны: 1966: 42–44; Тыл и фронт 2005: 61, 62]. К сожалению, существовавшая практика поощрения свидетельствовала о формализме в организации социалистического соревнования, расхождении теории в официальной пропаганде и тем, что было на практике, в условиях тоталитарной системы.

Благодаря самоотверженному труду колхозников, студентов и учащихся, в Кабардино-Балкарии в 1941 г. убрали урожай на 20 дней раньше намеченного срока [Хакушев 1978: 38].

Не менее продуктивно трудились граждане Кабардино-Балкарии в военный период и на строительстве оборонительных рубежей. 13 октября 1941 г. в связи со сложной обстановкой на Южном фронте и угрозой прорыва немецко-фашистских войск на Северный Кавказ, Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о создании оборонительных рубежей в данном регионе, включая территорию Кабардино-Балкарии. 15 октября 1941 г. последовало указание наркома НКВД СССР, бравшего под свой контроль все оборонительные работы, именуемые «спецстроительством». На основании указанных документов, Кабардино-Балкарский обком ВКП (б) принял постановление от 5 ноября 1941 г., в котором отмечалось: «1. Приступить с 1 ноября с. г. к проведению оборонительных работ в районе Солдатской по направлению к городу Прохладному на протяжении 30–35 километров; 2. Мобилизовать сроком на 40 дней для проведения оборонительных работ местное население в возрасте: мужчин от 16 до 50 лет, женщин от 18 до 40 лет (30 процентов) в количестве 30–40 тыс. человек» [Кабардино-Балкария в годы ... 1975: 87, 89]. Также было указано на необходимость мобилизации на оборонительные работы в Кабардино-Балкарии 5 тыс. подвод, 50 грузовых автомашин, 120 тракторов.

В спешном порядке по республике прошла мобилизация рабочих предприятий, колхозников, служащих, медицинских работников, студентов, учителей, учащихся старших классов. Район, где с 1 ноября разворачивались работы, был разделен на пять участков, первый из которых закреплялся за городом Нальчиком. На других участках работало мобилизованное население из всех 16 районов Кабардино-Балкарии. Мобилизованные граждане были переведены на военное положение, распределены по отделениям, взводам, ротам и батальонам. При этом, каждому человеку была определена дневная норма выработки земли в кубометрах. С начала ноября 1941 г. более 30 тыс. граждан Кабардино-Балкарии начали строительство оборонительного рубежа протяженностью до 35 км. на участке станция Солдатская – город Прохладный. Они рыли противотанковые рвы, сооружали укрепления для огневых точек. Работы по строительству оборонительного рубежа в районе Прохладного, начатые 1 ноября, продолжались не 40 дней, как вначале планировалось, а два с половиной месяца, до середины января 1942 г.

В соответствии с постановлением Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 25 августа 1942 г., была проведена мобилизация населения на оборонительные

работы, проводимые на территории Нальчикского, Баксанского, Урванского, Лескенского, Терского, Курпского, Хуламо-Безенгиевского и Черекского районов, а также города Нальчика [Кабардино-Балкария в годы ... 1975: 151–152].

Жители Кабардино-Балкарии под руководством военных специалистов вели оборонительные работы на ее территории вплоть до октября 1942 г. Ими рылись окопы и противотанковые рвы, возводились дзоты и доты, устанавливались противотанковые препятствия. В узел обороны был превращен и город Нальчик. В строительстве оборонительных сооружений на его улицах участвовали горожане совместно с воинами инженерных частей 37-й армии.

Несмотря на тяжелый труд, неблагоприятные погодные условия, тяготы жизни в полевых условиях, частое отсутствие горячей пищи, люди самоотверженно работали с раннего утра до наступления ночи. Всем занятым на строительстве мужчинам и женщинам, совсем еще юным и в зрелом возрасте, силы придавало сознание того, что они работают, чтобы защитить свой край, своих близких, что и здесь, в тылу, они делают все для фронта, для борьбы с врагом.

Подавляющее большинство колхозников, служащих, рабочих, значительно перевыполняли нормы выработки. Отдельные колхозники выполняли больше чем 8 норм. Сооружение оборонительных рубежей на Северном Кавказе, включая территорию Кабардино-Балкарии, велось под общим руководством саперов 10-го Управления оборонительных работ 10-й саперной армии. Непосредственно отделениями, взводами, ротами и батальонами мобилизованных граждан республики, командовали местные советские и партийные работники и активисты из числа рабочих, колхозников, служащих. В целом, жители Кабардино-Балкарии, занятые на спецстроительстве, выполнили огромный объем земляных работ, исчисляемый в 1 миллион 712 тыс. кубических метров. Всего в оборонительных работах в 1941–1942 гг. приняло участие 66 тыс. граждан Кабардино-Балкарии. Их самоотверженный труд по возведению рубежей обороны, стал большим вкладом в дело помощи Красной Армии, сражавшейся с немецкими войсками на Северном Кавказе.

Благодаря наличию большого количества оборонительных сооружений, такая малочисленная армия, как 37-я, в течение двух с половиной месяцев удерживала фронт протяжением около 150 километров.

За высокие достижения в труде на строительстве оборонительных рубежей, строители Кабардино-Балкарии были награждены: 5 человек – орденами и медалями СССР, 155 – Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР, 836 – грамотами 10-го Управления оборонительных работ, 1610 – поощрены благодарностями руководства спецстроительства, 455 – отмечены ценными подарками и премированы деньгами [Кабардино-Балкария в годы... 1975: 109–110; Тыл и фронт 2005: 41, 42, 52, 53, 72–76].

В конце июля 1941 г. в СССР, по инициативе коллектива московского станкозавода «Красный пролетарий», началось движение по созданию Фонда обороны страны [Великая Отечественная война 2014: 153]. Он складывался из добровольно вносимых денежных средств, облигаций государственных займов, драгоценностей, продовольствия. В выходные дни рабочие и колхозники становились к станкам и машинам, трудились на колхозных и совхозных полях, участвовали в воскресниках, чтобы дать дополнительные тонны металла, угля, нефти, хлеба. Финансовые и материальные ресурсы шли на нужды вооруженных сил.

До временной оккупации территории Кабардино-Балкарской АССР врагом, было проведено девять массовых субботников и воскресников. Первый массовый воскресник в Фонд обороны страны состоялся 3 августа 1941 г., во Всесоюзный день железнодорожников. В этот день в Прохладненском отделении железной дороги на работу вышли несколько тысяч железнодорожников и домохозяек. Коллектив вагоноремонтного депо отремонтировал несколько паровозов

и 15 вагонов. Деньги, заработанные на воскреснике, были перечислены в Фонд обороны страны [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: 6 августа].

23 ноября 1941 г. был проведен Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник. Десятки тысяч рабочих, колхозников, служащих, домашних хозяек и школьников вышли на работу на заводах и фабриках, на колхозных и совхозных полях, собирали металлолом, грузили и разгружали вагоны, прибывшие на станции. Наибольшие результаты на воскреснике показали жители Прохладненского, Эльбрусского, Зольского и Уранского районов. По результатам молодежного воскресника, в Фонд обороны страны было перечислено 312 513 руб. [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: 28 ноября].

Нальчикский ГКО и Кабардино-Балкарский обком ВКП (б) осуществляли постоянный контроль за сбором средств на оборону страны. Так, в декабре 1941 г. Нарком финансов республики, проверив организацию сбора средств на обороны страны, выявил ряд существенных нарушений, среди них:

«— неполнота охвата коллективов рабочих и служащих отчислениями в Фонд обороны страны. Так, по г. Нальчику из 85 проверенных организаций в 15 отчисления в Фонд обороны не организованы. Аналогичное положение имеет место и в районах республики;

— задержка правлениями колхозов выполнения воли общих собраний колхозников по сдаче продукции натурой. Так, если по сообщениям газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» в Баксанском районе поступило 270 тонн зерновых и подсолнуха, а по данным Заготзерна республики эти поступления составляли 24 тонны. Аналогичное положение было в Зольском, Нальчикском, Терском районах». [Лики войны 1996: 79, 89]. Государственные и партийные органы республики боролись с подобной практикой и добивались их устранения

Всего по состоянию на 17 января 1942 г., в Фонд обороны страны поступило средств на 3 млн. 300 тыс. руб. деньгами, облигаций — на 4 млн. 839 тыс. руб., 181 тонна зерновых, 73 тонны подсолнечника, 956 центнеров мяса, пищевсырьевых заготовок на 9527 руб.» [Тыл и фронт 2005: 33].

Источником пополнения государственного бюджета стали добровольные поступления денежных средств от граждан по подписке на военные займы. В подписке на эти займы приняли участие жители всех республик, краев и областей. За период войны было выпущено четыре государственных займа, каждый в двух выпусках, на запланированную сумму 72 млрд. руб., не считая государственного займа третьей пятилетки, который был принят 2 июня 1941 г. [Великая Отечественная война 2014: 163]. Ввиду активной поддержки всех жителей Кабардино-Балкарии, подписка на Государственные займы была завершена в установленные сроки. В результате, были перечислены: 1-й государственный займ (1942 г.) — 28 818 тыс. руб.; 2-й (1943 г.) — 18 473,2 тыс. руб.; 3-й (1944 г.) — 29 469 тыс. руб.; 4-й (1945 г.) — 29 714 тыс. руб. [Тыл и фронт. 2005: 57, 123, 186].

Однако, как бы ни были значительны добровольные сборы средств населения в Фонд обороны страны, они не могли покрывать расходы на ведение войны. Учитывая нужды фронта, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 декабря 1941 г. ввел военный налог. В соответствии с 5-й статьей этого Указа «О средних ставках военного налога для колхозников и единоличников», была установлена ставка военного налога на одного члена хозяйства, колхозников и единоличников Кабардино-Балкарской АССР, в 200 руб. По РСФСР на одно хозяйство военный налог составил в 1942 г. — 492 руб., в 1943 г. — 803 руб., при общем доходе, превышающем 11,5 тыс. руб. на одно хозяйство. От взимания военного налога были освобождены все семьи военнослужащих и инвалиды войны [Хакушев 1978: 55–56].

Для сдачи указанных налогов, сельскому населению приходилось отдавать самое необходимое, так как оплата за выработанные трудодни зависела от полученной

прибыли колхозом. Так, например, колхозники Кубинского района Кабардино-Балкарии за 1943 г. в среднем выработали по 174 трудодня и каждому из них за один трудодень выдали: деньгами – 1 руб. 50 коп., зерна – 340 гр, картофеля – 500 гр, сена – 2 кг, прочее – 100 гр. [УЦГА АС КБР. Ф. Р.-334. Оп. 1. Д. 334. Лл. 2, 7]. Кроме того, с каждого крестьянского двора (как колхозного, так и единоличного), предусматривалась выплата натурального налога в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти [Сборник законов СССР и указов ПВС СССР 1945: 155]. В таких условиях, колхозники выживали только за счет приусадебного хозяйства.

Стремление граждан Союза ССР защитить свои социальные завоевания дало и другие формы укрепления обороноспособности социалистического государства. В 1942 г. в стране возникло патриотическое движение по созданию хлебного фонда для защитников Родины. Идея навстречу пожеланиям колхозов о создании из урожая 1942 г. хлебного фонда для удовлетворения возросших потребностей Красной Армии в хлебе, директивные органы в июле 1942 г. постановили создать из урожая 1942 г. хлебный фонд Красной Армии. Размер хлебного фонда для армии по Кабардино-Балкарии был определен в одну тысячу пудов. Через полгода, в декабре 1942 г., учитывая просьбу колхозников и колхозов, разрешили вносить в добровольном порядке в хлебный фонд Советской Армии хлеб из личных запасов колхозников. Местным органам власти было разрешено засчитывать в счет выполнения плана хлебного фонда зерно, внесенное колхозниками из личных запасов.

Однако создание хлебного фонда Советской Армии в 1942 г. по Кабардино-Балкарии было прервано ее временной оккупацией. В соответствии с постановлением СНК СССР от 30 ноября 1943 г., Совнарком КБАССР и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) установили план сдачи хлеба в хлебный фонд Красной Армии авансом в счет 1944 г., в размере 280 тонн. [Лики войны 1996: 286]. К 15 декабря 1943 г. все 154 колхоза и 10 совхозов республики полностью выполнили план по хлебозаготовкам. Было сдано 36 161 тонн зерновых, 10 413 тонн подсолнуха, 6771 тонн картофеля, 11 599 тонн сена, 4945 тонн овощей, 3395 тонн мяса, 28 788 тонн молока, 2 293 851 штук яиц, 824 центнеров шерсти, 87 230 штук различных кож [Хакушав1978: 168].

После создания Фонда обороны, денежные средства населения стали поступать на строительство танковых колонн и эскадрилий самолетов, катеров и бронепоездов. Одними из первых, с инициативой сбора средств на боевую технику выступили комсомольцы Челябинского абразивного завода Наркомстанкопрома осенью 1941 г., когда бронированные армии вермахта рвались к Москве. Они предложили начать сбор средств на танковую колонну имени Челябинского комсомола [Великая Отечественная война 2014: 157]. Этот всесоюзный почин поддержали и в Кабардино-Балкарии. В начале сентября 1941 г., по инициативе комсомольской организации мясокомбината, в г. Нальчике проходил сбор средств на строительство звена самолетов-истребителей имени Комсомола Кабардино-Балкарии. По призыву комсомольцев ацетон-бутанолового завода в поселке Докшукино, с декабря 1941 г. начался сбор средств в фонд строительства танковой колонны имени Комсомола Кабардино-Балкарии».

С начала 1942 г., среди учителей школ республики проходил Всесоюзный сбор средств на строительство танковой колонны «Народный учитель». Тогда же учащиеся школы № 1 г. Нальчика, входившие в отряд имени капитана Гастелло, призвали школьников Кабардино-Балкарии принять участие в сборе средств в фонд строительства танковой колонны «Советский школьник» [Тыл и фронт 2005: 33].

Инициатива комсомольцев мясокомбината нашла горячую поддержку среди всего населения республики. 15 сентября 1941 г. 2240 рабочих, служащих и домохозяек Прохладненского железнодорожного отделения устроили воскресник и заработанные ими 10 221 руб. внесли в фонд строительства бронепоезда.

Комсомольцы и несоюзная молодежь Кабардино-Балкарии, 23 ноября 1941 г. провели воскресник для сбора средств на строительство таковой колонны. Большинство из них, кроме заработанных в тот день денег и трудодней, отдали для строительства танковой колонны свои личные сбережения. Всего по Кабардино-Балкарии в этот день было заработано 312 512 руб., которые были перечислены в фонд строительства танковой колонны [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: 28 ноября].

По состоянию на 15 октября 1942 г., на строительство авиаэскадрильи истребителей «Комсомолец Кабардино-Балкарии» было собрано 1650 тыс. руб., танковой колонны имени ВЛКСМ – 643 тыс. руб., на молодежных воскресниках было заработано и внесено в фонд обороны страны для строительства боевой техники – 309 600 руб., собрано и сдано государству 2338 тонн металлолома [Хакушев 1978: 54].

В дальнейшем, в республике проводился сбор средств на строительство танковых колонн «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии (в 1943 г. собрано 13 353 тыс. руб.) и «Смерть немецким захватчикам» (в 1944 г. собрано 20 600 тыс. руб.). Последняя – 14 мая 1944 г. вошла в состав 2-ой танковой армии под командованием генерал-полковника С.И. Богданова [Лики войны 2005: 121, 185, 186, 216–318, 350].

ЦК ВКП (б) 5 сентября 1941 г., идя навстречу пожеланиям трудящихся, принял постановление «О сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии» [Великая Отечественная война 2014: 167]. Была создана Центральная комиссия (председателем которой стал секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев), которая устанавливала ориентировочные размеры сбора наиболее важных теплых вещей по каждому региону. Сбор теплых вещей для воинов Красной Армии проходил по всей стране. И повсюду эта кампания находила горячий отклик у людей, готовность помочь защитникам Отечества, сражавшимся с гитлеровскими захватчиками.

Данная патриотическая инициатива нашла широкий отклик и среди населения Кабардино-Балкарии. Для практической работы по сбору теплых вещей для Красной армии при Кабардино-Балкарском обкоме ВКП (б) была создана комиссия из ответственных работников республики, которая устанавливала планы для городов и районов, осуществляла контроль за их исполнением. Комиссии с аналогичными функциями создавались при райкомах ВКП (б) и сельских исполкомах [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 17–26–28].

По указанию главного интенданта Красной армии, собранные теплые по всей республике вещи направлялись в отделение 166 склада Народного комиссара обороны в г. Орджоникидзе.

19 февраля 1942 г. первый секретарь обкома партии З.Д. Кумехов в телеграмме, направленной в ЦК ВКП (б), сообщил об итогах патриотического движения, проходившего под лозунгом «Теплые вещи – защитникам Родины!»: «В Кабардино-Балкарии с начала кампании по 15 февраля 1942 г., собрано у населения теплых вещей, материалов для Красной Армии: полушубков, бурок – 7100, жилетов меховых – 4270, валенок – 7950, шапок – 10 900, теплых рукавиц, перчаток, варежек – 15 200, теплых носков, чулок, портянок – 28 500, белья – 6580 пар, шаровар – 3240, курток ватных – 7500, прочих вещей – 44 200, овчин – 39 тыс., шерсти – 32 тонны. Изготовлено из шерсти, овчин: валенок – 6140 пар, носков, чулок – 870 пар, полушубков – 5170, жилетов меховых – 4150, рукавиц – 1150, шапок – 1300» [Тыл и фронт 2005: 32].

Одновременно в Кабардино-Балкарии началось движение по сбору и отправке подарков бойцам и командирам Красной Армии. За годы войны было отправлено 71 673 различных предметов теплых вещей, 19 вагонов подарков.

Всего за военный период Кабардино-Балкария сдала государству: 278 130 тонн зерна, 47 399 тонн подсолнечника, 55 275 тонн картофеля, 19 512 тонн овощей,

96 967 центнеров мяса, 164 165 гекталитров молока, 13 450 тыс. штук яиц, 9025 центнеров шерсти. Красной Армии передано 27 тыс. лучших кабардинских коней, внесено в фонд обороны страны и на займы государству 160 580 566 руб. и 6176 тонн хлеба.

До временной немецкой оккупации в октябре 1942 г., в республике было расположено 14 эвакуационных госпиталей с общей пропускной способностью в 13 000 койко-мест. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. через эвакуационные госпитали прошло до 60 тыс. раненных и больных бойцов Красной Армии [Кабардино-Балкария в годы... 1975: 423].

Таким образом, государственные и партийные органы в период войны обеспечили мобилизацию всех ресурсов Кабардино-Балкарии для фронта. Оперативно была осуществлена перестройка экономики для нужд фронта, что позволило наладить поставку некоторых видов вооружения, обмундирования и ремонт танков. В рекордно короткие сроки был организован сбор и отправка средств в Фонд обороны страны, сбор теплых вещей и подарков бойцам и командирам Красной Армии. Во имя скорейшей победы над врагом, городское и сельское население действительно шло на любые жертвы, демонстрируя свою сознательность и высокий моральный дух. В то же время, жизненный уровень и бытовые условия населения республики, как и в целом страны, снизился. Основным способом выживания в сельской местности было личное приусадебное хозяйство, производился натуральный обмен продуктами, промышленными и другими товарами.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 10. М.: Куликово поле, 2014. 864 с.
2. *Гугова М.Х.* Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 2015. 94 с.
3. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Нальчик: Эльбрус, 1975. 795 с.
4. *Кабирова А.Ш.* Ратный и трудовой подвиг Татарстана в военный период 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов сборник статей. отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2015. С. 227–289.
5. *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2015. 508 с.
6. *Каменева Г.Н.* Патриотическая деятельность женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Миркаль, 2014. 192 с.
7. Лики войны: Сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996. 500 с.
8. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Текст] / Н.А. Араловец, Е.Н. Бикейкин, Н.Ф. Бугай, О.М. Вербицкая и др.; отв. редакторы А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. М.: Гриф и К, 2010. 730 с.
9. О работе партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1982. 648 с.
10. Письма огненных лет / сост. Е.Т. Хакушев. Нальчик: Эльбрус, 1989. 256 с.
11. Правда. Орган ЦК и МК ВКП (б).
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1941–1952 гг. в 3-х т. Т. 3. М., 1968. 757 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
14. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. 2-е изд. М.: Изд-е «Ведомостей Верховного Совета СССР», 1945. 359 с.
15. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.) / сост.: Кузьменко Д.Г.; под ред.: Ляпина А.П. М., 1944. 379 с.
16. Сборник постановлений СССР. 1941. № 17.

17. Соколов А.К. Влияние войны на социально-трудовые отношения на советских предприятиях // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. М.: Наука, 2005. 567 с.
18. Сообщения Советского информбюро. М., 1941. Т. 1.
19. Социалистическая Кабардино-Балкария. Орган Кабардино-Балкарского и Нальчикского горкома ВКП(б).
20. Тыл и фронт 1941–1945: к 60-летию Великой Победы (сост. Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко). Нальчик: ГП КБР Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Издательский центр Эль-Фа, 2005. 339 с.
21. Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР).
22. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР).
23. Хакуаев Е.Т. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: Эльбрус, 1978. 318 с.
24. Национальный состав КБР по переписям 1897–2002. Этнокавказ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (дата обращения: 15.07.2017).

THE DAILY LIFE OF THE CIVILIAN POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA IN THE REAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Leading Researcher of the Latest History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mail.ru

The article analyzes the contribution of the newest historiography to the development of the main activities of the civilian population in the rear during the Great Patriotic War. Highlights changes in state labor policy in extreme conditions. The mobilizing role of the state and party organs of the country and the regions in translating the economy to the military scale is revealed. The experience of the state authorities, party and Komsomol organizations of Kabardino-Balkaria in increasing the productivity of workers and collective farmers in various sectors of the economy and the construction of defensive lines is summarized. The participation of workers and collective farmers of the republic in various movements was revealed and investigated: mastering new equipment, combining professions, two hundred workers, three hundred workers, etc. The contribution of the civilian population of the region to strengthening the country's defense was revealed. It reveals the participation of the population in the collection of money in the Funds: the country's defense, the construction of military equipment, the bread fund of the Red Army, a subscription to government loans. The activities of the state authorities of the republic to organize the collection, delivery of warm clothes and gifts to the soldiers and commanders of the Red Army are investigated. An analysis of the problem under study showed that extreme factors necessitated the need for the dedicated daily work of the urban and rural population in the rear, which limited themselves to meeting the most pressing needs of a material and domestic nature in order to ensure victory over the invaders

Keywords: Great Patriotic War, Kabardino-Balkaria, civilian population, patriotism, rear, military equipment, food, defense lines, defense funds of the country.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-61-73

КАБАРДИНСКИЕ КНЯЗЬЯ В ГОРОДЕ ТЕРКИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Тхамокова Ирина Хасановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), omarakana@mail.ru

В статье рассматривается недостаточно изученный период истории города Терки, охватывающий конец XVII – начало XVIII в. Документы, как хранящиеся в архивах, так и опубликованные, позволили дополнить и уточнить сведения о кабардинских князьях, живших в этом городе. Приведены доказательства того, что в 1681 г. власть над черкесами и окочанами Терского города перешла от потомков князя Сунчалаея к сыновьям Канбулата Пшимаховича Черкасского, т.е. к другой ветви Идаровых (Черкасских). Они занимали столь же высокое положение в социальной иерархии Терского города, как и их предшественники. Рассмотрена деятельность кабардинских князей – сопровождение грузинских посольств, регулирование торговли, борьба с донскими казаками-«раскольниками». Особое внимание уделяется их роли в важнейших событиях истории города Терки, в том числе в стрелецком восстании 1705 г., одним из последствий которого явилась ссылка князя Адилгирея Черкасского. Отмечено, что и после этого брат Адилгирея Дивей и еще один Идаров – Батыр мурза – сохраняли свое влияние не только в городе, но и в регионе, что позволило им уберечь от разорения свою слободу в 1708 г.

Ключевые слова: город Терки, народы Кавказа, кабардинские князья, стрельцы, восстание 1705 г., казаки.

Город Терки был основан в 1588 г. в дельте Терека в нескольких верстах от Каспийского моря. Долгое время он оставался главной опорой царской власти на Кавказе, единственным городом, которым управляли присланные из Москвы воеводы и в котором несли службу стрельцы и казаки. Кабардинские князья жили в городе Терки на протяжении едва ли не всей его истории. Под их началом находились кабардинцы, окочане и другие жители Кавказа, заселившие пригородные слободы. Деятельность князей Сунчалаея, Муцала, Каспулата Муцаловича Черкасских на протяжении первых восьми десятилетий XVII в. хорошо известна, о них писали многие историки. Значительно хуже исследован следующий период (конец XVII – начало XVIII в.). Его изучала Н.Б. Голикова [Голикова 1975; Голикова 1982], но она занималась преимущественно историей Астрахани, а городу Терки уделяла значительно меньше внимания, и ее работы неизвестны большинству кавказоведов. Точно так же на протяжении 10 с лишним лет оставался невостребованным опубликованный Н.Б. Голиковой сборник документов «Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века» [Социальные движения... 2004] – важнейший источник сведений о стрелецком восстании 1705 г. в Терках.

О деятельности кабардинских князей в Терках в начале XVIII в. писал также Дж. Рахаев, он же издал ряд документов по истории этого города [Рахаев 2012]. Однако некоторые вопросы (например, наказание князя Адилгирея после подавления восстания 1705 г.) не нашли отражения в его работах. Предшествующим

периодом, т.е. последними двумя десятилетиями XVIII в., этот автор не занимался. Другие исследователи, если и затрагивали историю города Терки тех лет, то очень кратко.

Основная задача статьи заключается в восполнении пробелов, касающихся жизни кабардинских князей в городе Терки в конце XVII – начале XVIII в., в дополнении и обобщении всех имеющихся сведений по этой теме. В качестве исторических источников используются документы, как хранящиеся в архивах, так и опубликованные.

Они позволяют, в частности, ответить на вопрос о том, кто из кабардинских князей заменил Каспулата Муцаловича после его смерти. У него был сын – «Бибулат мурза князь Каспулатов сын Черкасский» [АИ 1842, т. 5: 403; ДАИ 1869, т. 11: 140], однако не он унаследовал власть в Терках после своего отца.

Место Каспулата Муцаловича занял его родственник Салтанбек Канбулатович Черкасский [Века... 2017: 103]. Это подтверждается документом, опубликованным в сборнике «Кабардино-русские отношения»: в 1681 г. «пожаловал великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич ...терского Салтанбека-мурзу Канбулатовича Черкасаго, велел его писать княжим именем и ведать на Терке черкас и очокан, которые ему, великому государю, служат» [КРО, т. 1: 376]. Однако в научной литературе нет сведений о происхождении Салтанбека Канбулатовича, его месте в родословной кабардинских князей. Этот пробел можно восполнить, опираясь на документ, опубликованный еще в XIX в. – окладную роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. Она упоминает о том, что Салтанбек Канбулатович, как и его братья Дивей и Адилгирей, был сыном князя Канбулата Пшимаховича Черкасского [Окладная роспись... 1893: 49], а значит – внуком Пшимахо Канбулатовича и правнуком князя Канбулата, брата Темрюка Идарова. Каспулат Муцалович и его предки вели свое происхождение от другого брата Темрюка. Тем самым власть над черкесами и очоканами Терского города перешла к другой ветви Идаровых (Черкасских). Некоторые авторы, как в XIX в., так и в наше время, называли одного из братьев – Адилгирея – не Канбулатовичем, а Каспулатовичем, и считали его сыном Каспулата Муцаловича Черкасского, но это ошибка [Потто 1912: 102; Рахаев 2012: 52, 135]. В документах отчество Адилгирея и его братьев – Канбулатовичи.

Салтанбек Канбулатович, как и его предшественники, управлял служилыми черкесами и очоканами города Терки. Некоторые авторы XIX в. писали, будто кабардинские князья имели власть также и над терскими казаками и даже были их атаманами [Попко 1880: 81]. Однако это не соответствует действительности и не подтверждается ни одним из документов. В процитированной выше царской грамоте о назначении Салтанбека Канбулатовича князем над черкесами и очоканами Терского города тоже нет ни одного слова о казаках. Кабардинские князья могли командовать казаками только в случаях совместных военных походов. К 1681 г. численность казаков Терского города сократилась до минимума, и эта группа казачества была упразднена. Власти предложили немногим оставшимся к этому времени на службе казакам записаться в стрельцы, а в противном случае им прекращали выплачивать жалованье [Окладная роспись... 1893: 50]. После этого на протяжении долгого времени в городе не было казаков. Далеко за его пределами жили «вольные» гребенские и терские (т.е. расселившиеся по реке Терек, но не в городе Терки) казаки.

Одной из задач кабардинских князей, живших в Терском городе, с давних пор являлось сопровождение посольств в Грузию и обратно. В 1681 г. имеретинский царь Арчил собрался ехать в Москву и обратился в Терки с просьбой прислать служилых людей для сопровождения и охраны. Навстречу ему выехал Салтанбек Канбулатович, «а с ним ратных людей пришло: конных Стрельцов – 70 человек, новокрещенов – 14 человек, очокан – 23 человека, гребенских казаков – 50 человек»

[Материалы... 1974, ч. 1: 89]. Однако Арчил считал, что их недостаточно его защиты, поскольку он узнал, что тарковский Будай-шамхал собирался захватить его и выдать иранскому шаху. Салтанбек Канбулатович со своими людьми вернулся в Терки. Только в следующем, 1682 г., удалось собрать достаточно сил для встречи царя Арчила. Сопровождать царя снова отправился Салтанбек Канбулатович Черкасский вместе со своими братьями Дивеем и Адилгиреем, «а с ними их узденей 300 человек да терских казаков и татар с 700 человек» [Материалы... 1979, ч. 3: 82]. К этому времени Салтанбек Канбулатович уже получил царскую грамоту, назначавшую его князем над «черкасами и окочанами» города Терки. По мнению Арчила, именно по случаю его приезда Салтанбеку Канбулатовичу и был пожалован этот титул [Материалы... 1979, ч. 3: 101]. Царь благополучно прибыл в Терки, а оттуда отправился в Астрахань.

Как показывают приведенные документы, при сопровождении грузинского царя под командованием Салтанбека Канбулатовича находились не только черкесы и окочане, но также и стрельцы, и терские и гребенские «вольные» казаки, и «татары» (видимо, ногайцы). Такие многонациональные отряды в Терском городе собирались нередко.

О дальнейшей деятельности князя известно немного. В 1682 г. уздени Салтанбека Канбулатовича вместе с гребенскими казаками доставили в Москву захваченных ими пленных – «языков» [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Стлб. 148. Л. 16, 18]. В 1684 г. князь извещал Астраханского воеводу о готовящемся походе донских казаков на Куму [ДАИ 1869, т. 11: 133]. В 1687 г. терчане и гребенские казаки принимали участие в Крымском походе. Возможно, что с ними был и Салтанбек Канбулатович, но точных сведений об этом нет [Устрялов 1858: 387; Материалы... 1979, ч. 3: 85].

В 1688 г., когда имеретинский царь Арчил возвращался на родину, Салтанбека Канбулатовича уже не было в живых [Материалы... 1979, ч. 3: 82]. Вместо него его братья Дивей и Адилгирей и терские служилые люди, окочане и гребенские казаки сопровождали Арчила [Материалы... 1979, ч. 3: 110]. Он просил о том, «чтоб великие государи пожаловали Дивея да Адигирея Канбулатовых, как отцу их было Канбулату и брату их Салтанбеку Терское княжество», и при этом не забыли бы им объявить, что такой чести они удостоены по случаю проезда царя Арчила и для того, чтобы они проводили впоследствии и его сына Александра [Материалы... 1979, ч. 3: 103]. Однако в этот раз просьба царя Арчила, видимо, не была удовлетворена.

В тот период Терский город оказался в сложном положении. В 1689 г. он пострадал от сильного пожара: «город Терек деревянной и в нем сгорело все без остатку» [АИ 1842, т. 5: 313]. После этого пожара городские стены пришлось отстраивать заново.

В тот же период на Кавказе появились бежавшие с Дона казаки-«раскольники». Они поселились на Куме, а затем – «под владеньем Будай шевкала на реке Аграхане» [РЧО 1997: 251], т.е. недалеко от Терского города. Вместе с подвластными шамхала они нападали на терских служилых людей на суше и на море. Жители города оказались в очень сложной ситуации: «выезду им с Терка от воровских казаков и Будай шевкалова владенья кумычен и еманчеев для дров и на рыбную ловлю и никуда для нужд ездить стало невозможно: воровские казаки раскольники и шевкаловы татары и кумыченя безпрестанно под город подбегают, и которые терские жители для своих нужд не токмо что для промыслов и для дров выезду, и тех имая бьют и грабят и в полон емлют» [РЧО 1997: 254]. Кроме того, город пострадал от эпидемии. Терский гарнизон сократился и ослабел. Если когда-то терские воеводы посылали на помощь терским и гребенским казакам своих «ратных людей», то теперь они сами нуждались в помощи. В 1691 г. по царскому указу 100 «вольных» терских и гребенских казаков отправились в Терки для охраны города [АСПБИИРАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12185. Л. 2].

Жители Терок, в том числе и самые высокопоставленные, покидали город. Среди уехавших были Дивей и Адилгирей Черкасские и княгиня Таука Салтанбековна Черкасская, мать боярина Михаила Алегуковича Черкасского, занимавшего высокие должности в Москве [Кашкин 1912: 9–10]. Они поселились на реке Кизляр и собирали пошлину с приезжавших к ним торговать купцов [РЧО 1997: 253]. Город Терки лишился значительной части доходов. В свое время князь Каспулат Муцалович за свои заслуги перед государством получил право собирать таможенную пошлину в Терках [ПСЗРИ-1 1830, т. 2: 185]. Теперь вместо него это делали Таука Салтанбековна, Дивей и Адилгирей. Они играли важную роль и в политических, международных отношениях, особенно в то время, когда в Терках была эпидемия. В 1690 г. грузинский посол, возвращаясь из Москвы и не заезжая в Терки, отправился к Тауке Салтанбековне «и был де он у нее в улусах две недели, и Таука де Салтанбековна, дав ему в провожатых черкеса, отпустила на Гребни, не заимую ж Терка» [Несколько документов... 1973: 589].

В 1691 г. царскому посланцу Ивану Басову был дан наказ советоваться по поводу беглых донских казаков «со вдовою княгинею Таукою Салтанбековною, и как она в том деле прикажет ему поступить, и ему так велено и делать...» [Акты Войска... 1891: 164]. Княгиня, видимо, располагала большими ресурсами и возможностями.

В 1692 г., когда аграханские казаки-«раскольники» решили уйти на Кубань или в Крым, стрелецкий голова Сербин обратился за помощью к Тауке Салтанбековне. Этот случай показывает, какой властью она пользовалась в регионе. Княгиня послала своих узденей к эндирейскому «владельцу» Муртазали и его брату Амирхану «и приказала им, чтоб они служа Великим Государем их Царскому Величеству, не опустя таких воров в Крым, учинили над ними промысл; и Муртазалеев брат Амир хан, собрався с своими Чеченцами, также и княинены уздени, догнав тех воровских казаков осадили на реке Сунче, и учинили с ними бой, и тех воровских казаков розбили, жен их и детей побрали в полон, а иных из них побили и живьем взяли...» [АИ 1842, т. 5: 370]. Только небольшой группе «раскольников» удалось уйти на Кубань, за ними в погоню отправился Амирхан вместе с чеченцами и кумыками. Именно Таука Салтанбековна сыграла решающую роль в организации этого разгрома «воровских» казаков.

После этого «раскольники» уже не представляли большой угрозы для города Терки. Эпидемия тоже прекратилась. Терский гарнизон в конце XVII в. был значительно усилен. В 1696 г. в Терках было только 73 конных стрельца и 109 пеших [АИ 1842, т. 5: 463], но затем туда были переведены служилые люди из других городов, в том числе московский стрелецкий полк П. Козлова [Голикова 1982: 40–41]. Дивей и Адилгирей, как можно понять из документов начала XVIII в., вернулись в Терки. В 1700 г. Адилгирей побывал в Москве. Как полагает Дж.Я. Рахаев, именно тогда Адилгирей был назначен князем над черкесами и окочанами г. Терки [Рахаев 2012: 52]. Это вполне вероятно, потому что с тех пор Адилгирей в документах стали именовать князем (раньше его называли мурзой). Но мнение о том, что он получил тогда власть и над казаками – повторение старых ошибок.

В начале XVIII в. те самые Амирхан и (возможно) Муртазали, которые десятью годами ранее, выполняя царскую волю и распоряжение Тауки Салтанбековны, разгромили казаков-«раскольников», стали нападать уже на городки гребенских казаков, верно служивших царю. Как писал В.А. Потто, ссылаясь на неизданные документы П.Г. Буткова, именно князь Адилгирей тогда помог казакам, в то время как терский воевода отказался это сделать [Потто 1912, т. 1: 101–102]. Впрочем, сам воевода приписывал заслуги в защите казаков себе. По его словам, он собрал «владельцев» соседних народов и взял с них обещание напасть на Амирхана, если тот не признает власть царя и не прекратит воевать против казаков, после чего Амирхану пришлось покориться [РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 458. Л. 204–204 об.].

Соперничество между терскими воеводами и кабардинскими князьями, которым подчинялась значительная часть населения города, было обычным явлением, сохранялось оно и в начале XVIII в.

В 1705 г. началось стрелецкое восстание в Астрахани. Как только об этом узнал терский воевода, он «призывал» к себе князя Адилгирея и его брата Дивея, а также «всех мурз и терчан дворян и детей боярских, и стрелецких конного и пеших полков начальных людей, и урядников на совет о том, чтоб астраханских воров к Терку не припустить и терчанам никому к ним не приставать» [Социальные движения 2004: 292]. Воевода, видимо, придавал большое значение позиции Адилгирея и Дивея. Если до начала восстания он конфликтовал с ними (жил «немирно», как писал Адилгирей), то теперь стал им во всем уступать [Голикова 1975: 245].

Однако и восставшие астраханские стрельцы, видимо, рассчитывали привлечь князя на свою сторону. Они присылали ему письма (так же как и терским жителям, и гребенским казакам) [Социальные движения 2004: 260]. В этих письмах астраханцы сообщали, что «великого государя в живе нет, а обладали де веру немцы и велят молитца болваном», а также, что у них в Астрахани «стало смятение за веру христианскую, и за брадобритие и за неметцкое платие мужеское и женское, и за табак и за отлучение церкви божи...» [Социальные движения 2004: 197]. Эти письма, по словам терского воеводы Д. Молодцова, «учинили великую смуту во всех чинах русских людей и басурман, и черкас, и окочен, и нагайцов и гребенских казаков, будто за веру стоят, а с ними, астраханскими, в соединении быть. И в том русские и гребенские казаки крест целовали, а иноверцы куран» [Социальные движения 2004: 41]. В восстании, таким образом, приняла участие большая часть жителей города Терки – люди разных национальностей и вероисповеданий.

Во время восстания в Терках были созданы социальные институты, подобные казачьим – войско с общим войсковым кругом или собранием, в котором принимали участие не только стрельцы и казаки, но, видимо, и Адилгирей и Дивей. Из города Терки писали в Астрахань: «Как будет у нас собранье и общий совет, и на чем положим всем войским, с князьями, и гребенские казаки и з грацкими жители, и мы прямую отповедь пришлем...» [Социальные движения... 2004: 196].

Воевода был отстранен от власти, и, тоже по примеру казаков, был заменен атаманом: «...в то время на Терках были вместо воеводы для росправы всяких дел атаман Василей Авдеев с товарищи» [РГАДА. Ф. 371. Стлб. 1145. Л. 18]. Сам он в письмах называл себя старшиной [Социальные движения... 2004: 184–190]. По неизвестной причине в атаманы выбрали случайного человека, москвича, занимавшегося в Терках торговлей [Голикова 1975: 119]. Он, по словам воеводы, «был в атаманех поневоле» [Социальные движения... 2004: 261], что во многом предопределило быстрое поражение восставших.

Восстание поддерживали не все жители города. Наиболее активными его сторонниками были стрельцы «выписного» полка, переведенного в Терки из Москвы. Они убили своего полковника Илью Некрасова, которого обвинили в присвоении денег и даже в убийствах [Социальные движения... 2004: 264, 349].

В то же время в терском конном стрелецком полку было много противников восстания. Некоторые жители города, в том числе и атаман (старшина) Авдеев и Дивей Черкасский, а также гребенские казаки пытались защитить воеводу. Они писали повстанцам в Астрахань, что «худых никаких дел за ним не знают», что присланные в Терки царские указы «об усах и бородах и о немецком платье» воевода им «вычитал и ни в чем не неволил, и от церквей божиих» никого не отлучал [Социальные движения... 2004: 185]. В то же время стрельцы Московского полка планировали захватить воеводу, но им это не удалось.

Одним из противников восстания был Дивей Черкасский. Когда большая часть жителей Терок приняла решение присоединиться к астраханцам, то Дивей выступил

против них: «только де один Дивей Канбулатович Черкасской с узденем Темирханом не соединился и на них кричал» [Социальные движения... 2004: 260]. В доме Дивея скрывались сыновья воеводы [Социальные движения... 2004: 257, 297]. Он же помог воеводе отбить денежную казну, которую везли восставшим стрельцам в Терки из Астрахани, «и оттого в городе учинилась великая тревога» [Социальные движения... 2004: 42, 257].

Менее понятна роль князя Адилгирея Черкасского в этих событиях, хотя терский воевода пишет о его помощи в подавлении восстания. По его свидетельству, Адилгирей и Дивей Черкасские помогли ему захватить зачинщиков восстания в Терках [Социальные движения... 2004: 258]. В то же время Адилгирей переписывался с астраханскими повстанцами и даже в некоторых случаях сотрудничал с ними. Когда корабль дербентского купца сел на мель недалеко от Терок и был разграблен, Адилгирей по просьбе астраханских старшин вернул награбленное и выдал своих людей, принимавших участие в грабеже, что вызвало ссору с Дивеем [Голикова 1975: 250].

Терскому воеводе удалось объединить всех противников восстания, привлечь на свою сторону тарковского шамхала Гирея и эндирейского Чепана-шамхала, а также брагунского владельца Кучука и подавить восстание [Социальные движения... 2004: 42–43, 258–259].

Началось следствие и расправа [Социальные движения... 2004: 350–351]. Первоначально они не затронули Адилгирея Черкасского. В июне 1707 г. он приехал в Москву за жалованьем [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1707 г. Д. 1. Л. 5 об.–12]. Однако в августе того же 1707 г. конные терские стрельцы, противники восставших, подали в Преображенский приказ донос на Адилгирея Черкасского, обвинив его в том, что он «во время астраханского бунта, на терского их воеводу и на них, терчан, которые к бунтовщикам не пристали, умышлял их побить до смерти, и был с теми бунтовщиками заодно» [Социальные движения... 2004: 360]. Хотя показания этих стрельцов противоречили свидетельству воеводы, но им, вероятно, поверили. Нашлись также письма, которые князь посылал восставшим астраханцам. Он пытался объяснить, что «писал к ним обманом, хотя от них всякую ведомость получить, чтоб от них, бунтовщиков, Терку разорену не быть» [Социальные движения... 2004: 362]. Однако, его доводы, видимо, не убедили Петра I. В 1708 г. по царскому указу князь Адилгирей Черкасский был «бит кнутом и послан на житье к Архангелскому городу» [Социальные движения... 2004: 362]. После этого калмыцкий хан Аюка несколько раз просил об освобождении Адилгирея, но безуспешно [Голикова 1975: 307]. Больше об этом князе ничего не известно.

Его брат Дивей продолжал жить в слободе рядом с Терским городом, и сыграл важную роль в событиях 1708 г., когда город подвергся нападению соседних народов. Многие авторы датируют его 1707 годом, однако документы того периода доказывают, что это ошибка, о чем писала еще Н. Голикова [Голикова 1982: 31]. Но в то же время в ее работе (как и во многих других) есть одна неточность – утверждается, что набег на Терки осуществили кубанские татары. Однако документы, в том числе письма астраханского воеводы П.М. Апраксина и свидетельства участников этих событий, говорят о том, что в нападении приняли участие многие кавказские народы: «чеченцы, мичкисы, аксайцы, тавлинцы, и Андреевской деревни кумыки», ногайцы, а также «воры прежние» аграханские казаки и пришедшие с Кубани казаки-«раскольники» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 148; Рахаев 2012: 321]. Во главе этого разнородного войска стоял Мурат Кучуков – «самозванной башкирской салтан», как называют его документы [Рахаев 2012: 318]. Покинув свою родину, он побывал в Крыму, в Стамбуле и на Кубани, а оттуда приехал к чеченцам [Рахаев 2012: 319–321].

В ночь на 12 февраля 1708 г. нападавшие вошли в Терский город через пролом в стене. Часть гарнизона и жителей укрылись в кремле. Во время вылазки

им удалось взять в плен предводителя осаждавших, однако осада кремля продолжалась шесть недель, несмотря на помощь, присланную астраханским воеводой П.М. Апраксиным [Рахаев 2012: 322–323; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 148–148 об.]. Многие жители города умерли от голода, другие попали в плен и в рабство [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 2]. Город был разграблен и сожжен. Оставшиеся горожане жили «в великой нужде» [ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1. Л. 6].

Во время этого нашествия, как сообщил вождь нападавших, к нему пришел Дивей мурза Черкасский и просил о том, чтобы его слобода не подвергалась разграблению. С той же самой просьбой обратился еще один влиятельный человек – Батыр мурза Черкасский. Благодаря их заступничеству, «те де их бусурманские слободы и ныне ничем не разорены» [Рахаев 2012: 322]. В то же время, как говорил Мурат Кучуков, он не был с ними знаком до нападения на Терки, они к нему раньше не приезжали, они не получили ничего из награбленных в городе вещей, т.е. они не были причастны к нападению на Терки. Более того, двух людей Дивей Черкасского нападавшие подозревали в том, что они везли в Астрахань письма с известиями о происходящем. Однако поскольку писем при них не нашли, их отпустили.

Батыр мурза, который вместе с Дивеем просил пощадить жителей слободы, в одном из документов назван Батыром мурзой Отобжуковым сыном Черкасским [Социальные движения... 2004: 191]. В окладной расходной росписи на 1681 г. упоминается уже умерший к тому времени брат Каспулата Муцаловича Черкасского «Ходождука» [Окладная роспись... 1893: 49]. Возможно, что Батыр мурза был его сыном, т.е. племянником Каспулата Муцаловича, что объясняет, почему он пользовался в Терках таким влиянием. Упоминается Батыр мурза и в материалах более позднего времени – он вплоть до Персидского похода Петра I жил в Терках, и в его ведении находились окочане [Бутков 1869, ч. 1: 15], но более подробных сведений о нем нет.

В конце XVII – начале XVIII в. кабардинские князья, как и в предшествующий период, занимали высокое положение в социальной иерархии Терского города. Различие заключалось в том, что в 1681 г. власть над живущими в городе черкесами и окочанами перешла от потомков Сунчаля к сыновьям Канбулата Пшимановича Черкасского – Салтанбеку, Адилгирею и Дивею, представлявшим другую ветвь Идаровых. В конце XVIII в. не меньшей, если не большей властью, чем они, пользовалась Таука Салтанбековна Черкасская.

Князья встречали и провожали грузинских послов и царей, ездивших в Москву и обратно, они боролись с донскими казаками-«раскольниками». Дивей Черкасский был одним из последовательных противников восставших стрельцов в 1705 г., а его брат Адилгирей был осужден и наказан за причастность к этому «бунту».

Кабардинские князья играли активную роль в межнациональных контактах на Северном Кавказе. Самые разные народы и этнические группы – черкесы, окочане, русские жители города Терки, гребенские и донские казаки, чеченцы, ногайцы, народы Дагестана, грузинские цари и их свита – так или иначе были связаны с князьями, являясь их подчиненными, их соседями, их соратниками или противниками.

Источники и литература

1. АИ – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею: в 5 т. Т. 5. СПб.: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. 539 с.
2. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным: в 3 т. Т. 1. Новочеркасск: Изд. Обл. правл. Войска Дон., 1891. 321 с.

3. АСПБииРАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Академии наук, 1869. 545 с.
5. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.) / рук. науч. проекта, научный редактор Дзамихов К.Ф. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 542 с.
6. ГААО – Государственный архив Астраханской области.
7. Голикова Н.Б. Астраханское восстание. 1705–1706 гг. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1975. 328 с.
8. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1982. 216 с.
9. ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею: в 12 т. Т. 11. СПб.: тип. И. Праца, 1869. 312 с.
10. Кашкин Н.Н. Родословные разведки: в 2 т. Т. 1. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1912. 451 с.
11. КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Изд. Акад. наук, 1957. Т. 1. XVI–XVII вв. 478 с.
12. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века): в 3 ч. / подготовка, предисловие и комментарии Г.Г. Пайчадзе. Тбилиси: Мецниереба. Ч. 1. 1974. 391 с.; Ч. 3. 1979. 271 с.
13. Несколько документов к истории русско-грузинских взаимоотношений во второй половине XVII века // Исторический вестник, № 27–28. Тбилиси, 1973. С. 532–603.
14. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 4 (167). М.: Универс. тип., 1893. С. 48–50.
15. Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. В. I. Гребенское войско. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. 517 с.
16. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ: Тип. Терско-го обл. правления, 1912. Т. 1. 117 с.
17. ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 2. 974 с.
18. Рахаев Дж.Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М.: Универс. Д. Пожарского, 2012. 779 с.
19. РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
20. РЧО – Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997. 415 с.
21. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / подгот.: Н.Б. Голикова. М.: Древлехранилище, 2004. 416 с.
22. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб.: Тип. II отд. Собств. Имп. Канцелярии, 1858. 582 с.

THE KABARDIAN PRINCES IN THE CITY OF TERKI AT THE END OF THE XVII – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY

Tkhamokova Irina Hasanovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), omarakana@mail.ru

In article rather poorly studied period in the history of the city of Terki – the end of XVII – the beginning of the XVIII century is considered. Documents as stored in archives, and published, allowed to add and specify the information about the Kabardian princes living in this city. Proofs that in 1681 the power over Circassians and Okochans of the city of Terki passed from descendants of the prince Sunchaley to Kanbulat Pshimakhovich Cherkassky's sons, i.e. to other branch Idarovy (Cherkassky) are provided. It is noted that they held so high position in social

hierarchy of the Tersky city, as well as their predecessors. Activity of the Kabardian princes – support of the Georgian Embassies, trade regulation, fight against the Don Cossacks – «dissenters» is considered. Special attention is paid to their role in the most important events of history of the city of the Grater, including in a streletsky revolt of 1705, one of consequences of which was the reference of the prince Adilgirey Cherkassky. But also after that Divey, Adilgirey's brother and also the Batyrmurza kept the influence not only on the residents of Terky, but also on the next people that allowed them to protect from plunder the suburb in 1708.

Keywords: Terki, Circassians, Okochens, Kabardian princes, streletsky revolt 1705, Cossacks.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-74-82

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-83-93

АДЫГЭБЗЭ ШЫЭЦІЭМ И МОРФОЛОГИЕ КАТЕГОРЭХЭМ ЯХЭЛЪ ГЪЭЦІЭГЪУЭНАГЪХЭР

Бишлo Борис Чэмал и къуэ, филологие шлэныгъэхэмклэ доктор, Гуманитар къэхутэныгъэхэмклэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет шлэныгъэ Іуэхушлэлэ «Урысейм шлэныгъэхэмклэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шлэныгъэ центр» Федеральнэ шлэныгъэ центрим» и филиалым и адыгэбзэ секторым и шлэныгъэ лэжыакІуэ пашэ, kbigi@mail.ru

Адыгэбзэр и зэхэлъыкІлэ, абхъаз-адыгэ бзэ гупым хыхъэ адреј бзэхэми хуэдэу, дунейм тет бзэхэми ящыщ зыми зэремышхыым къешэ абы и ухуэкІлэ-зэхэлъыкІлэр убыхуным хэлъ гугъуехъ куэдър. Псом нэхъыбэу ар лэжыгъэцІэхэм я дежщ шынэрылбагъур, ауэ цІэхэми лъэныкъуэ зыкъомклэ гъэцІэгъуэнагъхэр я нэщэнэщ. А нэщэнэхэр тІэкІу-тэкІуурэ хэлущыІу ящІ Нэгумэ Шорэ деж щегъэжъауэ нобэм къэсыху ди бзэр зыджа икІи зыдж шлэныгъэлхэм, ауэ иджыри псори зэлубз хъуауэ пхужылэнукъым, бзэцІэныгъэлхэр Іуэхугъуэ гуэрхэм зэреплъыр зетехуэу щыткъым. ПыхыкІауэ шыІэцІэм и морфологие категорэхэм я гугъу пщІымэ, зэдауэ къэзышэр нэгъуэщІ зы бзи узышримыхъэллэ категорэхэм (еигъэ, псалъэзэпыщІэныгъэ) я закъуэкъым, бзэуэ дунейм тетым я нэхъыбаплэм къыхагъуатэ категорэхэри (белджылы /мыбелджылы, псалъэзэшэ, бжыгъэ) абыхэм яхэтщ, сыту жыплэмэ мыбыхэмкІи ди бзэр адрејхэм я щхъэпэгъукъым. Мы ди лэжыгъэм къалэну и пашхъэ къоувэ бзэцІэныгъэм зэригъэгъуэта ехъулэныгъэхэр къэдгъэсэбэу проблемэу иджыри шыІэхэмкІэ зы еплъыкІэ пыхыкІа къызэдгъэпэшын хуейуэ. Абы нэмышІ, и мыхъэнэклэ мынэхъ лъахъшэу къыдолыгъэ ди бзэм и грамматикэм езы адыгэбзэмкІэ тхауэ нобэрей бзэцІэныгъэм и мардэхэм тет грамматикэ дунейм къытегъэхъэныр. Абы и зы Іыхъэ хъун хуейуэ къыпэштытщ мы тхыгъэми. Ар къыдэхъулэн папщІэ нобэклэ дызыхушщыІлэ бзэцІэныгъэ фІэщыгъэцІэ (термин) куэдър къызэщІиубыдэу зэдгъэпэща системэр мыбы къышыдогъэсэбэп.

Адэклэ зырызурэ я гугъу щытщІынщ шыІэцІэхэм я морфологие категорэхэм.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, шыІэцІэхэр, категорэ, псалъэужь, псалъэкІапэ, псалъэзэшэ, псалъэзэпыщІэныгъэ.

1. Белджылы / мыбелджылы категорэр

Белджылы / мыбелджылы категорэм къегъэлъагъуэ псалъэ къраІуэм жызыІэм-рэ къедаІуэмрэ зрыхуштыр. НэгъуэщІу жыплэмэ, жызыІэм предметыр къызэригъэлъагъуэр елгытащ къедаІуэм а предметыр зэринэІуасэм е зэримынаІуасэм. Предметыр къедаІуэм и нэІуасэмэ, белджылы гъэпсыкІэм тету къепсэлъ, имынэІуасэмэ – мыбелджылы гъэпсыкІэу.

ЩыІэцІэ мыбелджылыхэм предметым и цІэр къраІуэ къудеймэ, шыІэцІэ белджылыхэм предмет пыхыкІа, я нэІуасэу щыт къагъэлъагъуэ. Зи гугъу тщІы зэщхъэщыкІыныгъэхэр морфологие и лъэныкъуэкІэ къэгъэлъэгъуа мэхъу лъабжээгъусэ пыт-пымытклэ.

ЦІэ белджылыхэм я белджылагъэр морфологие и лъэныкъуэкІэ къэзыгъэлъагъуэхэр -р, -м формативхэрщ. Мыбыхэм абы къыдэкІуэу куэдрэ

кьагъэлъагъуэ цIэиуэ, зыхъуэж псалъэзешэхэр: *Ди унэр кьуажэбгъум цытыц; ШIалэм тхыль кьыцэхуац.*

Белджылагъ-мыбелджылагъыр цIэ унейхэм кьэгъэлъагъуа зэрыщыхъум гъэцIэгъуэнагъ хэлъщ. ШыIэцIэ унейхэр, щхъэ цIэпапщIэхэм ещхъу, мыбелджылы гъэпсыкIэм тету кьагъэсэбэп, езыхэр я мыхъэнэкIэ белджылыуэ зэрыщытым кьыхэкIу: *Къамылыкъуэ кьуац. Бахъсэн цопсэу.* ЦIэ унейхэр белджылыгъэпсыкIэм шрагъуэуэ хабзэр усыгъэрщ. Мыбдеж абыхэм ягъэзащIэр стиль кьалэн кьудейщ: *Дахэ бжыо пльыфэу Мадинэр Дуней IэфIыгъэм ныпоплъэр* (ШоджэнцIыкIу А.); *Шхуу Дадусэр ныщIокIыр, Гъунэгъум макIуэри Лалинэр Мадинэ цIыкIум кьыхуеишэ* (ШоджэнцIыкIу А.) [Кабардино-черкесский язык 2006: 92–93].

Мыбелджылы гъэпсыкIэр кьэгъэлъагъуа мэхъу лъабжыэгъусэ шыIэцIэм зэрыпымыувэмкIэ: *жыг (гуэр), тцIащэ (гуэр), пыIэ (гуэр).*

ЦIэр белджылыуэ зэрыщымытыр кьрагъэлъагъуэнкIэ хъунуш:

а) псалъэм и пэм *зы* бжыгъэцIэр кьрагъэувэкIэрэ: *зы щIалэ унэм кьыщIыхъащэ;*

б) псалъэм и ужь *гуэр* цIэпапщIэр кьрагъэувэкIэрэ: *щIалэ гуэр уэрамым кьрикIуэрт* [Кумахов 1971: 41];

в) псалъэм и пэм *зы* бжыгъэцIэр, и ужьым *гуэр* цIэпапщIэр ягъэувэкIэрэ: *зы лъыжъ гуэр куэбжэм Iуст.*

Белджылы / мыбелджылы категорэм псалъэ гуп, грамматикэ гъэпсыкIэ псори кьызэщIубыдэркьым. Мыбы хиубыдэркьым предмет, кьэхъугъэ закъуэу щытхэр (цIыхуцIэхэр, *дыгъэ, мазэ* жыхуэтIэхэм ещхъэр), мыпыухыкIа (мынахуэ) гурыIуэгъуэхэр (*лъыгъэ, зшыгъуэ*, н.к.).

2. Псалъэзешэ категорэр

ШыIэцIэр псалъэухам кьыдыхэт адреи псалъэхэм пыщIа зэрыхъур кьэзыгъэлъагъуэ грамматикэ гъэпсыкIэрщ **псалъэзешэ** хъужыр.

Адыгэбзэм псалъэзешэу плIы иIэщ: цIэиуэ, зыхъуэж, зыунэтI, зэрыхъу.

ШыIэцIэхэр белджылыуэ е мыбелджылыуэ кьызэрыкIуэм кьешэ апхуэдэхэм я зэуэкIыр зетемыхуэныр. ШыIэцIэ белджылыхэм псалъэзешиплIми я кIэуххэр япыувэмэ, мыбелджылыхэм цIэиуэ, зыхъуэж псалъэзешэхэм я кIэуххэр ялэкьым [Кабардино-черкесский язык 2006: 93].

Белджылы зэуэкIым и цIэиуэ псалъэзешэм закъуэ бжыгъэм дежи, куэд бжыгъэм дежи кIэухыу -р иIэщ: *пыIэ-р, тцIащэ-р, пыIэ-хэ-р, тцIащэ-хэ-р.*

Зыхъуэж псалъэзешэм и закъуэ, куэд бжыгъэхэм ялэщ -м кIэухыр: *пыIэ-м, тцIащэ-м, пыIэ-хэ-м, тцIащэ-хэ-м.*

ЗыунэтI псалъэзешэм гъэпсыкIитI иIэщ:

1. Белджылы зэуэкIым шыгъуэ зыунэтI псалъэзешэм и кIэух -кIэ-м и пэ кьоувэ белджылагъ кьэзыгъэлъагъуэ лъабжыэгъусэ -м-р: *джыдэ-м-кIэ, унэ-м-кIэ, баши-м-кIэ.*

2. Мыбелджылы зэуэкI шыхъукIэ, зыунэтI псалъэзешэр кьохъу -кIэ кIэух кьудеймкIэ: *джыдэ-кIэ, унэ-кIэ, баши-кIэ.*

Зэрыхъу псалъэзешэм и гъэпсыкIэр фонетикэ и лъэныкъуэкIэ зэтопщIыкI. Абы гъэпсыкIэу игъуэтынур зэлъытар псалъэпкьым и фонетикэ ухуэкIэрщ. Зы пычыгъуэ фIэкIа мыхъурэ макъзешэкIэ иухмэ, -уэ кIэух поувэ: *лы-уэ, шэ-уэ.* ПычыгъуэитI е нэхьыбэ хъурэ э макъзешэкIэ е, пычыгъуэ бжыгъэм емылгытауэ, макъ дэкIуашэкIэ иухмэ, -у кIэух япытщ: *мазэ-у, мафIэ-у, фыз-у.*

ЦIэ белджылыхэм я зэуэкIым и щапхъэхэр

щIалэ, жэм, сабий псалъэхэр

Закъуэ бжыгъэ

цIэиуэ   *щIалэ-р*
зыхъуэж   *щIалэ-м*

жэм-ы-р,   сабий-р
жэм-ы-м   сабий-м

зыунэтI	<i>ццIалэ-м-кIэ</i>	<i>жэмы-м-кIэ</i>	<i>сабий-м-кIэ</i>
зэрыхъу	<i>ццIалэ-ра-уэ</i>	<i>жэмы-ра-уэ</i>	<i>сабий-ра-уэ</i>

Куэд бжыгъэ

ццIаиIуэ	<i>ццIалэ-хэ-р</i>	<i>жэм-хэ-р</i>	<i>сабий-хэ-р</i>
зыхъуэж	<i>ццIалэ-хэ-м</i>	<i>жэм-хэ-м</i>	<i>сабий-хэ-м</i>
зыунэтI	<i>ццIалэ-хэ-м-кIэ</i>	<i>жэм-хэ-м-кIэ</i>	<i>сабий-хэ-м-кIэ</i>
зэрыхъу	<i>ццIалэ-хэ-ра-уэ</i>	<i>жэм-хэ-ра-уэ</i>	<i>сабий-хэ-ра-уэ</i>

ЦцIэ мыбелджылыхэм я зэуэкIым и щапхъэхэр

Закъуэ бжыгъэ

ццIаиIуэ	<i>ццIалэ</i>	<i>жэм</i>	<i>сабий</i>
зыхъуэж	<i>ццIалэ</i>	<i>жэм</i>	<i>сабий</i>
зыунэтI	<i>ццIалэ-кIэ</i>	<i>жэм-кIэ</i>	<i>сабий-кIэ</i>
зэрыхъу	<i>ццIалэ-у</i>	<i>жэм-у</i>	<i>сабий-уэ</i>

Куэд бжыгъэ

ццIаиIуэ	<i>къагъэсэбэпыркъым</i>		
зыхъуэж	<i>къагъэсэбэпыркъым</i>		
зыунэтI	<i>къагъэсэбэпыркъым</i>		
зэрыхъу	<i>ццIалэ-хэу</i>	<i>жэм-хэ-у</i>	<i>сабий-хэ-у</i>

Гу зылъытапхъэхэр: 1. ЦцIэ мыбелджылыхэм я ццIаиIуэ, зыхъуэж псалъэзешэ гъэпсыкIэ мэхъу абыхэм я псалъэпкъхэр: *ццIалэ, ццIаццэ*.

2. ЦцIэ мыбелджылыхэр куэд бжыгъэм цциувэр зэзэмызэхэщ, ари псалъэухам зэрызыхуагъазэ псалъэу цыхъуэвэм дежщ: *ЦцIалэхэ, унэмкIэ фынеблагъэт!*

2.1. ЦцIэ унейхэм я зэуэкIыр

ЦцIэ унейхэм я зэуэкIыр хэпщIыкIыу къыщхъэщокI ццIэ зэдайхэм я зэуэкIым. Ар къыхокI ццIэ унейхэр цIыху, жылагъуэ, псы, щIыпIэ щхъэхуэм, пыухыкIам и фIэщыгъэу зэрыщытым [Жилетежев 2009: 18–58]. Я мыхъэнэкIэ езыхэр белджылыщи, ахэр ццIэ зэдай мыбелджылыхэм ещхъу зэуэкI.

ЦцIэ унейхэм я зэуэкIым и щапхъэхэр

ццIаиIуэ	<i>Зырамыку</i>	<i>Иуацхъэмахуэ</i>	<i>Хъэтуей</i>
зыхъуэж	<i>Зырамыку</i>	<i>Иуацхъэмахуэ</i>	<i>Хъэтуей</i>
зыунэтI	<i>Зырамыку-кIэ</i>	<i>Иуацхъэмахуэ-кIэ</i>	<i>Хъэтуей-кIэ</i>
зэрыхъу	<i>Зырамыку-у</i>	<i>Иуацхъэмахуэ-у</i>	<i>Хъэтуей-уэ</i>

ЗэуэкIыкIэ хэха яIэщ административ-щIыналъэ фIэщыгъэхэм, унэцIэхэм я закъуэ бжыгъэм. Ар ещхъщ ццIэ зэдай белджылыхэм я зэуэкIыкIэм:

ццIаиIуэ	<i>Къэбэрдэ-р</i>	<i>ЩоджэщIыкIу-р</i>
зыхъуэж	<i>Къэбэрдэ-м</i>	<i>ЩоджэщIыкIу-м</i>
зыунэтI	<i>Къэбэрдэ-м-кIэ</i>	<i>ЩоджэщIыкIу-м-кIэ</i>
зэрыхъу	<i>Къэбэрдэ-ра-уэ</i>	<i>ЩоджэщIыкIу-ра-уэ</i>

УнэцIэхэр куэд бжыгъэм щитым деж абыхэм япыувэр зыунэтI, зэрыхъу псалъэзешэхэм я кIэуххэраш:

ццIаиIуэ	<i>Мэкъуауэ-хэ</i>	<i>ТеуныкI-хэ</i>
зыхъуэж	<i>Мэкъуауэ-хэ</i>	<i>ТеуныкI-хэ</i>
зыунэтI	<i>Мэкъуауэ-хэ-кIэ</i>	<i>ТеуныкI-хэ-кIэ</i>
зэрыхъу	<i>Мэкъуауэ-хэ-у</i>	<i>ТеуныкI-хэ-у</i>

2.2. Псалъэзешэхэм ягъэзашцІэ кълэнхэр

2.2.1. ЦІэІуэ псалъэзешэр хухэхаш:

а) лэжыгыгъэцІэ лъэмыІэсым и субъектыр (гъэзэшІакІуэр) кълэгъэлъэгъуэным: *Уэздыгъэр мащІуэ ешэхуэ блэрт, блыным кІэрым сыхъэтыр зы мардэм тету кІуэрт* (Къашыргъэ Хь.);

б) лэжыгыгъэцІэ лъэІэсым и хэгъэхуээн занщІэр кълэгъэлъэгъуэным: *Хъэжым а псалъэхэр цызэхихым и набдзэ кІыр къехуэхэхэр хигъэлъэтри губжъащ* (ЩоджэнцІыкІу А.) [Урыс 2001: 99].

в) гъэзэшІэн зэхэтым и цІэ Іыхъэм: *КъыщІыхъар щІалэр аращ.*

2.2.2. Зыхуэж псалъэзешэр кълэгъэсэбп:

а) лэжыгыгъэцІэ лъэІэсхэм я субъектыр (гъэзэшІакІуэр) кълэгъэлъэгъуэу: *МэкъумэшыщІэхэм гъамахуэм и пиэрыр зэпагуэшыжырт* (ХъэхъупащІэ А.);

б) лэжыгыгъэцІэ лъэмыІэс щхъэбэхэм я объект (хэгъэхуээн) мыблагъэр кълэгъэлъэгъуэу: *ЕгъэджакІуэр цІыкІухэм тхылъым кълахуеджашц;*

в) лэжыгыгъэцІэ лъэІэсхэм я объект (хэгъэхуээн) мыблагъэр кълэгъэлъэгъуэу: *ЩІалэм удз гъэгъар пицащэм иритащ;*

г) щІыпІэ хъэлыр кълэгъэлъэгъуэу: *Хъыбарыр цызэхихым, щІалэщІэр кълэм кълкІыжашц* (ЩоджэнцІыкІу А.);

д) зэман хъэлыр кълэгъэлъэгъуэу: *Си анэм жэщІым игъэжъа гъуэмылэр пицэдджыжыым кълэйтмакъ зэпедзэкІым ирилъхъэри кълулышыкІум деж, хэкІуэтауэ гъуэмылэр мэкъум схьыну сежъащ* (ЩоджэнцІыкІу А.);

е) Іэщэ объект (хэгъэхуээн) мыблагъэр кълэгъэлъэгъуэу: *Пыжъыр дыдым иридэу цыст.*

Зыхуэж псалъэзешэ гъэпсыкІэр кълэгъэшІынкІэ хъунуш:

а) лэжыгыгъэцІэм хэт Іэщэ морфемэм: *Шым псым сырихашц;*

б) зпызыщІэ лъабжыгъусэм: *Хъыджэбзым пицІантІэр дэспхъэнкІащ;*

в) псалъэужыым: *кълэм нэс, мэзым деж, щІалэм папицІэ, унэм щхъэкІэ;*

г) нэхъ псалъэкІапэм: *А щІалэм нэхъ бланэ слъэгъуакъым.*

2.2.3. ЗыунэтІ псалъэзешэм кълэгъэлъэгъуэ:

а) лэжыгыгъэр зэрырагъэкІуэкІ Іэмэпсымэ: *ЩІалэр кърэндащкІэ матхэ; Дэ кълэм мафІэгукІэ дыкІуащ;*

б) лэжыгыгъэр здэгъэза лъэныкыуэр: *ХъэщІэхэр унэмкІэ еблэгъащ;*

в) ІэщІагъэ зыпэрытхэр: *Аслъэн тхыдэмкІэ школым щрегъаджэ;*

г) зэманыр: *ЩІалэхэр жэщІкІэ вэрт;*

д) лэжыгыгъэр гъэзэшІа зэрыхуэ щІыкІэр: *ДжабэкІэ щылыу Муратым и дзэм уэ пІащэ Іууу шэр ядзхэт* (ЩоджэнцІыкІу А.) [Урыс 2001: 100–101];

е) языныкыуэ псалъэухэхэм хэт гъэзэшІакІуэр: *Іуэхур щІалэмкІэ зэфІэкІащ.*

ЗыунэтІ псалъэзешэм лъабжыгъусэ -м хэмыту унэтІыныгъэ мыхъэнэ игъуэтыркъым, сыту жыпІэмэ унэтІыныгъэм белджылагъ хэлъын хуейщ.

2.2.4. Зэрыхуэ псалъэзешэм мыхъэнэ зыбжанэ иІэщ, абыхэм ящыщІ гурыІуэгъуэ гуп зкІэлтыкІуэм зы гурыІуэгъуэ кълыхэгъэщыныр [Кумахов 1971: 167].

Белджылагъ кълэзыгъэлъэгъуэ -р лъабжыгъусэмрэ -у/-уэ лъабжыгъусэмрэ эщхъкыым: -у/-уэ-м гурыІуэгъуэ гупым ящыщ зы кълыхэгъэщмэ, -р лъабжыгъусэм гурыІуэгъуэ кълыхэгъэщар зыхуэдэр кълэгъэлъэгъуэ. Псалъэм папицІэ, -у/-уэ-р кълэдгъэсэбпкІэрэ зэрылажъэ Іэмэпсымэу щыІэ псоми шэмэджыр кълэхэдгъэщамэ, -р-м пыухыкІауэ кълэгъэлъэгъуэ кълэхэдгъэща шэмэджыр зыхуэдэр, нэгъуэщІу жыпІэмэ -р лъабжыгъусэм Іэмал кълэет предмет, гурыІуэгъуэ пыухыкІахэм, уи нэІуасэхэм уатепсэлъыхыну. Зэдвгъэгъапщэт: *Ар егъэджакІуэу мэлэжъэ – ЕгъэджакІуэр унэм къыщІыхъащ.*

Зэрыхуэ псалъэзешэм кълэгъэлъэгъуэ:

а) кълулыкыу, ІэщІагъэ: *Мухъэмэд кълуажэ Іэтащхъуу хахашц;*

б) егъэщхъыныгъэ: *Сосрыкыуэ мафІуэ кълэзэщІэнащ;*

- в) Гуэуццэр зэхьэллэ ццэр: *Къуажэм цыфыхуу дэсыр губгъуэм итт*;
- г) гъэнэхуакцур: *Школ хадэм нартыхуу центнерицэ къытрахыц*;
- д) зыгуэр хъуныгъэ: *мывэу жаш*.

3. Бжыгъэ катэгорэ

Адыгэбзэм и цыфэццэхэм я нэхъыбэм закъуэ бжыгъэри, куэд бжыгъэри ялэщ.

Закъуэ бжыгъэм къегъэлъагъуэ предметыр зы фцэккэ зэрымышхур: *унэ, жыг, цыфыху*.

Куэд бжыгъэм къегъэлъагъуэ предметыр зым зэрыщигъур: *унэхэр, жыгхэр, цыфыххэр*.

Закъуэ бжыгъэ гъэпсыкцэр формативыншэу, куэд бжыгъэ гъэпсыкцэр -хэ формативкцэ къэгъэлъагъуа мэхъу. Куэд бжыгъэм и формативыр жьэрыуатэбзэм -хэ жицэу къыщапсэлъ: *унэ-хэ-р // унэ -хэ-р, цыфыху-хэ-р // цыфыху-хэ-р*.

Куэд бжыгъэм и форматив -хэ-м цыфыхуу псалъэм поуэ псалъэзешэ кцэу, еплъ: *унэ-хэ-р* (ццэиуэ псалъэзешэм и кцэу -р пытц), *жыг-хэ-м* (зыхъуэж псалъэзешэм и кцэу -м пытц). Мы хабзэм теткъым унэццэхэмрэ ццэхэмрэ – абыхэм ццэиуэ псалъэзешэм и куэд бжыгъэм деж -хэ-м фцэккэ псалъэзешэ кцэу помыгъэуэм мэхъу: *Къардэн-хэ лъэккыишхуэц*.

Апхуэдэ теплэ ялэщ зэрызыхуагъазэ псалъэхэм: *Фымыпцэццэ, цыфыхуэ! Ныбжъэгъуэхэ, зэццэццэ зыкъыкцэрывмыгъэху!*

Бжыгъэ гъэпсыкцэи ццэи цыфэццэхэм къадэкцэу бжыгъэ зэхъыщыкцэныгъэ зымылэ гъэпсыкцэхэри цыфэццэ. Еплъ, псалъэм папццэ, мыбыхэм: *Сабийм жэлэ / Сабийм жэлэ; Хъэццэццэ къэхъ / Хъэццэццэ къэхъ. Сабийм, хъэццэццэ псалъэхэр япоуэ лэжыгъэццэ и щхъэ гъэпсыкцэ закъуэ бжыгъэми, куэд бжыгъэми. Закъуэ бжыгъэ гъэпсыкцэм шигъусэм деж, абыхэм зы фцэккэ мыхъу къагъэлъагъуэ, куэд бжыгъэм щашыгъуццэ – куэд хъу. Мыпхуэдэ гъэпсыкцэм тетхэм «зэдай бжыгъэкцэ» уеджэ хъуну къыщцэкцэи.*

3.1. Нэхъыбэрэ закъуэ бжыгъэу къагъэсэбэп цыфэццэхэр

Адыгэбзэм икцэццэ *singularia tantum* жыхуалэм хэбгъэхъэ хъунуццэ мыпхуэдэ къытепщыкцэ псалъэ гупхэр:

а) цыфэццэ псалъэпкъым лъабжъэужь -гъэ-кцэ къатеккэ цыфэццэхэр: *цыфыхуэ (цыфыху псалъэм къытокцэ), лыгъэ (лы псалъэм къытокцэ)*;

б) лэжыгъэццэ псалъэпкъхэм -кцэ лъабжъэужь япыувэццэрэ къэхъуа цыфэццэхэр: *лэжъэкцэ (лэжъээн псалъэм къытокцэ), кцэуццэ (кцэуэн псалъэм къытокцэ)*;

в) плъыфэццэ псалъэпкъхэм -гъэ лъабжъэужькцэ къатехъуццэ цыфэццэхэр: *дахэгъэ (дахэ псалъэм къытокцэ), фыццэццэ (фыццэ псалъэм къытокцэ)*;

г) етцэуэн лыхъуэ -гъуэ зыхэт цыфэццэ зэхэлъхэр: *лэжъэгъуэ, ихэгъуэ, еджэгъуэ*. Къедбжэккэ гупхэм зэхъу яхэлъыр абыхэм псоми мыпыухыккэ мыхъэнэ зэралэри.

Нэгъуэщцэ гуп зыбжанэми я ццэ къыпцэу хъунуццэ, пкъахуэ къагъэлъагъуэу:

а) гъуыщыкцэхэм я ццэхэр: *дыщэ, дыжъын, гъуапцэ*;

б) ткцэуатцэуэхэм я ццэхэр: *псы, шэ, дагъэ*;

в) ерыскыыхэкцэхэр: *тхъу, лы, кхъуей*;

г) хъэццэццэхэмрэ нэгъуэщцэ гъавэхэкцэхэмрэ я ццэхэр: *гуэдз, ху, нартыху*;

д) щэкцэхэм я ццэхэр: *шухъэ, данэ, чэсыргей, къэдабэ*;

е) пкъыгъуэ щашэхэм я ццэхэр: *пшахъуэ, сабэ, гын*; мыбыхэм яхэбгъэхъэ хъунуццэ *уэс, уэ*, н. апхуэдэ псалъэхэри [Кумахов, 1971: 22].

Закъуэ бжыгъэу фцэккэ жалэрккъым ццэ унейхэм ящыщ гуп, абыхэм хохъэ астрономием епха ццэхэр: *Дыгъэ, Мазэ, Нэхуццэагъуэ, Вагъуэбаи, Вагъуэзэибиб*; жылагъуэццэхэр, географием ехъэллэ нэгъуэщцэ фцэщыгъэхэр: *Налишк, Бахъсэн, Анзорей, Гуаццэхъамахуэ*; мыбыхэм ящыгъуыццэ *уафэ* псалъэри.

Гуп щхьэхуэ кьагьэхуэ кызыщцIэзыкхуэ шыIэцIэхэм: *жылэ, хьэблэ, унагьуэ*, н.кь.

3.2. Куэд бжыгьэу фIэкIа кьамыгьэсэбэп шыIэцIэхэр

Адыгэбзэм и нэщэнэу шытщ закхуэ бжыгьэ гъэпсыкIэхэм куэдрэ куэд бжыгьэ гъэпсыкIэ кьапэуу щымылэу узэрырихьэллэр, ауэ абыхэм емыщхуэ, куэд бжыгьэ гъэпсыкIэм зэрыхабзэу закхуэ бжыгьэ гъэпсыкIэ кьапэщытщ. Абы кыххэкIкIэ *pluralia tantum* жыхуалэм хуэбгъэкIуэн куэд бгъуэтынукхым. Нэхьыбэу мы гупыр кьэзыгьэхуэр зэ- лъабжьэпэ зыхэт псалъэхэрщ: *зэныбжьээгъухэр, зэкъуэшхэр, зэшыпххэр, зэунэкъушхэр*, н.кь. ЦIыхухэм я зэхушчытхыкIэ кьэзыгьэалъагьуэ мыпхуэдэ псалъэхэм я мыхьэнэм ипкь иткIэ закхуэ бжыгьэ яIэнкIэ хьунукхым [Урыс 2001: 108].

Ауэ урохьэллэ мыхэр закхуэ бжыгьэ гъэпсыкIэм щит. Псалъэм папщIэ, куэд бжыгьэм аффикс -хэ абыхэм яхэткхым, бжыгьэцIэм и гъусэу кышагьэсэбэпкIэ: *зэныбжьээгъуитI, зэкъуэшищ*. Предикат кьалэн шагъэзащцIэкIэ лIэужьыгъуитIу ахэр кьапсэлъ: *ахэр зэныбжьээгъуиц – ахэр зэныбжьээгъухэц*, а тIум ящыщ нэхьыбэрэ бзэм узыщрихьэллэр -хэ зыхэмыт гъэпсыкIэрщ.

3.3. Репрезентатив куэдагъ

Репрезентатив куэдагъ гъэпсыкIэ зиIэ хабзэр цIэ унейхэрщ. А гъэпсыкIэр лIэужьыгъуитI мэхуэ [Кумахов, 1971: 24].

1. ЦIэ унейхэм куэд бжыгьэм и лъабжьээгъусэ -хэ япыувэкIэрэ кьэгъэлъэгъуа мэхуэ. ЦIэ унейхэм я мыхьэнэм идэркхым куэд-закхуэ зэпэщцIэтыныгъэ. Мыбдеж куэд бжыгьэ гъэпсыкIэм кьигьэалъагьуэр куэдым ящыщ зыщ, цIэ унейкIэ кьэхьауэ: *Анзор-хэ я унэ* – «Анзор и унагьуэм я унэ», *Ланэ-хэ я деж сокIуэ* – «Ланэ и унагьуэр щыпсэу унэм сокIуэ».

2. ЦIэ унейхэм *сымэ* элементыр кьапыувэкIэрэ кьохуэ. Мыпхуэдэ кьэхьугъэм кьигьэалъагьуэр зи цIэ кьраIуэр зыхэт, зыщыщ гупщ: *Аслъэн сымэ* – «Аслъэнрэ и гъусэхэмрэ».

ЕтIуанэ лIэужьыгъуэм деж *сымэ* псалъэкIапэр цIэ унейуэ тIуми, нэхьыбэми шащыбгъу мэхуэ: *Инал, Анзор, Мадинэ, сымэ*. Куэдагъым хэт псори зырызу кьрабжэкIрэ *сымэ*-р абыхэм дышлагъужу апхуэдэ варианты шыIэщ. Абы кыххэкIкIэ иужьрей шапхьэм мыхьэнитI иIэнкIэ хьунуц: 1) *Инал, Анзор, Мадинэ, нэгъуэцIхэри*; 2) *Инал, Анзор, Мадинэ – а щым фIэкIа мыхуэ гуп* [Бижоев 2006: 20].

4. Еигъэ категорэ

Еигъэр (посессивыр) адыгэбзэ шыIэцIэхэм я морфологиие категорэщ. ЩыIэцIэхэм нэмыщI мыр яIэщ псалъэужь закхуэтIакхуэм: *си деж, уи деж*, н.кь. Еигъэ категорэр лIэужьыгъуитI мэхуэ: щхьэ-еигъэрэ ехьэлIа-еигъэрэ.

4.1. Щхьэ-еигъэ гъэпсыкIэр

Щхьэ-еигъэ гъэпсыкIэр лъабжьэпэхэмкIэ кьэгъэлъэгъуа мэхуэ. Мы гъэпсыкIэр яIэщ япэ, етIуанэ, ещанэ щхьэхэм я закхуэ, куэд бжыгьэхэм.

Еигъэ кьэзыгьэалъагьуэ лъабжьэпэхэр

	Закхуэ бжыгьэ	Куэд бжыгьэ
Япэ щхьэ	<i>си</i>	<i>ди</i>
ЕтIуанэ щхьэ	<i>уи</i>	<i>фи</i>
Ещанэ щхьэ	<i>и</i>	<i>я</i>

Еиггъэ лъабжьэпэхэр щыІэцІэхэм я псалъэпкъхэм поувэ, ауэ пэжырытхэ хабзэхэм япкъ иткІэ ахэр щхъэхуэу, щыІэцІэм кыпыыхауэ ятх: *си унэ, уи тхыль, и псалъэ*.

Япэ, етІуанэ щхъэхэм я щхъэ-еиггъэ лъабжьэгъусэхэр зэхэлъщ. Япэ, етІуанэ щхъэхэм я закъуэ, куэд бжыггъэхэр къэзыгъэлабгъуэ *с-, у-, д-, ф-*хэм кыпытщ еиггъэ къэзыгъэлабгъуэ *и-* элементыр. ЛэжыггъэцІэм и щхъэ лъабжьэгъусэхэм Іуэхур зылэжыр кыагъэлабгъуэм (еплъ: *с-окІуэ, у-окІуэ, д-окІуэ, ф-окІуэ*), еиггъэ гъэпсыкІэхэм яхэт щхъэ лъабжьэгъусэхэм кыагъэлабгъуэр щыІэцІэм кыигъэлабгъуэ предметыр зейрщ.

Еиггъэ гъэпсыкІэм и ещанэ щхъэр закъуэ бжыггъэм дежи, куэд бжыггъэм дежи *и-, я-* кызырыгуэкІ морфемэхэмкІэ къэгъэлабгъуа мэхъу. Мыбыхэм щхъэщ кыагъэлабгъуэр, еиггъэм и аффиксыр макъ зэхъуэкІыныггъэхэм дагъэху.

Щхъэ-еиггъэ гъэпсыкІэ зилэ щыІэцІэхэр предметыр зейм и щхъэхэмкІэ зэпхъуэкІ мэхъу, лэжыггъэцІэм зэрызыхъуэжыр субъектым е объектым и щхъэхэмкІэщ. Зэфлгыт:

Закъуэ бжыггъэ

Япэ щхъэ	<i>с-иунэ</i>	<i>с-ошэ</i>
ЕтІуанэ щхъэ	<i>у-иунэ</i>	<i>у-ошэ</i>
Ещанэ щхъэ	<i>и-иунэ</i>	<i>е-шэ</i>

Куэд бжыггъэ

Япэ щхъэ	<i>д-иунэ</i>	<i>д-ошэ</i>
ЕтІуанэ щхъэ	<i>ф-иунэ</i>	<i>ф-ошэ</i>
Ещанэ щхъэ	<i>я-иунэ</i>	<i>я-шэ</i>

ЩыІэцІэхэмрэ лэжыггъэцІэхэмрэ *с-, у-, д-, ф-, я-* морфемэхэм шагъэзашІэ кыалэныр зэщхъкым. А зэщхъэщыкІыныггъэр кьонэ щхъэ-еиггъэ гъэпсыкІэм тет щыІэцІэр мыхъей лэжыггъэцІэхэм я парадигмэм щиувэм дежи, нэгъуэщІу жыпІэмэ щхъэ аффиксхэм апхуэдэ лэжыггъэцІэхэм шагъэзашІэ кыалэныр еиггъэ гъэпсыкІэм ит щыІэцІэхэм шагъэзашІэ дьдэрщ, еплъ: *Сэ си къуэшыр тыкуэным згъэкІуащ – Сэ тыкуэным згъэкІуар си къуэшыриц* [Бижоев 2006: 21].

Щхъэ-еиггъэ гъэпсыкІэ кыагъэху цІэ унейхэми, цІэ зэдайхэми, еплъ: *си Бахъсэн, ди Іуащхъэмахуэ*.

Еиггъэ гъэпсыкІэм ит щыІэцІэхэм я зэуэкІыр а гъэпсыкІэм имыт щыІэцІэхэм ейм кыщхъэщыкІыркым. Еплъ *шы* щыІэцІэмрэ абы и еиггъэ гъэпсыкІэ *сиш* жыхуиІэмрэ псалъэзешэкІэ зэрызахъуэжым:

Закъуэ бжыггъэ

ЦІэиІуэ	<i>шы-р</i>
Зыхъуэж	<i>шы-м</i>
ЗыунэтІ	<i>шы-м-кІэ</i>
Зэрыхъу	<i>шы-ра-уэ</i>

Куэд бжыггъэ

<i>си шы-р</i>	<i>шыхэ-р</i>	<i>сишхэ-р</i>
<i>си шы-м</i>	<i>шыхэ-м</i>	<i>сишхэ-м</i>
<i>си шы-м-кІэ</i>	<i>шыхэ-м-кІэ</i>	<i>сишхэ-мэкІэ</i>
<i>си шы-ра-уэ</i>	<i>шыхэ-ра-уэ</i>	<i>сишхэ-ра-уэ</i>

Зым адреир игъэбелджылыуэ щыІэцІитІ псалъэ зэхэт щыхъукІэ, а тІуми еиггъэ аффикс япытынкІэ хъунуш, еплъ: *Іэнэм и лъакъуэ – ди Іэнэм и лъакъуэ; гъащІэм и хабзэ – ди гъащІэм и хабзэ*.

Щапхъэ кьэтхъахэм хуэдэхэм зыгъэбелджылы Іыхъэр дапщэши зыхъуэж псалъэзешэм и гъэпсыкІэм щытетщ: *адэм и псалъэ, анэм и дахэ*.

ЩыІэцІэ гуэрхэр щыІэщ, япэ щхъэм дежи еиггъэ гъэпсыкІэ закъуэ бжыггъэм и пІэкІэ куэд бжыггъэ гъэпсыкІэ ирату. Псом япэу а нэщэнэр зыдэплагъур Іыхылы гъунэгъухэр къэзыгъэлабгъуэ псалъэхэрщ, нэхъыбэ дьдэрэ *анэ, адэ*, жыхуиІэхэм. Мы щыІэцІитІыр кызырыригъажьэ макъзешэмрэ еиггъэ лъабжьэпэ *ди-*мрэ зыуэ зэхохъж: *Д-янэр нобэ нэжэгужэщ; Д-ядэр къэгубжъащ*.

Закъуэ бжыгъэ	Куэд бжыгъэ
ЦэиІуэ	зи унэхэр
Зыхъуэж	зи унэхэм
ЗыунэтІ	зи унэхэмкІэ
Зэрыхъу	зи унэхэрауэ

ЩыІэцІэхэм я псалъэзпыщІэныгъэр лъабжьэужьхэмкІэ къэгъэлъэгъуа мэхъу. ЩыІэщ -и зи закъуэ лъабжьэужьы: *щІали-и, хъыджэбз-и*; кытезыгъэзэж лъабжьэужьхэри: 1) -и...-и: *щІал-и хъыджэбз-и*; 2) -рэ...-рэ: *щІалэ-рэ хъыджэбз-рэ*. КъедбжэкІа лъабжьэужьхэр кълэн ягъэзашІэхэмкІи, ахэр зрагъэзашІэ щІыкІэхэмкІи зэшхъкъым, абы къыхэкІкІи щхъэхуэ-щхъэхуэ утеспэлтыхьпхъэш.

Лъабжъужъ зи закъуэ -и жыхуиЭр псалъэ щхьэхуэ ирипашЭу къагъэсэбэп, еплъ: *Инали жиЭн шиЭжырт* (Кышхокъуэ А.).

Зэпызышдэ лъябжъэуж зи закъуэ *-и-м* псалъэухам и пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуитI зэрипхыфынукъым. Пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуитI е нэхьыбэ зупхынумэ, Iэмал имыIау псалъэ къэс зэпызышдэ морфемэ *-и-р* пыгъэувэн хуейш, еплъ: *Дызэхуозэ үэри сэри, сэ сонсалъэ, үэ үчымыш, сэ үзотыр гури псэри* (КIуаш Б.).

Лъабжьэужь зи закъуэ *-и*-ми кытетыгъэзэж лъабжьэужь *-и...-и* жыхуаІэми, макъзешэкІэ иух псалъэхэм щапыгувэкІэ, а макъзешэхэр пагъэху: *ун-и* (<*унэ-и*); *пс-и* (<*псы-и*).

Белдэжылагъ гъэпсыкIэ зIлэ щыIэлцIэхэм шапыгувэм деж -и лъабжьэгъусэр псалъээшэ кIэухым иужькIэ къокIуэ, еплъ: *щIалэ-р-и хъыджэбз-р-и; щIалэ-м-и хъыджэбз-м-и.*

и- морфемэр лъабжьэужь -рэ-кIэ зэпыщIа псалъэхэми япоувэф: иIалэм-р-и хъыджэбзым-р-и.

ЗэпызышIэ льябжьэужь -и-р зыунэтI, зэрыхъу псалъэзешэхэм я кIэух -кIэ, -уэ жыхуиIэхэм шапыувэкIэ, ахэр зэриух макъзешэр япегъэху: *унэ-кI-и* (*<үнэкIэ-и*), *унэ-ү-и* (*<үнэүэ-и*).

Зи закъуэ -и лъабжэужьми, къытезыгъэзэж -и...-и-ми фонетикэ вариант яЭш:
-икI (-икI...-икI), еплъ: ун-и // ун-икI; Анзор-и // Анзор-икI; илал-и хъыджэбз-и // илал-икI хъыджэбз-икI [Кабардино-черкесский язык 2006: 107–108].

5.2. -рэ (-рэ...-рэ) лъабжьэужьыр

Лъабжьэужь -и-м кыщхьэщыкIыу, -рэ лъабжьэужьым зэрипхыр псалъэухам и пкыгъуэ зэлъэпкъэгъухэм я закъуэщ. Пкыгъуэ зэлъэпкъэгъухэр лексикэ и лъэныкъуэкIэ зыщыщым елъытауэ лъабжьэужь -рэ-р и закъуэнкIи, абы кытригъэзэжу шытынкIи хьунуш [Кумахов 1971: 173]. ЦIэ зэдаихэр пкыгъуэ зэлъэпкъэгъуу къакIуэмэ, -рэ лъабжьэужьыр абыхэм ящыщ дэтхэнэ зыми поувэ, абы шыгъуэми, зэрыхабзэу -рэ-м зэрипхыр пкыгъуэ зэлъэпкъэгъуитIщ, -и лъабжьэгъусэм, кызызэрдгъэлъэгъуащи, тIуи, нэхъыби зэпащIэф. Еплъ: *Елдар-рэ Къурашэм-рэ къэтэджащ* (КIыщокъуэ А.).

Пкыгъуэ зэлъэпкъэгъуитIым шыщу япэ итыр цIэ унейкIэ, етIуанэр схьэ цIэпапщIэкIэ къэгъэлъэгъуамэ, цIэм -рэ пымытми мэхъу: *БемIал сэрэ абы теухуауэ дызэпсэлящ* (Къэрмокъуэ М.).

Ауэ къэтхьа шапхьэм хуэдэхэм пкыгъуэ зэлъэпкъэгъухэм я зэпхыкIэр дапщэщи а зы мардэм шытеткъым, псалъэм папщIэ, *Инал-рэ сэ-рэ зы къуажэ дыккыдалъхьащ* (КIыщокъуэ А.).

НэгъуэщI псалъэ лъэпкъыгъуэхэми я деж щыдолъагъу ардыдэр: *уядэм сэрэ // уядэмрэ сэрэ ; егъэджащIуэм дэрэ // егъэджащIуэмрэ дэрэ*.

ЦIэ унейрэ схьэ цIэпапщIэу зэхэт зэпхыныгъэр зэкIэлъыкIуэкIэ пыухыкIам тетщ, абы укыгтекI мыхъуу. *БемIал сэрэ* жыхуиIэр *сэрэ БемIал* жыпIэу зэблэбгъэувыкI хьуркъым. «ЩыIэцIэ + цIэпапщIэ» зэкIэлъыкIуэкIэ пщIы щыхьунур Iыхьэ етIуанэми -рэ пыбгъэуэвэмэщ: *сэрэ БемIалрэ*.

Лъабжьэужь кытезыгъэзэж -рэ...-рэ зыхэт зэпыщIэныгъэм белджылагъыр лъабжьэужь -м...-м-кIэ кыщыгъэлъэгъуамэ (*щIалэ-м-рэ хьыджэбзы-м-рэ*), апхуэдэ зэпхыныгъэм -рэ...-рэ, -и лъабжьэужьитIри зэдыхэтмэ, белджылагъ къэзыгъэлъагъуэу хэувэр -р-щ (*щIалэ-ри хьыджэбзы-ри*). ЖыгIам и щхьэусыгъуэр кызыыхэкIыр зэзыпх лъабжьэужьхэм я фонетикэ зэхэлъыкIэрщ.

ЗэпызыщIэ морфемэ -рэ (-рэ...-рэ)-мрэ псалъэзэшэ кIэуххэмрэ я зэхыхьэкIэм гъэщIэгъуэнагъхэр хэлъщ.

ЦIэиIуэ псалъэзэшэм ит щыIэцIэм -рэ (-рэ...-рэ) пыувэмэ, псалъэзэшэ кIэухыр хоху.

ЗыунэтI псалъэзэшэм ит щыIэцIитI зэпыщIа щыхьукIэ, лъабжьэужь -рэ зыпыувэр япэ ит щыIэцIэрщ, абы шыгъуэми а щыIэцIэм псалъэзэшэ кIэухыр хэмыту, етIуанэ щыIэцIэм псалъэзэшэ кIэух -кIэ пытщ. Ауэ мыбы лъабжьэужь -рэ пыувэркъым. Цапхьэхэр: *Джыдэ-рэ пхьэх-кIэ солажьэ; Аслъэн-рэ Анзор-кIэ сыарэзыщ*.

ЖыпIэ хьунуш псалъэзэшэ кIэухымрэ зэпызыщIэ лъабжьэужьымрэ апхуэдэхэм деж къалэнхэр зэхуагуэшу.

Къэтхьа шапхьэхэм грамматикэ вариантхэр яIэщ, еплъ: *джыдэ-рэ пхьэх-кIэ // джыдэ-рэ пхьэх-кIэ-рэ // пхьэх-кIэ-рэ джыдэ-кIэ-рэ*.

ЗэпызыщIэ морфемэ -и-м емыщхьу, зэпызыщIэ морфемэ -рэ...-рэ зыунэтI псалъэзэшэм и кIэух -кIэ-м и пэ къиувэнкIэ хьунуш, белджылагъ зэуэкIым шытетым деж, еплъ: *джыдэ-м-рэ пхьэхы-м-кIэ-рэ // джыдэ-м-рэ пхьэхы-м-рэ-кIэ*.

Зэрыхьу псалъэзэшэм шыгъуи -рэ морфемэм кытригъэзэж хабзэкъым – ар зыпыувэр пкыгъуэ зэлъэпкъэгъухэм ящыщу япэ итым и закъуэщ, етIуанэ Iыхьэм псалъэзэшэ кIэухыр пытщ: *джыдэ-рэ пхьэхы-у*. Ауэ мыбдежми нэгъуэщI вариантхэр шыIэщ, зэпызыщIэ лъабжьэужь -рэ-р пкыгъуэ зэлъэпкъэгъуитIми япыувэу, зэлъыт: *джыдэ-рэ пхьэхы-у // джыдэ-рэ пхьэхы-рэ-у*.

Морфемэ -и-р псалъэзэшэ кIэухым кыкIэлъыкIуэмэ, -р зэпызыщIэ морфемэр псалъэзэшэ кIэухым и пэ къоувэ, зэлъыт: *щIалэ-у-и хьыджэбз-у-и – щIалэ-рэ хьыджэбз-у-и – щIалэ-рэ хьыджэбз-рэ-у*.

ИщхьэкIэ шыжыгIахэр кызызэщIэпкъуэжмэ, адыгэбзэ щыIэцIэхэм я зыхьэужькIэр къанэ щIагъуэ шымыIэу зэхэгъэкIа хьуауэ къэпллытэ хьунуш. Абы кыкIыркъым, дауи, дяпэкIэ абы теухуауэ къэхутэныгъэ егъэкIуэкIын

хуэмейуэ. Псалъэм папщӀэ, дэ еигъэ категорэу кыххэдгъэщыр зымыдэхэм, еигъэ аффиксхэр цӀэпапщӀэ лӀэужьыгъуэу зыгъэувхэм, я еплъыкӀэр тыншу яхуэжыну фӀэщӀыгъуейщ. Апхуэдэщ псалъэзешэхэм ятеухуауэ щыӀэ зэгурымылуэныгъэхэри. ШӀэч зыхэмылгыр зыщ: ди бзэм хэлъ гъэщӀэгъуэныгъэхэр зепкӀрыхыным хуейр а бзэм ирипсалъэхэм я закъуэкъым, абыхэм къулей ящӀыну зыщӀэныгъэр зэрыщыту. Абы и шапхъэщ ди бзэр яджыну Урысейми нэгъуэщӀ къэралхэми я щӀэныгъэлӀ куэдым адыгэбзэм кыххуащӀ гулгытэр.

ТегъэщӀапӀэ хъуа литературэр

1. *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 352 с.
2. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970. 215 с.
3. *Жилетежев Х.Ч.* Специфика собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 113 с.
4. *Кабардино-черкесский язык* в 2-х т. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
5. *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 342 с.
6. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ. Морфонемикэ. Морфонология. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 н. (*Урусов Х.Ш.* Кабардино-черкесская грамматика. Фонетика. Морфонемика. Морфонология. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.).

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Бижоев Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Специфика кабардино-черкесского языка, как и всей абхазо-адыгской группы языков, ярко проявляется не только в сложнейшей системе глаголов, но также и в области имен. Это касается как их парадигматики, так и способов их образования. В данной статье автор дает характеристику морфологическим категориям имен существительных кабардино-черкесского языка. Такие известные по индоевропейским языкам категории падежа, числа и другие в указанном языке ведут себя совершенно по-иному, имеется целый ряд именных категорий, которые фактически за пределами абхазо-адыгских языков нигде не встречаются (союзности, притяжательности). Именно указанной уникальностью можно объяснить долгий путь познания строения данных языков специалистами, между которыми и по сей день существует немало разногласий по тому или иному вопросу. Наряду с попыткой подвести итог достижениям в данной области, в статье решается и другая, не менее важная проблема – создание научного труда об именах существительных на самом кабардино-черкесском языке с применением вновь разработанной системы лингвистической терминологии, что необходимо для формирования научного стиля как одного из путей развития современного литературного кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, имена существительные, категория, послелог, частица, падеж, союзность.

SPECIFICITY OF MORPHOLOGICAL CATEGORIES OF SUBSTITUTE NAMES IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Bizhoev Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Researcher of the of Sector of Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal

State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The specifics of the Kabardino-Circassian language, as well as the entire Abkhaz-Adyg group of languages, is clearly manifested not only in the most complex verb system, but also in the field of names. This concerns both their paradigmatic and the way they are formed. In this article, the author gives a description of the morphological categories of nouns of the Kabardino-Circassian language. Such categories of case, known in Indo-European languages, numbers and others in this language behave quite differently, there are a number of nominal categories that are actually not found anywhere (union, possessiveness) outside the Abkhaz-Adyg language. It is this uniqueness that can explain the long journey of knowledge of the structure of these languages by specialists, between whom there are still many disagreements on this or that issue. Along with an attempt to summarize the achievements in this field, the article addresses another equally important problem – the creation of scientific work on nouns in the Kabardian-Circassian language using the newly developed system of linguistic terminology, which is necessary for the formation of a scientific style as one of ways of development of modern literary Kabardino-Circassian language.

Keywords: Kabardino-Circassian language, nouns, category, postposition, particle, case, union.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-83-93

АДЫГЭБЗЭМ ШЫЛЭНЫГЭЭ ПСАЛЪЭУХАХЭМРЭ ШЫМЫЛЭНЫГЭЭ ПСАЛЪЭУХАХЭМРЭ КЪЫЗЭРЫШЫГЭЭЛТЭГЪУАР

Жылэтеж Хьжысмел Чылэний и къуэ, филологие шлэныгэхэмклэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгэхэмклэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет шлэныгэ Луэхушлэлэ «Урысейм шлэныгэхэмклэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шлэныгэ центр» Федеральнэ шлэныгэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и шлэныгэ и лэжыаклуэ нэхъыжъ, hazismel@mail.ru

Адыгэбзэм шылэныгэ псалъэуахэмрэ шымылэныгэ псалъэуахэмрэ нэгъэ-сауэ джа шыхъуакъым. Адыгэбзэм теухуауэ урысыбзэклэ къыдэклэ къэхутэныгэхэр мыхъумэ, адыгэбзэклэ къыдэклэ апхуэдэ лэжыгэхэм шылэныгэ е шымылэныгэ псалъэуахэлэ эджэр, апхуэдэу шлагуэшым и шхъэусыгъуэр къышчыгэлъэгъуакъым. Хэхауэ гу лъыгтэн хуейш шылэныгэ псалъэуахэмрэ шымылэныгэ псалъэуахэмрэ бзэхабзэ лэмал зэмыллуужыгъуэхэм къышынэмышлауэ нэгъуэщл шылклэхэмклэ къэгъэ-лэгъуа зэрыхъум. Апхуэдэу, псалъэм папщлэ, бзэм къышчолуэ псалъэухам и ухуэклэ шхъэхуэхэр, псалъэ шхъэхуэхэр, къэпсэлъыклэр. А зи гугъу тшлэ Луэхугъуэхэр белджы-лы шылэным теухуащ мы лэжыгъэр.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, шылэныгэ псалъэуха, шымылэныгэ псалъэ-уха, псалъэухам и зэхэлъыклэ, лъабжьэпэ, лъабжьэужь.

Адыгэбзэм, адрей бзэхэми хуэдэу, и псалъэуахэр ллуужыгъуэклэ шагуэшклэ тегъэшлэлэ ящл нэщэнэм елгытауэ гуп зыбжанэу зэщхъэщокл. Псалъэухар зытепсэлъыхьымрэ абы теухуауэ шыжыламрэ ялэ зэпышлэныгэм елгытауэ псалъэуахэр тлууэ ягуэш: *шылэныгэ* псалъэуха, *шымылэныгэ* псалъэуха. Мыпхуэдэ псалъэуахэм налууэ къагъэлъагъуэ предметхэмрэ къэхъукъащлэхэмрэ я зэхушытыклэр.

Псалъэухар зытепсэлъыхь предметымрэ абы теухуауэ шыжыламрэ я зэпышлэныгэр зэхэщыкыгъуэу шыгтмэ, апхуэдэхэр шылэныгэ псалъэухащ. Псалъэм папщлэ: *Дохутырыр сымаджэм шлэуишлэу* – мыбдеж зытепсэлъыхь предметымрэ (*дохутырыр*) абы теухуауэ шыжыламрэ (*шлэуишлэу*) зэпышлэу. А зэпышлэныгэр налуэ псалъэухам шыхъуащ, абы кыхэкълуэ апхуэдэхэр шылэныгэ псалъэухащ. Нэгъуэщлу жыплэмэ, мыпхуэдэ псалъэуахэм лэжыгъэр, Луэхур зэрышылэр шынэрылгъагъуш.

Шымылэныгэ псалъэуахэм псалъэухар зытепсэлъыхь предметымрэ абы теухуауэ шыжыламрэ я зэпышлэныгэр налууэ шыткъым. Псалъэухам къышчылуэта лэжыгъэм, Луэхугъуэм и шымылэныгэр къышчыгэлъэгъуащ. Псалъэм папщлэ: *Шлалэр тхылъым къеджакъым* – псалъэухам хэлъ лэжыгъэр (*еджэныр*) шылэкъым, къэтгш.

Шылэныгэ псалъэуахэмрэ шымылэныгэ псалъэуахэмрэ нэхъыфлу джа шыхъуащ урысыбзэмрэ европеибзэхэмрэ. Урысыбзэм теухуа шлэныгэ лэжыгъэхэм абы папщлэ ярыгтхэр нэхъыбэм зэщхъш, зэрызэщхъэщыкл гуэрхэр хэлъми [Вомперский и др. 1979: 20–23; Калинина 2012: 42; ССЛТ 1985: 193, 369;]. Адыгэбзэм и гугъу пшлэмэ, шлэныгэлл зыбжанэ абы тепсэлъыхьащ [Камбачоков 1997: 41–51; Урыс 1994: 61–69;]. Кыхэгъэщыпхъуэ къыдолгытэ шымылэныгэр адыгэбзэм къэгъэлъэгъуа зэрышыхъум теухуа Шэру Н.Гъу. и тхылъ шхъэхуэр [Шериева 2014]. Сыт хуэдэ Луэхугъуэми нэхъ гугъур пэщлэдзэр араш. Адыгэбзэм

щымыIэныгъэ псалъэухахэр джынымкIэ япэ лъэбакъуэр зычар Нэгумэ Шорэщ. Япэ адыгэ бзэщIэныгъэлIым пэжу гу лъытауэ шытащ адыгэбзэм мыхъуныгъэр *-къым, -мы* пывуэрэ къызэрыщыхъум [Ногма 1959: 95].

ШыIэныгъэ псалъэухахэмрэ щымыIэныгъэ псалъэухахэмрэ яIэ щхьэхуэныгъэхэр къэдгъэлъэгъуэнщ.

Адыгэбзэм шыIэныгъэр къэгъэлъэгъуа щохъу псалъэужькIэ, псалъэпэкIэ, псалъэужьрэ псалъэпэрэ зэгъусэу, нэгъуэщI IэмалхэмкIэ.

ШыIэныгъэ кърагъэлъагъуэу нэхьыбэрэ бзэм къегъэсэбэп *-щ, -т* псалъэужьхэр. ШыIэныгъэ къигъэлъагъуэу псалъэужь *-щ-р* поувэ гъээщIэну къакIуэ лэжыгъэцIэ хьейхэм (блэкIа, къэкIуэну зэманым итхэм), мыхъей лэжыгъэцIэхэм (зэман псоми), нэгъуэщI псалъэ лъэпкъыгъуэхэм: *Аружани нэщхьыфIэу абы яхэтиц* [ЩоджэнцIыкIу I. 1989: 39]; *Бадынокъуэщ ар зи Iэужьбыр* [Нартхэр 1995: 207]; *Фи насытц ЕщIэнокъуэхэ зэишэр фи хьэблэ щопсэури. Ауэ ахэр фэ фи закъуэ фыфейкъым, ахэр къуажэм ейщ, адыгэхэм дыдейщ* [ШэкIыхьэщIэ 1994: 122]. ШыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь *-щ-р* адыгэбзэм куэдрэ къыщагъэсэбэп, ауэ «адыгэбзэм и лъапсэгъу адыгейбзэм, ди бзэм и беслъэней щIыпIэбзэм апхуэдэ мыхъэнэ иIэу къыщагъэсэбэпыркъым» [Урыс 1994: 68]. ШыIэныгъэр къигъэлъагъуэу гъээщIэным (блэкIа зэфIэмыкIа зэман къигъэлъагъуэу) пывуэнкIэ мэхъу лъабжьэужь *-т*: *Къызэхуэсахэр пцIантIэм дэтт; ЩIалэ закъуэт ар; Мазэр къыщIэкIат, ауэ кIыфIт*.

Тхьэлъанэ псалъэухахэм шыIэныгъэ щыхэлтым деж, гъээщIэным лъабжьэужь *-м(э), -кIэ* поувэ: «*ТенджызымыицIэкIэ соIуэ, а сэ слъагъум уккытыригъэчынмэ!*» – *жилащ морякым* [ЩоджэнцIыкIу I. 1989: 24]; (*Мацэ:*) *Алыхь IэплIэ есишэкIынци благъэ зыхуэщIынкIэ* [Дыгъужь 2011: 137]. Мыхъуэдэ псалъэухахэм я гъээщIэным щымыIэныгъэр къигъэлъагъуэу хуэвэнур лъабжьэпэ *мы-рщ*. Абы шыгъуэ ит зэманым ит гъээщIэныр иух хабзэщ псалъэпкъым и кIэмкIэ, ауэ блэкIа, къэкIуэну зэманхэр гъээщIэным и зэхэлъыкIэмкIэ къэгъэлъэгъуащ. Лъабжьэпэ *мы-мрэ* лъабжьэужь *-кIэ-мрэ* шызэзэгъ шыIэщ. Щапхьэ: *Уи фIэщ зэрыхъун, сымыщIэкIэ; Алыхь, занцIэу райкомым, обкомым сыкIуэници уи нэвагъуэхэр уэзмыгъэлъагъужмэ* [Къашыргъэ 1957: 35]. Псалъэухам псалъэкIапэ *ахъей* хэтмэ, гъээщIэным лъабжьэужь *-рэ* иIэнкIэ мэхъу: *Ахъай сщIэрэ. Ахъай имыдэнрэ!* Мыхъуэдэ псалъэухахэм хэлъ мэхъу зыхэщIэныгъэ къыщыхъукIэ, хэлэтыкIа шытыкIэ.

ШыIэныгъэр лъабжьэужь *-и-кIэ* къэгъэлъэгъуа щыхъу шыIэщ. Апхуэдэ псалъэухахэм куэдрэ уащрохьэлIэ IуэрыIуатэм, псом хуэмыдэу уэрэдыжхэм. Мыхъуэдэхэм деж лъабжьэужь *-и-р* шыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь *-щ-ми*, хъеиныгъэр къэзыгъэлъагъуэ лъабжьээгъусэ *-р-ми* я пIэм йоувэр: *Ей-ей, ей жи, сщIа псор жысIэжмэ, ей, мы лъыжь цхьэщытхъури къысфIащи* [Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов 1990: 373]; *Гуимэжхьхэри зэщIэщIагъэххэти, Талъостэнхэ сыныдашыжи* [Адыгэ IуэрыIуатэ 1999: 283].

Абы къинэмышIауэ, лъабжьэужь *-щ-м* и пIэкIэ гъээщIэным пывуэ лъабжьээгъусэ *-и-м* зэуэ шыIэныгъи гъэщIэгъуэныгъи къегъэлъагъуэ: *ГуцIэгъунишэу а щIымахуэм / Хъуа и хэкIыр игъэщтаи, Модэ феплъым, псыежэххэм / Мыл лъэмыжхэр тырильхъаи!* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 81]; *Иджыргуэрым си цIыхугъэр / Щыгъын хьэхукIэ уккэкIуаи* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 107].

Адыгэбзэм шыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ псалъэухахэр куэдрэ къыщохъу лъабжьэпэкIэ. ГъээщIэну псалъэухам хуэвэ лэжыгъэцIэ хьейхэм (ит зэманым, япэ, етIуанэ щхьэ цIэпапщIэ зыпытхэм, закъуэ е куэд бжыгъэм итхэм) шыIэныгъэр къыщыгъэлъэгъуа мэхъу лъабжьэпэ *-о, -э-хэмкIэ*. Ещанэ щхьэм деж шыIэныгъэр къагъэлъагъуэ лъабжьэпэ *-мэ/ма-хэм*: *Къуажэм дэкIауэ ар (Азэмэт) Бахъсэн аузым дэту докIуей* [Къэрмокъуэ 1984: 86]; – *Хъуниц иджы, Наурыз, – мащIэу пыгуфIыкIащ Атэбий, – сэ нэхърэ нэхъыфIу уошIэ ди тхьэишхуэм фIэкIа сэ нэгъуэщI сэбэп къызэрысхуэмыхъужыну* [ШэджыхьэщIэ 1994: 96]; *МакIуэ щIалэр*

ауз гъуэзукIэ [Кышчокъуэ 2004: 118]; *Сэтэнейри мэгузавэ, Мэгузасэ, мэгуIэжыр* [Нартхэр 1955: 63].

ЩыIэныгъэр къэгъэлъэгъуа мэхъу гъээщIэным зэуэ лъабжьэпи лъабжьэужы пыувэу:

1) шымыIэныгъэм и лъабжьэпэ **-мы-рэ** шымыIэныгъэм и лъабжьэужь **-къым-рэ** (шымыIэныгъэ тIуащIэ): *Сэри сымыкIуэмытэтэкъым, Сэри сымыжэф хуарэтэкъым* [Нартхэр 1995: 424]; *Ар щIалэ мыгъасэкъым; Ахъшэ мыбжэ зIахыркъым* [Нало 3. 2008: 119].

2) шымыIэныгъэм и лъабжьэпэ **-мы-рэ** лъабжьэужь **-(т)и-рэ** (жагъуэ хъуныгъэ мыхъэнэи къыгъэлъагъуэу): *Нобэ уэлбанэ хъун си гугъэу плащ цызымытIэгъаи* (е *цызымытIэгъати*), *жъауи къэзмыщтаи* (е *къэзмыщтати*); *IункIыбзэри къысцымыгыуниаи нобэ*.

IуэхуцIэ ухуэкIэ зIэ псалъэухахэм шыIэныгъэр къэгъэлъэгъуа шохъу пкъыгъуэ нэхъыщхьитIми лъабжьэгъусэ **-мы-рэ -къым-рэ** пыувэу. Апхуэдэм деж гъээщIакуэм **-мы-р** поуэр, гъээщIэным – **къым-р**: *Темботкъым унафэ зыхуэмыщIыр, аракъым лэжъэкIи зымыщIэр; Лыгъэ зымыIэр фэракъым*.

Адыгэбзэм шыIэныгъэр куэдрэ къэгъэлъэгъуа шохъу гъээщIэным лъабжьэужь **-къэ** пыувэрэ псалъэухам къэпсэлъыкIэ щхъэхуэ игъуэту. Апхуэдэ псалъэухахэм шыIэныгъэрэ ушщIэныгъэрэ яхэлъщ: (*КIуцэ:*) – *Хэт, на, нэхуыщым къэкIуар цIыхухъу зыцIэмыс унагъуэм? (Дыви-Нанэ:) – Тэдж уэ, пIагъункъэ! ХъэцIэми, хамэкъым ар* [Нало А. 1993: 16]; *Бажэм адэжсынэр къыIэрыхъащ. – Усыхынкъэ, адэжсынэ цIыкIу! – жиIащ бажэм* [Адыгэ Iуэрыуатэ 1999: 155]; (*Иныжъым:*) «*Уий, уий, нартхэ я лыцIэ, ЛыпцIэ Iыхъуэ усыхынкъэ, Фи Сосырыкъуэр здэщIэр ПсыниIуэ къызжомылэмэ*» [Нартхэр 1995: 78].

Адыгэбзэ псалъэухам шымыIэныгъэр нэхъыбэу къэгъэлъэгъуа шохъу псалъэужь **-къым-рэ** псалъэпэ **-мы-мрэкIэ**. Псалъэужь **-къым-р** зэралуатэ тешэм иту гъээщIэну къакуэ псалъэ лъэпкъыгъуэ псоми поуэ: *Джон политикэм пэIэщIэщ, КIуэркъым митинг лъэпкъ* [КIуащ 1958: 354]; *Абы (тетрадым) цIэи унэцIи теттэкъым, зэрытхари урысыбзэкъым, езым и бзэу къыщIэкIыныц* [КхъуэIуфэ 2000: 32]; *Ар беижъхэм я еджапIэу / Къэрэхъэлъкъхэм епэгъэкIкъым* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 106]; (*Мухъэмэд Цыкъэ жриIу:*) *Сэуи дежсыкъыщIэкIуар нэмыцэхэм си цхъэр яхуэзгъэтиIылыну аракъым* [Къэрмокъуэ 1984: 119].

Псалъэужь **-къым-м** лъабжьэгъусэ **-и-р** шыпыувэ бзэм ущрохъэлIэ. Псалъэухам и зэхэлъыкIэм, мурадым елытауэ а лъабжьэгъусэм гъэщIэгъуэныгъэ тешэ къалэнрэ псалъэзэпыщIэ-псалъэужь къалэнрэ егъэзащIэ: *Ей-ехъ, сэ сыныгъуэгъэм цыщыIэкъымы мыхэр!* [Къашыргъэ 1957: 103]; *Урыс бзылхуэгъэхэри шэджагъуэ жэмьш къэкIуэжтэкъымы, Болэт и махуэхэр езышыгъуэ хуат* [Дыгъужь 2011: 68].

ШымыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэу куэдрэ къагъэсэбэпхэм ящыщ лъабжьэпэ **-мы-р**. Ар поуэ фIэфIыныгъэ, унафэ, елыта-фIэфIыныгъэ тешэм иту къакуэ лэжыгъэцIэхэм, апхуэдэуи лэжыгъэцIэм къытекIа псалъэ лъэпкъыгъуэхэм, тхъэлбанэ псалъэхэм. Щапхъэ: *Хъэ здэщымыIэм бажэ цобанэ* [Адыгэ псалъэжъхэр 1967: 93]; *Уи IэмыщIэ имылым ущымыгъуэ* [Нало 3. 2008: 132]; *Хъэсэн къыщIэмыкIуар мылэжъэныриц; Жъы щымыгъуэтыжым, Жамыхъуэжэ и шыр зэгъуэдащ* [Адыгэ Iэрыуатэ 1999: 112]; *Ауэ Къасболэт пхъэбгъуэ Iуэхур и гум хыхъэпат: – Унэ лъэгъуэ къыгъэкъуныу а тIоуцIым. (Фызым:) – Ахъшэр цумытыкIацэрэт...* [КхъуэIуфэ 2000: 80]; *ЗэфIэнауэ нартыхъхэр Къумыжэ нэцIым цопсалъэ: – Уий, Имыс, мафIэ уиIэ? – Си тхъэрыIуэц, сымIэ* [Нартхэр 1995: 74]; *Фыз тIорысэр къогузавэри зэкIэлъыгъэпIащIу екIыщтэ (хъэнтхъупсыр): – Алыхъ, срымыхъэкIыжын! Алыхъ, срымыхъэкIыжын! – жиIуэрэ* [Нало 3. 2008: 40]; *Емыджэр еджапIэм цIадзыжынуц*.

ШымыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэпэ **-мы-кIэ** адыгэбзэм куэдрэ къышохъу цIэ унейхэр, псом хуэмыдэу унэцIэхэр: *БжэIумых, Джэдмыых, ДзыхъмыщI, ЖъэкIэмыхъу, МыкIуэф*. Куэдрэ къамыхъэсэбэпми, адыгэбзэм

ушрохьэлIэ апхуэдэ щIыкIэклIэ къэхьуа нэгъуэщI шыIэцIэ уней лIэужьыгъуэхэми: *Зэрамыгъавэ* (Арщыданрэ ДохъушыкIуейрэ я зэпылтыпIэм зэгурэ щызэпаубыда щIы кIапэм и фэщыгъэцIэу шытащ) [Коков 2000: 202]; *Гуацэмыдэ, ШэщIэмыху, ШэмыгъащIэ* (хьэблэщIэу тIысахэм щхьэкIэ жаIэ) [Жилетежев 2009: 79].

Адыгэбзэм шымыIэныгъэр къыщыгъэлтэгъуа шыIэщ гъээщIэным зэуэ лъабжьэпи лъабжьэужьы пыувэу. ШымыIэныгъэ къэзыгъэлтэгъуэ лъабжьэпэ **-мы**-м и гъусэу гъээщIэным пыувэнкIэ хьунуш шыIэныгъэ къэзыгъэлтэгъуэ лъабжьэужь **-щ** е **-т**: *Адыгэ шур леймыгъэгъут...* [Адыгэ IуэрыIуатэ 1999: 202]; *Ихьэ зымыIэр мылажъэриц* [ПашIэ 2003: 40]; *Ар афэ темыкIуэщ, зыри зытемыкIуэжщ* [Нартхэр 1995: 105].

ШымыIэныгъэр нэхъ хэкъуза мэхъу псалтэуахэм шымыIэныгъэ цIэпапщIэ е къэхьукIэцIэ щыхъувэм деж: *зыри, зымы, зыуи, зыкIи, зыщIыпIи, зэи, ауи*. Мы цIэпапщIэхэмрэ къэхьукIэцIэхэмрэ зи гъусэу къакIуэ псалтэхэм шымыIэныгъэм и лъабжьэпэ **-мы** е лъабжьэужь **-къым** япыувэ хабзэщ (шымыIэныгъэ тIуащIэ къагъэхьуу): *Зауэ нэужь зэманым ар тынышт сытми? ИтIани зыри хэлIыкIакъым, зыри ныкIуэдыкIуэ хьуакъым* [МафIэдз 2014: 157]; *«Сытым сыкIыхьын, зымы сыкIыхьакъым, гум сыкIишащ, фи бригадэм сыщылэжъэну сыкIэкIуащ», – жиIэщ Софяти, зэрынэцхьыфIэу Аружан и псэукIэм, и лэжъэкIэм щIэупицIащ* [ЩоджэнцIыкIу I. 1989: 28]; *Мыбдежыр зыкIи шынагъуэкъым* [КхьуэIуфэ 2000: 62]; *Пщыр и пщылIым пылIыжыныр Ауи уи жьэм къомыгъакIуэ* [ЩоджэнцIыкIу A. 2000: 325–326].

Апхуэдэ мыхьэнэ дьдэ псалтэуахэм халтхьэ «зы» псалтэмрэ псалтэзэпыщIэ-псалтэужь **-и**-мрэ (зыри мыхьэнэ кыкIыу): – *Зы Iэмали филэкъым – къажриIащ (нартхэм) Лъэщ* [Адыгэ IуэрыIуатэ 1999: 107].

ШымыIэныгъэ цIэпапщIэхэмрэ къэхьукIэцIэхэмрэ хуэдэу псалтэуахэм шымыIэныгъэ мыхьэнэ иIэу хоувэ «хьэуэ» псалтэмрэ абы мыхьэнэкIэ пэхъу макъыцIэхэмрэ – *аIэ, ауей, ыIы: (Къэрэщей:) – Хьэуэ, Хьэжумар, мы Iуэхум уи бзэ зэрыхэмытыр сэ хьэкъыу спхыкIащ* [Нало А. 1993: 295]; *Председателыр тутыным цэ-плIэ зэкIэлъхьэпыту екъури, ныкIуэфыр сэхуалгэм ирипIытIэжащ. – Ауей, цIы узэрыхуейм хуэдэу! Дытрахум – зэгъусэу дытрахуни* [ШэкIыхьэщIэ 1994: 293–294]; *аIэ, аIэ, сытIысынкIэ Iэмал зымыIэщ!* [ЩоджэнцIыкIу I. 2011: 78].

Адыгэбзэм шымыIэныгъэр лъабжьэгъусэншэуи куэдрэ къэгъэлтэгъуа щохъу псалтэуахэм и зэхэлтыкIэмкIэ, псалтэ щхьэхуэхэмкIэ, къэпсалтыкIэклIэ. Апхуэдэ мыхьэнэ яIэу бзэм къыщокIуэ: 1) «нытIэ», «Iейуэ», «иджыпсту», «щыгугъ» псалтэхэр; 2) «щыгугъи щыс», «нэхъ къэпштэнт?» гъэпсыкIэ зилэ псалтэуахэр; 3) фразеологизмхэр – «уи псэ къызыгъэнэн», «уи унэ къызыгъэнэн», «уи адэ и бынщ», нэгъуэщIхэри. Щапхьэ: *(Мыцэм:) – Ей, напэниэ, мы тхьэмыцкIэм фIэкI узытегуишхуэн бгъуэтыркъэ? КъыцIэкI мы унэм! – Щыгугъ абы! – жиIащ бажэм, унэм къыцIэпсэлъыкIри* [Адыгэ IуэрыIуатэ 1999: 159]; *НытIэ, уэ къожъэри зэхэсц; Щыгугъи щыс, къуитынищ абы; А-а, уи унэ къызыгъэнэн, ар абыхэм ящыцкIымы; Iейуэ, къыбжаIэнищ уэ абыхэм; Культурнэ революцэ жиIэу кыкI си гугъэщ, – жиIэу зыгурэ къэкIияти, зыкъомым ядакъым: – Уи адэ и бынищ ар, цIыхум я цхьэм революцэ зэрит!* [КIыщокъуэ 1984: 655].

ЗэраIуатэ псалтэуахэм шыIэныгъэм и лъабжьэужь **-щ**, **-т** е шымыIэныгъэм и гъэпсыкIэ **-къым** иIэнуш: *Нарт СосрыкIуэ ягъэшэсщ, шу гуни къуадзэжри ирагъэжъащ* [Нарты 2012: 97]; *Жыраслээн зэрежъэну зыхуигъэхъзырт* [КIыщокъуэ 1984: 337]; *Псы жэм кIыгъэзэжыркъым* [ПашIэ 2003: 47].

Псалтэуахэм шыIэныгъэ щыхэлтым дежщ гъээщIэным хьейныгъэм (ит зэманым) и лъабжьэпэ **мэ-, о-, э-** щыхъувэр, щапхьэ: *КъанкIуэщым и кIэныр къокI. Граждан хьэуа флотым и летчикхэр ирагъаджэу Батайск дэт школым и комиссэр техникумым къокIуэ...* [КхьуэIуфэ 2000: 345]; *Псыр мэдий, мэщт, цIыIэр ноль хъумэ.*

Зэралуатэ псалъэухам и гъээщлэным щылэныгъэ кыгъэлыагъуэу поуэу лъабжьэужь **-къэ**: *Абы сыкыкыжрэ сыкъэсыжмэ, сиыхэр лэхуэ башымкIэ Болэт кърехуэкI. Мис итIанэ сызгуэпынтэкъэ, сиыхэр жэмхэм къахэсхужынтэкъэ, Болэтыжъыр цIопцI наклэлакIэ сицIынтэкъэ!..* [Къашыргъэ 1957: 200]. Мыпхуэдэ псалъэухахэм хэт **-къэ** лъабжьэужьым упщлэныгъэ хэлъыжкыым, атIэ зэралуатэ, щылэныгъэ мыхъэнэ илэу мэхуэ. Абы кышынэмыщлауэ, а морфемэм псалъэухам кышыхуэкIэ, зыхэщлэныгъэ щхъэхуэ хелъхъэ: *Нартхэ Сосрыкыуэ си псалъыхуэкъэ, Бэрэ кысылыхуаами, сыхуэмейкъэ!* [Адыгэ луэрылуатэ 1999: 115]; *ИтIанэ сыкъэкIуэнтэкъэ, си хъыджэбз дахэ. Адыгэбзэм куэдрэ ущрохъэлIэ зэрыупщIэ псалъэухахэм зэралуатэ мыхъэнэ ялэ хуауэ. Апхуэдэ псалъэухахэм хэт зэрыупщIэ псалъэхэм упщIэ яхэлъыжкыым: (Инал:) – НэгъуэщI Iэмал цыщымылэкIэ, сымтIэ. ДахэкIэ узыгурымылуэ дапцэ цылэ. Тхыль пхуемыджэмэ, жепIэр имыдэмэ, къанэр зыц – залымыгъэкIэ ебгъэджэни, бгъэшыныни...* [Кышчокъуэ 1984: 532]; *Ауэ сэ апхуэдэ луэху сыхыхъэну зыми хуитыныгъэ кызытакыым* [Къашыргъэ 1957: 289]; *Дапцэрэ (Уэнджырокъуэ) епсэлэ, дапцэрэ еуция, итIанэми кыкIа цылэкъым* [МафIэдз 1992: 23].

ЗэрыупщIэ псалъэухахэм лъабжьэужь **-къэ**-р куэдрэ кышцагъэсэбэп, щымылэныгъэ зыхэлъым щыщIэупщIэкIэ: *Уэ нобэ укIуэркъэ еджапIэм? Абы кыыхэкIы, гъээщлэным лъабжьэпэ -мы хэтмэ, -къэ-м и пIэкIэ лъабжьэужь -рэ пагъэуэ хабзэщ: НэгъуэщIыр кыидмыдээрэ е апхуэдэм дымилъыхуээрэ, дыхуэмейрэ?* [Къэрмокъуэ 2004: 26]. Егъапщэ: *кыиддзэкъэ?, дылъыхуэуэкъэ?, дыхуейкъэ?* (мыбдеж **-къэ**-р жэуап хуейщ).

Щымылэныгъэм и лъабжьэпэ **мы**-ри къегъэсэбэп зэрыупщIэ псалъэухам: *(Хъэмид хъэжым жрилуэ:) – Хъэжыгъэ нут закъуэкIэ мэкъу дестынэ пыдоупщIри зыцIыдокуэуж, гуцIэгъу тIэкIу цхъэ кыитхууымыщIрэ?* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 395]; *Цыхур яхурикъуркымы бэлыхъ ятелъы, абы умыкIуэу ядээрэ?* [ШэджыхъэщIэ 1987: 41].

Щапхъэхэм зэрыщылъагъуши, щылэныгъэ псалъэухахэмрэ щымылэныгъэ псалъэухахэмрэ я мыхъэнэкIэ зэпэщIэуэу щытщ: *цылэ – щымылэ, ей – имей, лэжыгыгъэ зыхэлъ – лэжыгыгъэ зыхэмылэ*. Апхуэдэ псалъэухахэр икIи зэпахщ, сыт щхъэкIэ жыпIэмэ цыхум зыгуэр (щхъэ, предмет, лэжыгыгъэ, нэщэнэ, къэхуыкъащIэ) зэрыщымылэр кызырилуатэмкIэ щыхъэт тохуэу абы пэщIэуэр – щылэныгъэр – зэрыщылэ.

Зэрынэрылъагъуши, щылэныгъэ зыхэлъ псалъэухахэмрэ щымылэныгъэ зыхэлъ псалъэухахэмрэ быдэу епхаш гъээщлэным. Псалъэухам хэт гъээщлэным и гъэпсыкIэмкIэ (формэмкIэ) щылэныгъэмрэ щымылэныгъэмрэ къэгъэлъэгъуа щохуэ. Гу лъытэн хуейщ псалъэухам хэлъ щымылэныгъэр лIэужыгъуитIу кызырыкIуэм. Псалъэухам и щымылэныгъэр абы и гъээщлэным хэлъу щытмэ, апхуэдэхэм щымылэныгъэ дыдэ псалъэухакIэ уеджэ хъунуш. Псалъэм папщIэ, *Беслээн нобэ еджапIэм къэкIуакыым*. Мы псалъэухам зи гугъу щыщIамрэ (*Беслээн*) абы теухуауэ щыжыIамрэ (*къэкIуакыым*) зыкIи зэпахкыым, псалъэухам щымылэныгъэр нэсу кышчыгъэлъэгъуаш, псалъэухам зэрыщыту щымылэныгъэ мыхъэнэ хэлъщ. Ауэ псалъэухам щымылэныгъэр гъээщлэным нэмыщI псалъэухам и нэгъуэщI пкыгыуэ гуэркIэ къэгъэлъэгъуауэ кышчыкIуэ щылэщ. Псалъэм папщIэ, *Беслээнкыым нобэ еджапIэм къэкIуар, Беслээн нобэкыым еджапIэм кышчыкIуар, Беслээн нобэ еджапIэкыым кыыздэкIуар*. Мыпхуэдэ псалъэухахэм, зэрыщыту къапщтэмэ, я мыхъэнэкIэ щылэныгъэ къагъэлыагъуэ, щымылэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ Iыхъэ хэт пэтми (*Беслээнкыым, нобэкыым, еджапIэкыым*). Мыпхуэдэхэр щымылэныгъэ иримыкыу псалъэухахэщ.

Щылэныгъэ псалъэухахэмрэ щымылэныгъэ псалъэухахэмрэ нэхъ тыншу зэхэгъэкIа щохуэ зэралуатэ псалъэухам деж. ЗэрыупщIэ, хуэгъуш псалъэухахэм щымылэныгъэр кышчыгъуэтынынэхъ гугъуш. Апхуэдэхэр кызырыкIуэ щыкIэкIэ зэхэгъэкI: щымылэныгъэ хэлъмэ, щымылэныгъэ псалъэухауэ ябж, щымылэныгъэ хэмылъмэ – щылэныгъэ псалъэухащ. Ауэ апхуэдэ щыкIэкIэ *щылэныгъэ* –

щымыІэныгъэр псалъэухам щыпхузэхэмыгъэкІ щыІэш. Псалъэм папщІэ, *ЩІалэр къэкІуа? Тхылъ къэпцэхуа? Нышэдибэ уиша?* зэрыупщІэ псалъэухахэм щыІэныгъэ е щымыІэныгъэ къагъэлыагъуэркъым, апхуэдэ псалъэухахэм упщІэ «дыдэ» яхэлъу аращ. Ахэр жэуапү щыІэныгъэ е щымыІэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ псалъэ хуэныкъуэш: *ЩІалэр къэкІуа? НмІэ. Хъуэ.* Аращи, зэрыупщІэ псалъэухахэм щыІэныгъи щымыІэныгъи яхэмылъу къыщыкІуэ щыІэш.

Источники и литература

1. *Адыгэ псалъэжэхэр*. ЕтІуанэ тхылъ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапІэ, 1967. 251 н. (Кабардинские пословицы и поговорки. Кн. II. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1967. 251 с.).
2. Адыгэ Іуэрыуатэ. Налшык: Эльбрус, 1999. 400 н. (Адыгское устное народное творчество. Нальчик: Эльбрус, 1999. 400 с.).
3. *Воперский В.П.* и др. Современный русский язык. Ч. 2. Синтаксис: Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
4. *Дыгъужь Къу.* ЩІымахуэ лэгъупыкъу. Япэ тхылъ. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхылъ тедзапІэ, 2011. 176 н. (*Дугужев Къ.* Зимняя радуга. Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское кн. изд-во, 2011. 176 с.).
5. *Жилетежев Х.Ч.* Специфика собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 113 с.
6. *Калинина А.А.* Категория утверждения/отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2012. 42 с.
7. *Камбачоков А.М.* Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эль-фа, 1997. 236 с.
8. *Коков Дж.Н.* Избранные труды: В 2-х т. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2000. 488 с.
9. *КІыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхъэсауэ. Т. II. Нальшык: Эльбрус, 1984. 856 н. (*Кешоков А.* Собрание сочинений в 4-х т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1984. 856 с.).
10. *КІыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Т. I. Нальшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (*Кешоков А.* Собрание сочинений в 6-ти т. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2004. 512 с.).
11. *КІуащ Б.* Тхыгъэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапІэ, 1958. 416 с. (*Кіуашев Б.* Собрание сочинений в 2-х т. Т. I. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1958. 416 с.).
12. *Къашыргъэ Хь.* Насыпым и хэкІыпІэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапІэ, 1957. 309 н. (*Каширгов Х.* Источник счастья. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).
13. *Къэрмокъуэ М.* Азэмэт: роман. Налшык: Эльбрус, 1984. 392 н. (*Кармоков М.* Азамат: роман. Нальчик: Эльбрус, 1984. 392 с.).
14. *Къэрмокъуэ М.* Щихухэр иджыри мэкІ. Ещанэ тхылъ. Налшык: Эль-фа, 2004. 320 н. (*Кармоков М.* А тополя еще растут. Т. 3. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 320 с.).
15. *КхъуэІуфэ Хь.* Гъатхэм и ныбжьыр. Рассказхэр, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н. (*Кауфов Х.* Возраст весны: Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2000. 480 с.).
16. *МафІэдз С.* Гъыбзэ хуэфашэт: роман. Налшык: Эльбрус, 1992. 448 н. (*Мафедзев С.* Достойны печальной песни: роман. Нальчик: Эльбрус, 1992. 448 с.).
17. *Нало А.* Тхыгъэхэр. Хъыбархэмрэ повестхэмрэ. Т. I. Нальшык: Эльбрус, 1993. 464 н. (*Налоев А.* Избранные произведения в 3 т. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1993. 464 с.).
18. *Нало З.* Адыгэ псалъэгъэпсхэр. Налшык: Эльбрус, 2008. 240 н. (*Налоев З.* Адыгская паремиология. Нальчик: Эльбрус, 2008. 240 с.).
19. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х т. Т. 3. Ч. II. М.: Советский композитор, 1990. 487 с.
20. Нартхэр. Налшык: Эль-Фа, Ашэмэз, 1995. 558 н. (Нарты. Изд. 2-е, доп. Нальчик: Эль-Фа, Ашамаз, 1995. 558 с.).
21. Нарты. Адыгский эпос. Т. I. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 423 с.
22. *ПащІэ Б.* Усыгъэхэр. Нальчик: Эльбрус, 2003. 376 н. (*Пачев Б.* Сочинения: Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2003. 376 с.).
23. *ССЛГ* – Словарь-справочник лингвистических терминов; *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Учеб. пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

24. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 215 н. (*Урусов Х.Ш.* Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. Нальчик: Эльбрус, 1994. 215 с.).
25. *Шэджыхьэццэ Хь.* Тхыгъэхэр. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1994. 432 н. (*Шекихачев Х.* Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1994. 432 с.).
26. *Шэджыхьэццэ Хь.* Тэрч щыхьэтц. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н. (*Шекихачев Х.* Терек свидетель. Нальчик: Эльбрус, 1987. 392 с.).
27. *Шериева Н.Г.* Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 94 с.
28. *Шоджэныцкы I.* Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н. (*Шогенцуков А.А.* Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 432 с.).
29. *Шоджэныцкы I.* «Анэ» (рассказ) // *Йуащхьэмахуэ* 2011 № 5. Н. 76-83 (*Шогенцуков А.О.* «Мать» (рассказ) // Журнал «Эльбрус» 2011. № 5. С. 76–83.).
30. *Шоджэныцкы I.* Тхыгъэхэр томищым щызэхуэхьэсауэ. III т. Налшык: Эльбрус, 1989. 462 н. (*Шогенцуков А.О.* Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. Нальчик: Эльбрус, 1989. 462 с.).

УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Жилетежев Хажисмель Чилияниевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), hazismel@mail.ru

Утвердительные и отрицательные предложения не до конца исследованы в кабардино-черкесском языке. Имеющиеся малочисленные работы по данной проблеме написаны на русском языке, поэтому в кабардино-черкесском языке вовсе отсутствуют труды по определению и принципам классификации утвердительных и отрицательных предложений на кабардино-черкесском языке. Восполняя этот пробел, автор обращает внимание и на то, что для выражения данной категории используются не только грамматические средства. Этой цели добиваются с помощью различных конструкций предложения и отдельных слов, которые произносятся с определенной интонацией. Освещению названных проблем посвящена данная работа.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, утвердительные предложения, отрицательные предложения, конструкции предложения, префикс, суффикс.

AFFIRMATIVE AND NEGATIVE SENTENCES IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zhiletezhov Hazhismel Chilyanievich, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), hazismel@mail.ru

Affirmative and negative sentences are not fully investigated in the Kabardino-Circassian Language. The available two or three studies on this problem are written in Russian, so there is no work in Kabardino-Circassian on the definition and principles of classification of affirmative and negative sentences in Kabardino-Circassian. Filling this gap, the author draws attention to the fact that not only grammatical means are used to express this category. This goal is achieved with the help of various sentence structures and individual words that are pronounced with a certain intonation. This work is devoted to the coverage of these problems.

Keywords: Kabardino-Circassian Language, affirmative sentences, negative sentences, sentence constructions, prefix, suffix.

КЪЫЗЭРЫКІУЭ КЪЫТЕКІА КЪЭХЪУКІЭЦІЭХЭР АДЫГЭБЗЭМ ЗЭРЫХЭТЫР

Токмакь Мадина Хьэсэнбий ипхьу, филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхуищІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ и лэжыакІуэ нэхъыжъ, tokmak_madina_h@mail.ru

Мы лэжыгъэр зытеухуар къэхьукІэцІэхэрщ, ахэр адыгэбзэм зэрыхэт хабзэрщ, къызэрыхьу щІыкІэхэрщ. КъэхьукІэцІэхэм я гугъу шыбгъуэтынууц адыгэбзэр зэрадж тхылъхэм, ауэ нэхъ кууэ ахэр къыщыгъэлыагъуащ Адыгэбзэ грамматикэм, 2006 гъэм къыдэкІам. Андрей бзэхэм яхуэмыдэу, нобэ къыздэсым адыгэбзэм диІэкъым ди бзэкІэ тха грамматикэ. Абы нэмышІ, урысыбзэ фІэщыгъэ куэд зэдмьдзэкІу адыгэбзэм къыщыдогъэсэбп. Мы лэжыгъэм къызэрыкІуэ къытекІа къэхьукІэцІэхэр Адыгэбзэ грамматикэм (2006) зэритым хуэдэу ди бзэкІэ шызэдодзэкІ, фІэщыгъэцІэхэр хэдгъэхьуэрэ. Щапхъэ къэдгъэсэбпхэр ди тхакІуэ цІэрыуэхэм я тхыгъэ зыбжанэхэм къыхэтхауэ аращ. Морфологие и лъэныкъуэкІэ къызэрыкІуэ къэхьукІэцІэхэр къэхьукІэцІэ лІэужыгъуэхэм ящыц зыщы, абыхэм адыгэбзэм зы гупышхуэ къызэрыщагъэхьум и гугъу шыдоуц мы лэжыгъэм. КъэхьукІэцІэхэр псалъэ лъэпкъыгъуэ зэмылІэужыгъуэхэм къазэрытехьукІым дытопсэлъыхь, инэхьыбэм зи гугъу тщІы къэхьукІэцІэхэр шытыкІэгъэлыагъуэ плыфэцІэхэм къатокІ. Абы нэмышІ, цІэпапщІэхэм, шыІэцІэхэм, бжыгъэцІэхэм, лэжыгъэцІэ гъэпсыкІэхэм, къэхьукІэцІэ къытемыщІыкІахэм къызэрыкІуэ къэхьукІэцІэ зыкъом къазэрытехьукІыфыр къыдогъэлыагъуэ. ЛІэужыгъуэ къэс езым и къэхьукІэ зэриІэр къыхыдогъэщ лэжыгъэм, къызытекІа псалъэ лъэпкъыгъуэхэм мыхъэнэкІи, псалъэухам хэт псалъэхэм я хушытыкІэкІи къыщхъэщыкІуэ. КъызэрыкІуэ къытекІа къэхьукІэцІэхэм я къэхьукІэм лъабжъужьхэм мыхъэнэшхуэ зэрыщалэм дытопсэлъыхь, ар щапхъэхэм къыщыдогъэлыагъуэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: къэхьукІэцІэ, къызэрыкІуэ къытекІа, лъабжыгъуэсэ, зыгъэнаІуэ къэхьукІэцІэ, зэрыхьу къэхьукІэцІэ, шытыкІэгъэлыагъуэ плыфэцІэ, лэжыгъэцІэтекІ къэхьукІэцІэ.

КъэхьукІэцІэхэр – зэхьуэкІа мыхьу псалъэ лъэпкъыгъуэщ, Іуэхугъуэр къызэрыхьу щІыкІэр, къыщыхьу зэман, щІыплэ, мардэ сытхэр къыгъэлыагъуэу. Я морфологие зэхэлъыкІэкІэ адыгэбзэ къэхьукІэцІэхэр ягуэш гъэпсыкІэншэрэ къытекІауэ. КъэхьукІэцІэ къытекІахэр я зэхэлъыкІэкІэ языхэри зэтопщІыкІ къызэрыкІуэрэ псалъэпкъ зэхыхъуэрэ къэхьуауэ. Мы лэжыгъэм къызэрыкІуэ къэхьукІэцІэхэм я гугъу шытщІыну, ахэр псалъэ лъэпкъыгъуэ куэдым къазэрытекІыр къэдгъэлыагъуэну, абыхэм я щхъэхуэныгъэхэр къыхэдгъэщыну ди мурадщ.

Школхэм, еджапІэ нэхьыщхъэхэм адыгэбзэр зэрыщадж тхылъхэм зыгуэрхэр шыбгъуэтынууц къэхьукІэцІэхэм теухуауэ [Джаурджий, Дзасэжъ 1995; Дзасэжъ 1964; Урыс 2001]. Ауэ лъэныкъуэ псомкІи ахэр нэхъ къэгъэлыагъуэа шыхьуар 2006 гъэм ІыхьитІ хьууэ къыдэкІа Адыгэбзэ грамматикэрщ [Кабардино-черкесский язык 2006]. Абы къыщызэщІэкъуэжаш адыгэбзэ къэхьукІэцІэхэм теухуауэ шыІэ къэхьутэныгъэ нэхьыщхъэхэр, ауэ ар урысыбзэкІэш зэрытхар. Абы къищынэмышІауэ, а грамматикэми, еджапІэм адыгэбзэ зэрыщадж тхылъхэми инэхьыбэм урыс фІэщыгъэхэр къышагъэсэбп. Иджырей зэманым Іэмал имыІэу Адыгэбзэ грамматикэр адыгэбзэкІэ тхауэ диІэн хуейщ, фІэщыгъэхэри урысыбзэу шымыту, адыгэбзэкІэ къэгъэщІыпхъэщ. А къалэнхэр гъэзэщІэным иджы и ужь

ихъаш адыгэбзэ секторым и лэжыакIуэхэр. Мы фи пашхъэм итлхъэ лэжыгъэр иджырей бзэхабзэм и зы Iыхъэу хэувэнуш. Абы кышыгъэсэбэпаш филологие шIэныгъэхэмкIэ доктор БишIо Б. игъэхъэзыра фIэшыгъэщIэхэр, ахэр мыгувэу кыдэкIыну БзэщIэныгъэ фIэшыгъэхэм я адыгэ-урыс псалъалъэм.

КъызэрыкIуэ къэхъукIэцIэхэр псалъэ лъэпкъыгъуэ зэмылIэужыгъуэхэм и къызэрыкIуэ псалъэпкъхэм къатекIахэщ, инэхъыбэм лъабжыгъусэ япыувэрэ. Нэхъыбэ дыдэу къэхъукIэцIэхэр шытыкIэгъэлыагъуэ плыфэцIэхэм къатокI, лъабжыужь у-//уэ- къапыувэрэ: *дахэ – дахэ-у, псыницIэ – псыницIэ-у, фIы – фIы-уэ, жьы – жьы-уэ*, н.къ. Щапхъэ: *Дэфэрэдэж къэным кърагъэщэту и жьэм жьэдэкуа чэтэн тIэкIур къыжъэдахыжати, тыншу бауэ цыхъум, насыпышхуэу къыфIэщIыжат* [Кышчокъуэ 2006: 31]. *Къазбэч жьыгуэ къэтэдэжри и жьакIэ Iувыр гугъу деху иупсаи, и цхъэц фIыцIэ шэрэзари ижъаи* [Щомахуэ 1970: 7]. ШытыкIэгъэлыагъуэ плыфэцIэ псоми къэхъукIэцIэ у-//уэ-кIэ къагъэхъуркъым, псалъэм папщIэ: *цыхум и узыншагъэм и шыщIэныгъэ зыхъужыр къазыIуатэ плыфэцIэхэм (нэф, дэгу, назэ, цIакъуэ с.ху.); плыфэ зэмылIэужыгъуэхэм (пIыжъ, фIыцIэ, гъуэжъ, цхъуэс.ху.), псэушхъэхэм я плыфэр къэзыгъэлыагъуэхэм (пIцIэгъуалэ, пIцIэгъуэлъ, джэмыдэ, къарэ с.ху.).*

Иджырей адыгэбзэм ушрохъэлэ къэхъукIэцIэ къызытекIар плыфэцIэу къамыгъэсэбэпыжу. Псалъэм папщIэ, япэм плыфэцIэу шыта *цIэх-ыр*, иджы къэхъукIэцIэу ябж, у- пытми пымытми (*цIэху*): *Сыту цIэх птха сочиненэр. Машинэ гуэр кIэщIу къыткIэлъыкIуэрти «ЩIэху, доунэху, а машинэр къыткIэлъыпхъэрауэ араи», – жиIэри хъыджэбзри къыфIэмыIуэхужу, шым яхъуэи, яхъуэри гъуэгу дидзыхаи* [ЩоджэнцIыкIуэ 1989: 86]. Абы хуэмыдэу жьыжъэу къызытекIа псалъэпкъыр – *жыжъэ* (у-пымыту) плыфэцIэуи къэхъукIэцIэуи къагъэсэбэп: *Мэзыр жьыжъэу къэлъэгъуаи. Мухъэмэд жьыжъэ* (къэхъукIэцIэ) *щопсэу. ХъэцIэр цIыплэ жьыжъэ* (пIыфэцIэ) *къикIаи.*

ШытыкIэ къызэрыкI къэхъукIэцIэ у-//уэ-кIэ иуххэм лъабжыгъусэ –*рэ* «зэманым и кIыхъагъ», «къытегъэзэжыныгъэ» мыхъэнэ иIэу пагъэуэ хабзэщ. Псалъэм папщIэ: *Абы (Гъуэгъул) хуэмурэ пIлантIэр къызэхикIухъырт, икIуэ зэрыгушхуэ, и напIэм телъ и Iэц тIэкIури къызэпIлъыхъырт* [Журт 2004: 147]. *Наусбий хъарбыз цхъуантIэр къыхуцIэхри (Бабо) Iэнэм телъу хуеупIлатэри, мащIэурэ Iурелхъэ, мэрзейм цыщ къытичурэ ирегъэдзакъэ, итIанэ езыр цIакхъуэ зтеупIэцIыкIым мэлэбэ...* [Нало 3. 2012: 333].

Лъабжыужь у-//уэ- зыхэт къытекIа къэхъукIэцIэхэм я хабзэщ я псалъэпкъым тIэу къытригъазэу (абы хэбжэркъым къэхъукIэцIэ *фIыуэ, лъэсу, шууэ с.ху.*). Апхуэдэм у-//уэ-р етIуанэ Iыхъэм къыпоувэ: *псыницIэ-псыницIэу, IэфI-ИэфIу, мащIэ-мащIэу, цIэх-цIэху, н.къ.* Псалъэм папщIэ: *Хъыджэбз цIыкIур къызэфIэтIысхъэи, и нэм тIэкIу цIэлэуэтыхъри цхъэхъынэ-цхъэхъынэу къеуэвэхэи* [Мыз 1992: 60]. ЯзыныкIуэхэм деж зи гугъу тщIы къэхъукIэцIэм и мыхъэнэм тIэкIу зехъуж, нэхъ убгъуа мэху. Зэвгъапщэ: *Сыт уцIэпIаицIэр, Софият, пасэи иджыри. Зыгъэхъэзыр дахэ-даху* [ЩоджэнцIыкIуэ 1989: 7]. *Дахэу, IэкIуэлъакуэу зэкIуэцIыгъа писъмор кыдех* [Шортэн 1954: 10].

ЗыгъэнаIуэ къэхъукIэцIэхэр лъабжыужь –*кIэ-кIэ* шытыкIэгъэлыагъуэ плыфэцIэхэм я псалъэпкъым къытокI (адыгэбзэм абы узэрышхуэзэр нэхъ мащIэ дыдэурэщ): *дахэ – дахэкIэ, фIы – фIыкIэ, Iей – IейкIэ с.ху.* Щапхъэ: *Цыхум ягу фIыкIэ укъэкIыжмэ, умылIа хуэдэи...* [Журт 2004: 148]. Мы гупым хохъэ шытыкIэгъэлыагъуэ плыфэцIэм къытекIа къэхъукIэцIэ *кIэцIкIэ* жыхуиIэр. Ауэ, адреихэм емыщху, абы псалъэхам лэжыгъэцIэм ехъэлауэ е Iуэхугъуэм и къэхъукIэ, е Iуэхугъуэр къышхъу зэманыр къышегъэлыгъуэф. Зэвгъапщэ: *Абы (КъанцIыкIу) и ужьым кIэцIкIэ иту лыхъэри докIуатэ* [Шортэн 1954: 126]. *Я телефон псалъмакъым кIэцIкIэ и ужь иту Алихъан радиокомитетым кIуаи* [Къэрмокъуэ 2004: 118]. Япэ псалъэхам *кIэцIкIэ* къэхъукIэцIэм «пэмыжыжъэу» и мыхъэнэщ, упщIэу *дауэ?* хуэбгъэуэ хъунуш – *куэд ямызэхуакуу.* ЕтIуанэ

псалъэухам *кIэцIкIэ* къэхъукIэцIэм «псынщIэу» мыхьэнэ щегъуэт, упщIэу *дапцэцI*? хуэбгъэу хъунуш – *телефон псалъэмакъыр цуха нэужь занцIэу*.

ЕхьэлIа плыфэцIэхэм лъабжьэужь –*кIэ-мкIэ* зэрыхуэ къэхъукIэцIэхэр къагъэху: *ипцэ – ипцэкIэ, ицхьэрэ – ицхьэрэкIэ, япэ – япэкIэ, иужь – иужькIэ* с.ху. Псалъэм папщIэ: *Къэхъуа-къэцIа* къомым *иужькIэ* Тембот и цхьэр здыхьыну *ицIэртэкъым, жэмым и ужь уитынуци, – яихац, кIыцым укIуэ хуэжыркъым, ныбжьэгъу закъуэри апхуэдэцI* [Кышчокъуэ 1984: 296]. КъэхъукIэцIэ лъабжьэужь –*кIэ-кIэ* иуххэм зэгъэпщэныгъэ марди, псалъэпкъыр къытегъази ялэкъым.

Гуп щхьэхуэу щытщI щытыкIэ къэзыгъэлагъуэ плыфэцIэхэм къатекIа къэхъукIэцIэхэр, лъабжьэужь –*кIэкIэ* жыхуиIэм къыгъэхуэхэр. Апхуэдэ псалъэхэр а къызытекIа плыфэцIэхэм и гъусэу къагъэсэбэп (*дахэкIэкIэ дахэцI, псынцIэкIэкIэ псынцIэцI, хуабжьыкIэкIэ хуабжьыцI* с.ху.), е а псалъэпкъ дьдэ зилэ къэхъукIэцIэхэм –*у//уэ* иухуи и гъусэу къагъэсэбэп (*ДахэкIэкIэ дахэу матхэ Мухьэмэд*). Пум щыгъуи къэхъукIэцIэ –*кIэкIэ-мкIэ* иухым щытыкIэм и мыхьэнэр нэхъ щIегъэхуабжьэ.

Иджырей адыгэбзэм и къэхъукIэцIэ куэд цIэпапщIэхэм къатекIаш. Псалъэм папщIэ: *Ауэ хуэмурэ пхъэ псыфри мэгъуш, мэгъу, мафIэу къызецилонэ, и бзийр хьэжунэ техамкIэ* къопхукI, *моуэ* зричу *цIэпхьуэн фIэкIа умыщIэну* «дыргу-дыргу-дыргу» *жиIэу блынхэр егъэхьей* [Мэзыхьэ 2008: 14]. ЦIэпапщIэм къытекIа къэхъукIэцIэхэр зэрызэхэт Iыхьэхэр тыншу зэхэбгъэкIыфынуш. Псалъэм папщIэ: цIэпапщIэ *мы-м* лъабжьэужь –*дэ* поувэри къэхъукIэцIэ *мьдэ* къегъэху; цIэпапщIэ *сыт-ым* лъабжьэужь –*у* поувэри къэхъукIэцIэ *сыту* къегъэху; цIэпапщIэ *дапцэ-м* лъабжьэужь –*рэ* поувэри къэхъукIэцIэ *дапцэрэ* къегъэху, н.кь.

Зыбжанэ, Iэджэ, зыкъом мыбелджылы цIэпапщIэхэм лъабжьэужь –*кIэ, -рэ* япыувэрэ къэхъукIэцIэ зы гуп къагъэху. Псалъэм папщIэ: *Унагъуэр а тIум я лIэныгъэм IэджэкIэ* нэхъ гъунэгъу зэхуицIат [Журт 2004: 16]. *Балий жыг цIагъым цIэт* кхъэлэгъунэм бгъэдыхьэцI, (*Алий*) и *ныIэр цхьэрихри зыри жимылэу зыкъомрэ* бгъэдэтацI [Шортэн 1957а: 292]. КъытекIа къэхъукIэцIэхэу дэрынишэу, сэрынишэу, фэрынишэу, арынишэу с.ху. щхьэ цIэпапщIэ *дэ, сэ, фэ, ар-* хэм къатекIаш, псалъэщI лъабжьэужь –*ниэ-рэ* –*у//уэ-рэ* япыувэрэ. КъызытекI псалъэпкъ *дэрынишэ, сэрынишэ* сыт хуэдэхэр къэхъукIэцIэ хьуркъым лъабжьэужь –*у//уэ-хэр* пымыту щытмэ, апхуэдабзэу щхьэ цIэпапщIэхэм –*ниэ-р* ямыгъусэу лъабжьэужь –*у//уэ-кIэ* къэхъукIэцIэ къэгъэхьуркъым. Псалъэм папщIэ: *Къаирбэч къэкIуакъым, ар дэрынишэуи* хьэзыриц, *ауэ ари хуейцI адрейр зыхуейм, абыи зыгуэр етын хуейцI* [Нало А. 1990: 169].

КъэхъукIэцIэ апхуэдэу, *мыпхуэдэу, мыпхуэдицу* сыт хуэдэхэр апхуэдэ, *мыпхуэдэ, мыпхуэдиц* цIэпапщIэхэм къатекIаш, лъабжьэужь –*у* япыувэкIэрэ. Псалъэм папщIэ: – *Щхьэкъэлэт уимылэу мыпхуэдицу* узэлэжьыр *сыт, шынэхьыцIэ?* – *жиIэу Хьэбалэ гуэцым цыцIыхьэм, ГъуэгулI къэуIэбжьэацI* [Журт 2004: 209]. А зи гугъу тцIа псалъэхэм псалъэщI зэхэтыкIэкIэ ещхьцI *аргуэрэу* къэхъукIэцIэр. Ар къагъэхуэ цIэпапщIэхэм *а, гуэр* лъабжьэужь –*у* пыувэрэ. Псалъэм папщIэ: *Лацэ аргуэрэу* и нэхэр *цыункIыфыкIри* и *IэблитIыр, псэ хэтыжэу умыщIэу, гъуэлгьыпIэм къехуэхацI* [ШэджихьэцIэ 1984: 120].

Апхуэдэу, мыпхуэдэу, монхуэдэу къэхъукIэцIэхэм псалъэзэпыщIэ лъабжьэгъусэ –*рэ* япыувэнкIэри мэху. Абдеж а къэхъукIэцIэхэм «зэманым и кIыхьагъ», «Iуэхугъуэм и къытегъээзжыныгъэ» мыхьэнэхэр щыгъуа мэху. Псалъэм папщIэ: *Апхуэдэурэ* зыкъомыфIрэ *зэдэпсэуауэ, зы махуэ гуэрым къэхъуну псори къэхъуацI* [Шортэн 1985: 45]. *Уз хьэлэр къелэ пэтми, Кушмэз гушыIэрт: «Мы Азэмэт мыпхуэдэурэ* джэдыкIэкIэ *сигъаишэмэ, адакъэм хуэдэу сылуэнкIэ хъунуш», – жиIэу цIэупцIакIуэхэр игъэдыхьэишхьырт* [Къэрмокъуэ 2004: 357]. Лъабжьэгъусэ –*кIэ-кIэ* зыгъэлагъуэ цIэпапщIэхэу апхуэдиц, *монхуэдиц, мыпхуэдиц* жыхуиIэхэм къатокI къэхъукIэцIэхэу апхуэдицкIэ, *монхуэдицкIэ, мыпхуэдицкIэ*. Щапхьэ: *Гужь цIыкIур апхуэдицкIэ* хьэлэци *зэцIоскъыскъэ, мэкIыргъ, шьидми зишэцIауэ псэуэ хэтымкIэ йолэ, адэ-мьдэкIэ ецIэу* [Шортэн 1957б: 347].

Адыгэбзэм къэхьукIэцIэ куэд иIэщ шыIэцIэхэм Iэмал (щIыкIэ) зэмылIэужьыгъуэкIэ къатехьукIахэу: а) лъабжьэгъусэ –м пыувзурэ зыхьуэж псалъэзешэ гъэпсыкIэм къытекIауэ (*гъатхэм, гъэмахуэм, махуэм, ицIэджыжыбьым* с.ху.); б) лъабжьэгъусэ –кIэ пыувзурэ зыунэтI псалъэзешэ гъэпсыкIэм къытекIауэ (*ицIэкIэ, ицхьэрэкIэ, жэцIкIэ, ицыхьэцхьэкIэ* с.ху.); в) лъабжьэгъусэ –у пыувзурэ зэрыхьу псалъэзешэ гъэпсыкIэм къытекIауэ (*лъэсу, шууэ, хьэмбыIуу, кIэсу* с.ху.).

КъэхьукIэцIэхэр къызытекIа шыIэцIэхэм къащхьэщокI мыхьэнэкIи, грамматикэ категорэкIи. КъэхьукIэцIэхэм, зэхьуэкIа зэрымышьум къыхэкIыу, псалъэзешэкIи бжыгъэкIи захьуэжыркъым, шыIэцIэхэм хуэдэу. Абы нэмышIкIэ, шыIэцIэхэм ешхьу къэхьукIэцIэхэм гъэнэхуакIуэ псалъэ я гъусэ хабзэкъым. ШыIэцIэхэм псалъэзешэ кIэухьу шыщытахэр къэхьукIэцIэхэм и лъабжьэужь щохьу; еигъэ цIэпапщIэ шыIэцIэм пыту къакIуэхэр къэхьукIэцIэм псалъэщI лъабжьэпэм шыхуокIуэ. Псалъэм папщIэ: *Шу гъунышхуэм япэ ит иууищым сэмэгумкIэ ицытыр ицы Астгэнджэрийиц, ижыбьмкIэ – Шех-Али-хъаниц, яку дэтыр Даут-Бейиц* [Шортэн 1954: 181]. *Зы цхьэгъубжэ IупIэр хуэцIат, адрейр дамэдазэу Iухат* [ЩоджэнцIыкIу 1989: 113]. *ИгъащIэкIэ* зыхуэмея, егъунысын къудейуэ зыщыицтэ етIуанэ лIыр иджы IэфI къыицацIат и махуэ дыджэ блэкIахэм [Къэрмокъуэ 2004: 111].

КъэхьукIэцIэ лъабжьэгъусэ –м-кIэ иуххэр къатохьукI гъэм и лъэхьэнэ, жэщ-махуэм и зэман къыхэхэа къэзыгъэлыагъуэ шыIэцIэхэм. Псалъэм папщIэ: *Дэ сьт ицыгъуи, махуэми, жэщми, гъэмахуэми, щIымахуэми ди лэжыбьгъэр къабзэу, ди Iуэхур цапхьэу дыщытыну и чэзуиц* [Къашыргъэ 1957: 168]. *ЩIалэр и лъапсэм итIысхьэжэ нэужь, Мацу и цхьэгъусэ МытIэ гъатхэм* кърита джэдкърт быныр хуэбэгъуат [Журт 2004: 152].

Зэрабж бжыгъэцIэхэм лъабжьэужь –э япыувзурэ зым къыщIэдзэуэ цэм нэс къэхьукIэцIэхэр къатохьукI: зы – зэ, тху – тхуэ, ицIы – ицIэ, н.къ. Щапхьэ: (Жэмал:) *Нэху ицыху, ицIэ сыкъэушауэ къыицIэкIыниц* [Хьэх 2008: 229]. (Инал:) *Иджыри зэ жызоIэри, езыр (сабийр) Iуиц дыдэиц, къыгурыIуэниц* [Журт 2004: 25]. Адрей къэхьукIэцIэхэм емышхьу, зэ къэхьукIэцIэм жьабзэм зэман хьэл щигъэзэщIэнкIэри мэхьу. Псалъэм папщIэ: (Мэжид Жамболэт жерIэ:) *Зэ мы ди Iуэхухэр я нIэ цувэжмэ, зэрагъэфIэжэ уэзгъэлыагъуниц сэ* [Мэлей 1995: 91]. Абы нэмышI, зэ къэхьукIэцIэр зэгъуэрым и зы Iыхьэу хохьэ: зэ (къэхьукIэцIэ) + гъэр (мыгъэнэхуа цIэпапщIэ) + -м (зыхьуэж псалъэзешэм и лъабжьэужь). Щапхьэ: *Пэжсу, трактор курсым и заведующым къыхуитхауэ, зэгъуэрым* зы тхыгъэ кIанэ къыхуагъэхьаиц [ЩоджэнцIыкIу 1989: 139].

БжыгъэцIэ зэхэлхэмрэ мелуан, мин, мелард с.ху. псалъэхэм лъабжьэужь –рэ япыувэмэ, къэхьукIэцIэхэр къагъэхьу: *ицыкIуэ – ицыкIузрэ, тIоуцI – тIоуцIрэ, мелуан – мелуанрэ, мин – минрэ*, н.къ. Щапхьэ: *Ежьахэм, хуейуэ цытатэмэ, тIоуцIрэ* къытрагъэзэжыфынут (бгырысхэм) [Шортэн 1975: 382]. Зэрабж мыгъэнэхуа бжыгъэцIэхэу куэд, *мацIэ, тIэкIу* жыхуиIэхэм лъабжьэужь –рэ япыувзурэ зыгъэналуэ къэхьукIэцIэхэр къагъэхьу «бжыгъэ», «Iуэхугъуэм и къытегъэзэжыныгъэ» мыхьэнэ яIуэ. Псалъэм папщIэ: *Бэрокъуэм набдзэгубдзаплъэу зэтиплъыхьырт цхьэц сырыху кIырыр IэпхуамбитхукIэ куэдрэ* дрижсьейурэ запискэм еджа *иIалэр*. [Теунэ 1967: 12]. *Кавказыиц куэдым Ермоловым хылагъэ кIэлъызэрахьэрт, ар мацIэрэ* къагъапцIэтэкъым [Шортэн 1954: 359].

Зэрабж мыгъэнэхуа бжыгъэцIэхэу куэд, *мацIэ, тIэкIу* с.ху. лъабжьэужь –кIэ япыувэмэ, къэхьукIэцIэхэм я мардэ къагъэхьу. Щапхьэхэр: *Кургъуокъуэ къыхуищIа цIэфIэиц джанэ пIыжыбьр, цIыкIу хуэхьуауэ, цыгът, и бынжэм тIэкIу кIэ фIэкI цхьэдэмышьыжэу, гъуэнишэджи цыгътэкъым, лъапцIэт, цхьэпцIэт* [Нало А. 1990: 314]. БжыгъэцIэ *мацIэ*-м лъабжьэужь –кIэ-кIэ къытекIа къэхьукIэцIэр инэхьыбэм зэрабж бжыгъэцIэ зы-м и гъусэу къагъэсэбэп: *зымацIэкIэ*. Псалъэм папщIэ: *Нэхьапэхэм Инал къыицыхьурт Фаризэт, зымацIэкIэ* нэхь мыхьуми, *адрей и шыпхьухэм и теплгэкIэ къаицхьэщыкIыу* [Журт 2004: 18]. А зи гугъу тIы бжыгъэцIэхэм (куэд, *мацIэ, тIэкIу* с.ху.) лъабжьэужь –у//уэ япыувзурэ

къэхъукIэцIэхэр къохъу. Псалъэм папщIэ: *Ауэ Зэчрей апхуэдэу диным хуэщхьэхынэ нэтми – езыр хуабжъу гурыхуэт, дерс къратым тIэу-цэ фIэкIа емыджэу куэдэу фIыуэ цыгуаэзэ хъут, бегъымбархэм я хылмы нэхъ куухуэ ялътэр гугъу демыхьыцэу къипхуэтэфт, хьэрэныбзэми нэхъ хуэшэрыуэт* [Шортэн 1954: 70]. БжыгъэцIэхэу тIуащIэ, щацилэ с.ху. лъабжьэужь – у//–уэ япыувэрэ тIуащIэу, щацилэу къэхъукIэцIэхэр къагъэхъу. Апхуэдэ къэхъукIэцIэхэр а къызытекIа бжыгъэцIэхэм ещхъу куэд хъуркъым, тху-хы-м нэс фIэкIа къагъэсэбпкъым. Псалъэм папщIэ: *Нани хъыджэбзэхэм тIуащIэу къаувыхьат «кхъылэ сэ сыздегъашэ», «кхъылэ сэ...» фIэкIа нэгъуэщI зэхуымыхыжу* [Къэрмокъуэ 2004: 101].

Адыгэбзэм къэхъукIэцIэхэр лэжыгъэцIэ гъэпсыкIэхэм къатехъукIауэ куэдэу хэтщ. Ахэр IуэхудэкIуэхэм къатокI лъабжьэужь – у//–уэ-кIэ иухуэ. Псалъэм папщIэ: *ЗэкIэлъыныту* апхуэдиз зманкIэ зэи шыбгым имыса цIалэцIэм гъэбэн ищIат, и лъакъуэхэр ерагъкIэ игъэбакъуэу арат, ибгери къеузырт [Журт 2004: 91]. IуэхудэкIуэхэмрэ абыхэм къатехъукIа къэхъукIэцIэхэмрэ куэдкIэ зэшхьщ: тIуми лъабжьэужь – у//–уэ ялэщ, тIури лэжыгъэцIэм пыщIаш. Ауэ IуэхудэкIуэм и мыхьэнэм «Iуэхугъуэ» хэтмэ, къэхъукIэцIэм Iуэхугъуэ къиIуатэркъым. Араш а тIур нэхъышхьэу зэрызэщхьэщыкIыр. КъызытехъукIам къышхьэщыкIыу, къэхъукIэцIэхэм зманкIи бжыгъэкIи захъуэжырккъым, щхьэ категорэ ялэккъым, лъабжьэпэхэри япыувэркъым. Зэвгъапщэ: *Сэ сыгувауэ сыкъэкIуэжаш. Сэ гувауэ сыкъэкIуэжаш. Япэ псалъэхам сыгувауэ – IуэхудэкIуэщ, лэжыгъэцIэм щхьэкIи, бжыгъэкIи епхауэ; къыкIэлъыкIуэ псалъэхам хэт гувауэ-р къэхъукIэцIэщ, зыкIи зимыхъуэжу, лэжыгъэцIэм егъэщIылIауэ щытщ.*

Языныкъуэ къэхъукIэцIэ лэжыгъэцIэтекIхэр лъабжьэужь – кIэ-кIэ къохъу: *жэкIэ, зэрымыщIэкIэ, н.къ. Щапхъэ: Бэтокъуэ и лъэр зэрымыщIэкIэ цIэцIэфтри* и лъакъуэр цIакIуэм тецIэнтхъукIати: – *ЩIакIуэм утемыкI, хуэмыху! – жьэхидзащ абы ныцы Аслъэнджэрий, хабзэмкIэ цIакIуэ кIапэм утекI хъунутэкъым* [Шортэн 1988: 309]. Абы нэмыщI, лэжыгъэцIэтекI къэхъукIэцIэхэм иджыри зы гуп къагъэхъу лъабжьэужь – кIэкIэ япыту. Ахэр къызытекIа лэжыгъэцIэхэм ящIыгъуу къагъэсэбп: *щысыкIэкIэ щысащ, лэжьэкIэкIэ лэжъащ, укIыкIэкIэ цукIащ, жэкIэкIэ жащ, н.къ. Псалъэм папщIэ: Щамел зыхуейр бдзацилэти, ар щимыгъуэтым, сымти, мытхылъымIэу, дыжъын-дыцэхэкIыу къалихащ сом мин цэ ныкъуэм цIигъу, дыжъын ахьшэ бжыкIэкIэ ябжу* [Шортэн 1988: 168].

Иджырей адыгэбзэм уащыхуозэ къэхъукIэцIэ къытекIахэм, зэрызэхэтым къызытехъукIа псалъэпкъымрэ псалъэщI лъабжьэгъусэмрэ тыншу къыхэбгъэкIыфу. КъызырыкIуэ къытекIа къэхъукIэцIэхэр къэхъукIэцIэ къытемыщIыкIахэм лъэныкъуэ зыбжанэкIэ къащхьэщокI. Нэхъыбэ дыдэу а зи гугъу тщIы псалъэхэр лъабжьэужь – кIэ-кIэ къохъу: а) къэхъукIэцIэ къытемыщIыкIахэм зман хьэл къагъэлъагъуэу (*нобэ – nobэкIэ, иджы – иджыкIэ, иджыпсту – иджыпстукIэ, н.къ.*). Апхуэдэ къэхъукIэцIэхэм лъабжьэужь – кIэ-м мыгъэунэхуа мыхьэнэ яхелъхьэ. Псалъэм папщIэ: (*Жанусэ Азэмэт зыхуигъазэу:*) *Сэ жысIэр уэ nobэкIэ зэхэтиIыкIынкъым* [Къэрмокъуэ 2004: 84]; б) зэрыупщIэ къэхъукIэцIэ дэнэ-мрэ (*дэнэ – дэнэкIэ*), зыгъэлъагъуэ цIэпапщIэхэмрэ лъабжьужь – дэ-кIэ къытекIахэу (*мыдэ – мыдэкIэ, модэ – модэкIэ, адэ – адэкIэ с.ху.*). Псалъэм папщIэ: *ДэнэкIэ щымылаэхэми, я гузэвэгъуэ тхьэм симыгъэлъагъукIэ, узынишэмэ, къысхуащIэну псор къысхуащIащ, ялыхь гъэузынишэхэ, – и гупсысэр тхьэлъэIукIэ цухыжырт Тэужан* [Мэлей 1995: 146]; в) къытекIа къэхъукIэцIэ зэ-м, зман хьэл къыгъэлъагъуэу (зэ – зэкIэ). Псалъэм папщIэ: *Ауэ зэкIэ хъыджэбзым и сурэт фIэкI къылэрымыхьауэ (Хьэзешэ), а къылэрыхьамкIи арэзыуэ, зыми къыщамылъагъум деж Хьэблацэ и сурэт бгъэ жыпкIэ зэрихьэр кърихрэ еплъмэ: «Хьунуц. Лацэ ещхьыц», – жиIэу зэманыр кIуэрт* [Елгъэр 2005: 14].

КъэхъукIэцIэ къытекIахэм тIэу-м къыщIэдзауэ нцIэ-м нэс къэхъукIэцIэщIэ къагъэхъу, лъабжьэужь – ней//–нейрэ япыувэрэ (*тIэу – тIоней, тIонейрэ; цэ – цэнэй, цэнейрэ* н.къ.) Псалъэм папщIэ: *Щамел псыниIэу цIыкIум бгъэдыхьэри къилэтри*

и нaтlэм бa хуицлaц **ицнeй** зэкlэлыпыту [Шортэн 1988: 35]. Къэхьукlэцlэм я псалъэпкъ къытекlахэмрэ къытемыщlыкlахэмрэ лъабжьэужь –и япыувзурэ къэхьукlэцlэщlэ къохъу: а) къэхьукlэцlэ къытекlа зэ-м лъабжьэужь –и-кlэ къытохьукlэ къэхьукlэцlэщlэ зэи. Щапхъэ: *А псом я ицlылуэжкlэ шыдыгум шыудз къэп темыхауэ, ар (Бэтмырзэ) гъэмахуэм зэи мэзым къыицlэкlыжыртэкъым* [Елгъэр 2005: 4]; б) къэхьукlэцlэ къытемыщlыкlа *дапицэщ, дауэ, дэнэ, дэнэкlэ* с.ху. лъабжьэужь –и-р япоувэри къэхьукlэцlэщlэ къегъэхъу – *дапицэщи, дауи, дэни, дэнэкли*. Щапхъэхэр: *Инал и ныбжьэзгъухэм ягъэцlагъуэ зэпытт абы и шыкlэр дапицэщи дахацэу зэрызэрыдзар* [Журт 2004: 26]. *А хъыбарыр унэрыхъ-унэрыкlыу дэнэкли цызэлэпах* [Шортэн 1954: 22].

Къэхьукlэцlэ зэу-р къэхьукlэцlэ зэ-м къытекlащ. Щапхъэхэр: *Хъыджэбзыр зэуэ къызэллэкlащ: уэрамыбгъум гу зэцlэцlа гуэр тетиц, абы къитэджыкlа ицlалэцlэ гуэрми кнутlыр игъэкlэрахъуэу къоплэкlэ* [Щоджэнцlыкlы 1989: 204]. *Зэуэ хъэцlэщым и бжэр къызэллэхури Дадыхухэ я гъунэгъу Елджырокъуэ Кургъуокъуэ къыицlыхъац пхъэ lэнлэ ин lитlымкли илыгъыу* [Шэджихъэщlэ 1992: 54].

Кlэщlы жыплэмэ, къызэрыкlуэ къэхьукlэцlэхэр нэхьыбэрэ къегъэсэбэп адыгэбзэм. Ахэр къадохьукlэ щытыкlэгъэлъагъуэ плъыфэцlэхэм, цlэпапщlэхэм, щыцlэцlэхэм, бжыгъэцlэхэм, лэжыгъэцlэтекlэ гъэпсыкlэхэм, къэхьукlэцlэ къытемыщlыкlахэм, лэужыгъуэ къэс езым я къэхьукlэ ялэу. Къызэтекlа псалъэ лъэпкъыгъуэхэм къэхьукlэцlэхэр теплэкlэ ещхьми, ахэр я мыхъэнэкли, псалъэухам хэт адреи псалъэхэм зэрахуыткlи нэгъуэщl мэхъу, япэм ялэ нэцэнэхэр яфlэкlуэдауэ. Мы лэжыгъэр Адыгэбзэ грамматикэм и зы lыхъу дгъэхъэзыращ, фlэщыгъэщlэ зыкъом хэдгъэхъурэ, ди тхакlуэ цlэрылуэхэм я тхыгъэхэм къыхэтха щапхъэхэр къэдгъэсэбэпурэ. Догугъэ адыгэбзэм елэжхэм мыр къахуэщхъэпэну.

Тегъэцlапlэ тхуэхъуа литературэр

1. *Джаурджий Хь.З., Дзасэжъ Хь.Е.* Адыгэбзэ. Япэ lыхъэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 288 н.
2. *Дзасэжъ Хь.* Иджырей къэбэрдей-черкесыбзэ. Пединститутхэм я студентхэм папщlэ пособие. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзаплэ, 1964. 228 н.
3. *Елгъэр К.* Лъэужь // Гъуэгуанэ кlыхъ. Повесть. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. Н. 3–108.
4. *Журт Б.* Унагъуэ. Налшык: Эльбрус, 2004. 218 н.
5. Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Создание письменности, Фонетика и Фонология, Морфология, синтаксис. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 325–344.
6. *Кlыцокъуэ А.* Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. Н. 3–370.
7. *Кlыцокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур // Тхыгъэхэр томиплым щызэхуэхъэсауэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 1984. 600 н.
8. *Къашыргъэ Хь.* Насыпым и хэкlыплэ. Нальчик: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзаплэ, 1957. 308 н.
9. *Къэрмокъуэ М.* Къоджэм уигъэжейкъым. // Тхыгъэхэр. Ещанэ тхылъ. Роман. Рассказхэр. Налшык, 2004. 536 н.
10. *Мэзыхъэ Б.* Бжыхъэ макъамэхэр. Новеллэхэмрэ хъыбархэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2008. 168 н.
11. *Мэлей А.* Цlыхум и гъащlэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 192 н.
12. *Мыз I.* Гъатхэ уэс. Повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1992. 176 н.
13. *Налэ А.* Нэхуц шу. Налшык: Эльбрус, 1990. 360 н.
14. *Налэ З.* Дыджым и lэфlыгъэ. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
15. *Теунэ Хь.* Шэджемокъуэ лъэпкъыр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзаплэ, 1967. 512 н.
16. *Урыс Хь.Ш.* Адыгэ грамматикэ. Фонетика, Морфонемика, Морфологии. Налшык: Эльбрус, 2001. Н. 204–208.

17. Хьэх С. Щымахуэ мэракIуэ // Курых. Рассказхэр, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2008. Н. 468–543.
18. *ШэджыхьэцIэ Хь*. Гум псори къонэ. Налшык: Эльбрус, 1984. 452 н.
19. *ШэджыхьэцIэ Хь*. ЛъыщIэж. Роман, повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1992. 432 н.
20. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Япэ тхыль. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1954. 504 н.
21. *Шортэн А.* Бгырысхэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н.
22. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Ещанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1985. 332 н.
23. *Шортэн А.* Бгырысхэр. ЕплIанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1988. 394 н.
24. *Шортэн А. (а)* Лыггэм и вагъуэ // Тхыгъэ къыхэхахэр. Зы тому. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1957. 384 н.
25. *Шортэн А. (б)* Псыгуэнсу аузым // Тхыгъэ къыхэхахэр. Зы тому. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1957. 384 н.
26. *ЩоджэныцIыкIу I.* Софят и гъатхэ // Тхыгъэхэр томищым щызэхуэхьэсауэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1989. Т. 3. Н. 7–235.
27. *Щомахуэ А.* Бгырыс шухэр. Налшык: Эльбрус, 1970. 252 н.

О ПРОСТЫХ ПРОИЗВОДНЫХ НАРЕЧИЯХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

В данной работе освещены образование и функционирование простых производных наречий в кабардино-черкесском языке. Рассматриваются производные основы качественных прилагательных, числительных, местоимений, существительных, отглагольных форм, непроизводных наречий, участвующие в образовании данного вида наречий, отмечаются наиболее продуктивные из них. Указаны основные способы образования простых производных наречий и их особенности, в связи с чем перечислены все используемые для этого возможные, продуктивные и малопродуктивные аффиксы. На сегодняшний день в кабардино-черкесском языкознании нет научной грамматики, написанной на родном языке, более того, основные исследования, проведенные по наречию, другим частям речи и т.д. также написаны на русском языке. Представленная статья является частью кабардино-язычной научной грамматики, работа над которой началась в секторе кабардино-черкесского языка ИГИ КБНЦ РАН. За основу взята двухтомная грамматика 2006 года издания, в которой собраны лучшие результаты научных исследований по всем разделам кабардино-черкесского языка, в том числе и по наречию. В работе используются новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке, разработанные Б.Ч. Бижоевым, без наличия которых написание указанного труда стало бы невозможным.

Ключевые слова: наречие, простое производное, аффикс, определительное наречие, обстоятельственное наречие, качественное прилагательное, отглагольное наречие.

ABOUT SIMPLE DERIVATIVE ADVICES IN KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

This paper highlights the formation and functioning of simple derivatives of adverbs in the Kabardino-Circassian language. Derivative bases of qualitative adjectives, numerals, pronouns, nouns, verbal forms, non-derivative adverbs that participate in the formation of this type of adverbs are considered, the most productive of them are noted. The main methods of formation of simple derivatives of adverbs and their features are indicated, in connection with which all

possible, productive and unproductive affixes used for this are listed. To date, there is no scientific grammar written in the native language in Kabardino-Circassian linguistics, moreover, the basic research conducted in adverb, other parts of speech, etc. also written in Russian. The presented article is a part of the Kabardian-language scientific grammar, the work on which began in the sector of the Kabardino-Circassian language of the IGI KBNTS RAS. It is based on a two-volume grammar of 2006 edition, which contains the best results of scientific research in all sections of the Kabardian-Circassian language, including adverb. New linguistic terms in the Kabardino-Circassian language, developed by B.Ch. Bizhoyev, without which the writing of the specified work would be impossible.

Keywords: adverb, simple derivative, affix, definitive adverb, adverbial adverb, qualitative adjective, verbal adverb.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-101-108

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
СЛОВА *bičäk/bičag* 'НОЖ' В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(на материале лексикографических источников)**

Мусуков Борис Абдулкеримович, доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГи КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Статья посвящена исследованию лексико-семантических, словообразовательных, словоизменительных особенностей имени существительного *bičäk/bičag* 'нож' в тюркских языках (на материале памятников древнетюркской письменности, отраженном в «Древнетюркском словаре»), линейных единиц «вторичной репрезентации», образованных от этого слова с помощью различных функциональных индикаторов, лексико-синтаксических особенностей номинативных единиц аналитического типа, свободных и лексикализованных словосочетаний нарицательного характера, их терминологических особенностей, редуцированных конструкций по модели полного повтора. В ней рассматриваются лексико-семантические, словообразовательные и словоизменительные особенности линейных единиц первичной номинации, выступающих в качестве производящих основ для слова *bičäk/bičag* 'нож'.

В статье на основе анализа усилительных конструкций, образованных с участием слов *bičäk/bičag* и *bič-/bič-*, обращается внимание на то, что повторяемый слог, как фонетически измененный вариант без лексического значения, как асемантический аналог, лишь частично влияет на смысловое содержание атрибутивного, субстантивного, глагольного компонентов, усиливая их семантическую структуру лишь в определенной степени.

Ключевые слова: лексикографическая интерпретация, фондовые единицы морфологии, «вторичная репрезентация», древнетюркская письменность, редуцированные конструкции, аналитические конструкции.

Актуальность статьи заключается в том, что на основе концептологического анализа лексических материалов памятников древнетюркской письменности, связанных с общетюркской лексемой *bičäk/bičak* 'нож' в различных вариантах, сопоставления лексико-семантических, словообразовательных и словоизменительных структур производящих и производных основ рассматривается участие словообразовательных и формообразовательных аффиксов, как инвентарных единиц морфологии, в создании новых слов и их форм (в залогообразовании активных и пассивных), обозначении направленности действия, расширении их семантического объема, изменении категориальной принадлежности мотивирующей основы в создании аналитических и синтаксических конструкций, свободных и лексикализованных словосочетаний, редуцированных основ, образованных по модем полного повтора и простых предложений.

В статье обращается внимание на лексикографическую интерпретацию слова *bičäk/bičag*, образованных от нее производных основ и их форм, отмеченных в памятниках древнетюркской письменности.

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что в ней анализируется участие фондовых единиц морфологии в образовании производных

основ и синтаксических конструкций различной сложности: свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, простых и сложных предложений, от слов *bi*, *bič*-, *bičäk/bičag*. В результате сравнительно-сопоставительного изучения линейных единиц первичной номинации и «вторичной репрезентации» выявляется частотность употребления мотивирующих и мотивированных основ, конструкций различного типа и сложности, рассматриваются особенности функционирования исконно тюркских словообразовательных и словоизменительных, а также редуцированных моделей. В рамках исследования вопросов морфологической деривации аффиксация и редупликация рассматриваются как способы обогащения лексики и грамматики памятников древнетюркской письменности.

Целью статьи является выявление и описание лексико-семантических, словообразовательных и словоизменительных особенностей производного слова *bičäk/bičag* 'нож' в материалах памятников древнетюркской письменности, а также производящей основы *bič-/bič*-, производных основ и аналитических конструкций, образованных с помощью слова *bičäk/bičag*, и рассмотрение возможного сочетания их с другими словообразовательными и словоизменительными показателями в процессе дальнейшего морфологического развития.

Научная новизна статьи заключается в том, что проводится комплексное исследование особенностей лексического, словообразовательного и словоизменительного значений производного слова *bičäk/bičag* 'нож', производящей основы *bič-/bič*-, а также участие этих слов в образовании свободных и лексикализованных словосочетаний, редуцированных конструкций, идиом фразеологического типа, простых и сложных предложений на основе материалов древнетюркской письменности. С этой целью в работе предпринята попытка решения следующих задач:

1) рассмотреть лексико-семантические, словообразовательные, словоизменительные, синтаксические особенности линейных единиц первичной номинации и «вторичной репрезентации» и их форм, аналитических конструкций, образованных как с помощью производящей основы *bič-/bič*-, так и с помощью производной *bičäk/bičag*;

2) установить связи полисемантов *bič-/bič*-, *bičäk/bičag* с другими фрагментами семантического поля, «комбинаторные варианты» значений;

3) раскрыть связи исходного значения лексемы *bičäk/bičag* со значениями производящих глагольных компонентов;

4) выявить особенности сочетания глагола *bič-/bič*-'резать' с другими залоговыми формами и образование редуцированных конструкций по модели полного повтора.

5) оснастить исследование лексическими единицами, связанными со словами *bič-/bič*-, *bičäk/bičag*, собранными из словарей тюркских языков.

Слово *bičäk/bičag* в значении 'нож' употребляется в «Древнетюркском словаре» (ДТС), составленном на основе накопленного в течение десятилетий словарного материала, извлеченного из памятников древнетюркской письменности VII–XIII вв.: *bičag tarma anda kötürmä sönük* 'не извлекай нож и не обглаживай кости' (QBH); *bu bičag eligläjü* 'схватив этот нож' (Uig IV C₇) [ДТС 1969: 104].

На стр. 104 словаря встречается слово *bič*-'резать; рубить; косить': *šamnu bašin etüzünjüzlärni bičip ögi ögi kemišäjin* 'изрубив ваши тела, раскидаю по различным [местам]' (Uig I 40₁₅).

В материалах памятников древнетюркской письменности можно встретить несколько словосочетаний, образованных с помощью слова *bič*:- *bič-čimgi*-'резать' (Rach II 3₁₆₃); *bič-kes*-'резать': *ol törärin bičäjin kesäjin* 'те их сети разрежу я' (Suu123₃) [ДТС 1969: 104].

Слово *bič*- в материалах памятников древнетюркской письменности может участвовать в образовании аналитических конструкций, употребляемых в одном

значении: *bič-čimgi-* 'резать' (Rach II 3₁₆₃). Слово *bič-* может участвовать в образовании редуцированной конструкции по модели полного повтора: *bič-kes-* 'резать': *ol törlärin bičajın kesäjin* 'те их сети разрежу я' (Suv 123₃); *bičirli keşigli turur* [нож в руках] – 'режущий [u] секущий [инструмент]' (QBK 35₇); *sanč-bič-* парн. 'колоть и резать': *tagi neğü kütar sizlär terkin munı sançıqlar bičıqlar* 'и что вы ждете, быстро колите и режете этих [демонов]' (Uig I 43₇). К парной конструкции можно отнести и другое словосочетание: *sanč-ur* парн. 'колоть и бить' [ДТС 1969: 484].

В отмеченном фонетическом варианте слово *bič-* в материалах древнетюркской письменности может участвовать как в образовании новых слов, так и их форм, например, в образовании новых слов: *bičir* 'трещина (на руках, ногах, на почве)' (МК 242₂) [ДТС 1969: 105], *bičir jer* 'потрескавшаяся земля'.

Морфологическая структура слова *bičir* свидетельствует о том, что в образовании новой лексемы участвуют производящая основа *bič-* и словообразовательный аффикс *-ir*, изменяя лексическую характеристику ее исходной основы в сторону расширения семантической структуры.

В процессе словообразования наблюдаются семантические переходы и изменение категориальной принадлежности исходной основы с точки зрения знаменательных частей речи. Специфика функционального статуса морфологического показателя свидетельствует о том, что имя существительное *bičir* маркировано специальным основообразующим элементом *-ir*, являющимся обязательным морфологическим компонентом. Помимо полного изменения категориальной принадлежности исходной основы отмечается еще и полная смена парадигмы у мотивированного слова по сравнению с мотивирующим. Категориальный сдвиг осуществляется в пределах разных частей речи.

Следующей лексической единицей, образованной от многозначного *bič-* 'резать, рубить; косить', является производная основа *bičir* со значением 'пригодность для резания, нож' (МК 10₁₄), в морфологическую структуру которой входит, помимо мотивирующей основы, еще и словообразовательный аффикс *-ir*, участвующий в изменении категориальной принадлежности исходной основы. Данная лексема, сочетаясь со словом *bi III* 'лезвие' (бритвы?), участвует в образовании атрибутивного словосочетания *bi bičir* 'холодное оружие' [ДТС 1969: 105] *algu türüg axu bi bičir ot suvta ulatı adalarix tüdači* 'отвращающий различные опасности – яды, 'холодное оружие, огонь, воду и прочие' (Uig II 59₄); *etügläri bi bičir adası üzä... artamaz jogademaz* 'их тела ... не гибнут от меча' (Suv 464₃).

В памятниках древнетюркской письменности встречаются и залоговые формы, образованные с помощью слова *bič-* и залогового аффикса *-il*, а именно форма страдательного залога: *bičil: emigi tüpürä bičilur bolur* 'грудь ее были до основания вырезаны' (Suv 620₁₈); *jırac bičildı* 'дерево было разрезано' (МК 329₁₁) [ДТС 1969: 97, 105]. То, что залоговые формы, образованные от общего корня, встречались в материалах памятников древнетюркской письменности, говорит о том, что они активно употреблялись во всех тюркских языках того времени одинаково, сохраняя интегрирующие особенности как со стороны семантики производящей основы, так и со стороны формообразовательного аффикса, который в одних случаях обнаруживал словообразовательное значение, в других – словоизменительное. О древнем состоянии залоговых форм в тюркских языках свидетельствовал тот факт, что, как активные, так и пассивные конструкции, состоящие из производящей основы и формального компонента, выражали, как и в современных тюркских языках, субъектно-объектные отношения, находившие свое выражение в формах глагола.

Форма страдательного залога *bičil-*, в котором субъект является производителем действия, образуется от переходного глагола *bič-* 'резать', «допускающего с точки зрения семантических особенностей пассивное преобразование».

В образовании производной основы, кроме того, участвует аффикс *-il* в виду того, что производящее слово оканчивается на согласную основу. Форма страдательного залога *bičil-* образуется от формы основного (прямого) залога *bič-* 'резать', так как этому не препятствует лексическое значение исходной основы. Форма страдательного залога *bičil-*, образованная от глагола *bič-* с активным значением, имеет обычное пассивное значение. Отличительной особенностью пассивной конструкции *bičil-* является направленность действия на субъект, т.е. на грамматическое подлежащее.

В академической работе «Современный карачаево-балкарский язык» (ч. 2) отмечается, что форма страдательного залога обозначает «действие или состояние неизвестного субъекта», пассивное участие субъекта в исполнении действия», «действие или состояние логического субъекта, на выраженного в предложении» [СКБЯ 2018: 173]. В обозначении направленности действия страдательный залог определяется как обозначение действия, выполняемого грамматическим объектом и направленное на грамматический субъект [Баскаков 1951: 24].

«В глаголе-сказуемом страдательной конструкции закладывается грамматическая информация о производителе данного действия. В процессе отсутствия субъекта, т.е. когда обычно не употребляется имя производителя, действие представляется как совершающееся самопроизвольно. В двучленных страдательных конструкциях производитель действия формально не выражен, отсутствует синтагматическая связь между действием и деятелем, действие соотносится с неопределенным лицом» [СКБЯ 2018: 173–174].

Форма страдательного залога *bičil-* может участвовать в образовании парно-повторной конструкции, когда к этому слову присоединяется другая форма страдательного залога, например, *bičil-üzül-* 'быть истерзанным' (букв. 'быть изрезанным и разорванным'): *bičilip üzülüp jemä ölmägä* 'не умрет также, будучи истерзанным' (Tiš 49_{аб}) [ДТС 1969: 105].

«Исследуя образование общего значения парных слов, следует отметить, что оно зависит: 1) от лексико-семантических особенностей компонентов парных слов, которые могут характеризоваться разнообразными семантическими оттенками: а) оба компонента парно-повторного слова в современном языке функционируют самостоятельно и имеют конкретное значение»... [Мусуков 2016: 89].

В материалах памятников древнетюркской письменности VII–XIII вв. встречается форма возвратного залога *bičin-* образованная от односложной корневой морфемы *bič-* и морфологического показателя *-in*. Выступает в двух значениях: 1. 'отрезать (себе)': *er özüñä et bičindī* 'мужчина отрезал [себе] мяса' (МК 338_с); 2. 'делать вид отрезающего' (МК 338_с) [ДТС 1969: 105].

«Возвратный залог означает действие, при котором субъект и объект совпадают и выступают в одном лице (предмете). Действие в данном залоге направляется либо на само действующее лицо, либо локализуется в самом субъекте» [СКБЯ 2018: 160]. Производящая основа *bič-* выборочно проявляет избирательную синтагматическую сочетаемость с аффиксом *-in*, т.е. образование формы возвратного залога возможно от данной производящей основы.

Производная основа *bičim-* является грамматической залоговой формой возвратного залога, неграмматического (словообразовательного) значения не обнаруживает. Нередко залоговое значение формы на *-in* выявляется только в синтагматическом окружении, в условиях контекста. В данном случае залоговое значение обнаруживается без контекста, самостоятельно.

В материалах памятников древнетюркской письменности встречается отглагольное имя существительное *bičim* 'ломоть', обозначающее название результата действия, образованное от глагола *bič-* и продуктивного аффикса *-im*: *bir bičim garun* 'ломоть дыни' (МК 126) [ДТС 1969: 105].

Слово *bič-* в материалах памятников древнетюркской письменности как производящая основа вместе со словообразовательным аффиксом *-is* участвует

в образовании формы взаимно-совместного залога *bičış-*: *ol menij birlü jıyač bičışdi* 'он помогал мне рубить дерево' (МК 314₉) [ДТС 1969: 105]. Если глагол *bič*, употребляемый в начальной форме, обозначает действие, выполняемое одним лицом, то в форме, усложненной аффиксом *-ış*, – действие, осуществляемое «в результате взаимодействия двух или более лиц на паритетных началах (на основе взаимной совместности). Другими словами, взаимно-совместный залог выявляет два основных тождественных значения, квалифицируемых как залоговые» [СКБЯ 2018: 164].

Многофункциональная основа *bič-* вместе со словообразовательным аффиксом *-ış* участвует в образовании именной основы *bičış* со значением 'отрез шелковой материи для подарка' (МК 184₁₁). В этой связи можно обратить внимание на участие данной единицы в образовании глагольной конструкции *bičış gıl-* 'дарить, одаривать': *bičış gıl küün jetsä bičvıl avı* 'сделай подарок, если хватит сил, отрежь дорогую шелковую ткань' (QVK 276₂).

С помощью производящей основы *bič-* и словообразовательного аффикса *-ma*, по данным материалов древнетюркской письменности, образуется имя прилагательное *bičma* со значением 'скошенный': *bičma jorinčya* 'скошенный клевер' (МК 217₅). С помощью производящей основы *bič-* и аффикса *-tačı* образуется имя существительное *bičtačı* со значением 'истязатель, мучитель': *kim erti bičtačı ögük-kijäm etüzin* 'кто мог быть истязателем тела моего ребенка?' (Suв 626₁₄).

В материалах памятников древнетюркской письменности VII–XIII вв. встречается форма понудительного залога *bičmur-*, образованная от односложной корневой производящей основы *bič-* и формообразовательного аффикса *-tur*: *bašlarin bičturu* 'позволяя отрезать свои головы' (Suв 235₇); *er jıyač bičturdi* 'мужчина велел срубить дерево' (МК 352₉). В материалах памятников древнетюркской письменности слово *bičag* 'нож' употребляется и в другом фонетическом варианте *bičak*, сохраняя общее лексическое значение производной основы: *beöük bir bičäkig elidä tutar* 'в руке он держит один большой нож' (GBN 65₁₃); *ol bičak bilätti* 'он дал наточить нож' (МК 420₁₃); *nečä jitiğ bičäk ersä özi sabın jonumas* 'как ни остер нож, он не может острогать свою ручку' (МК 193₁₁) [ДТС 1969: 98, 105].

С помощью слова *bičäk* в материалах памятников древнетюркской письменности образованы различные словосочетания, имеющие как компонентное значение, так и переносное: *bičäk bojni* 'колодка, шейка у ножа' (МК 519₆), *bi bičäk* парн. 'нож': *gart igkä bi bičäkin emlamiš [keğgük]* 'язву надо лечить операцией' (букв. ножом) (Rach II 3₁₆₇), *goš bičak* 'ножницы' (МК III 126) (слово *goš* имеет значение 'пара'); *salči bičak* 'поварской нож' (МК III 442) [ДТС 1969: 97, 460, 482].

Слово *bičak* участвует и в словообразовательных процессах: сочетаясь с аффиксом *-la*, с одним «из самых уникальных по своей производительности словообразовательных средств, известных на протяжении всей истории тюркских языков» [Мусуков 2011: 17]: *bičakla-* 'ударять, колоть ножом': *ol anı bičäklädi* 'он ударил его ножом' (МК 593₁) [ДТС 1969: 98].

Глагол *bičakla-* образован от основы, обозначающей орудие, средство, предмет, материал, с помощью которых осуществляется действие. «Топор, нож, веревка и некоторые другие орудия труда, с помощью которых производились многочисленные операции, играли важную роль в жизнедеятельности и жизнеобеспечении тюркских народов...» [Мусуков 2009: 61].

В материалах памятников древнетюркской письменности дается глагольная форма без пометы *bičäklän-* со значением 'приобретать нож': *er bičäkländi* 'мужчина приобрел нож' (МК 399₆). Морфологический разбор показывает, что слово *bičäklän-* образовалось от производящей основы вторичной номинации *bičakla-* 'ударить ножом', а не от слова *bičak*. Следовательно, производная основа, образованная с помощью аффикса *-n*, в которой действие направляется на

производителя действия, является формой возвратного залога. В этом случае, как и в других, между соответствующими словами устанавливается отношение производности. Слово *bičakla-* является базой для своей производной основы.

Базовое и производное слово принадлежат одному корневому гнезду.

Основа производного слова по составу морфем устроена сложнее, чем основа базового слова. Так, основа слова *bičäklän-* содержит те же морфемы, что и основа слова *bičakla-*, плюс еще аффикс *-n*.

В толкование производного слова включается значение базового.

Слово *bičäk*, являющееся базовым для глагола *bičakla-*, называется производным, т.к. оно образовано от глагола *bič-* 'резать'. В свою очередь глагол *bič-* является производным от слова *bi* 'лезвие'.

Таким образом, однокоренные соседние слова *bičakla-*, *bičaklan-* находятся в отношении производности, причем первое из них является базовым, а второе – производным. Такая последовательность называется *словообразовательной цепочкой*.

С другой стороны, существует более сложный механизм анализа словообразовательных связей, используемый в словообразовательном гнезде. Его особенностью является указание на словообразовательные связи лексических единиц и их формальное строение.

Словообразовательное гнездо – это множество словообразовательных цепочек, начинающихся с одного и того же слова, например, в материалах памятников древнетюркской письменности это: *bi III* 'лезвие (бритвы?)' (ТТ VIII A₁); *bič-* 'резать'; 'рубить'; 'косить'; *bič-* – *bičag-* 'нож'; *bičag-* – *bičakla-* 'ударять, колоть ножом'; *bičakla-* – *bičaklan-* 'приобретать нож' [ДТС 1969: 97–104].

Исследуя лексико-семантическую, словообразовательную и словоизменительную структуры производных основ и аналитических конструкций, образованных с помощью слов *bi III* 'лезвие (бритвы?)', *bič-/bič-* 'резать', *bičäk/bičag* 'нож' и инвентарных единиц морфологии, следует обратить внимание на особенности словообразовательной морфологии, на особенности разграничения словообразовательного и словоизменительного значений залоговых аффиксов, т.е. на двойственную природу деривационных единиц, показывающих глубокую внутреннюю связь морфологии и словообразования на основе частного случая.

В результате лексико-семантического анализа определительных словосочетаний описательного типа, образованных с помощью отмеченных конкретизаторов, выявляются отличительные особенности двучленных синтагматических структур неизафетного типа (имя прилагательное + имя существительное).

Источники и литература

1. Баскаков Н.А. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент: АН Узб. ССР, 1951. 32 с.
2. ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
3. Мусуков Б.А. Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 255 с.
4. Мусуков Б.А. Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2011. 51 с.
5. Мусуков Б.А. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. Нальчик: Принт Центр; Полиграфсервис и Т, 2016. 376 с.
6. СКБЯ – Современный карачаево-балкарский язык / в 2 ч. Ч. 2. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 480 с.

LEXICO-SEMANTIC FIELD OF WORD
BIČÄK/BİČÄG «KNIFE» IN TURKIC LANGUAGES
(on material of dictionaries)

Boris Abdulkerimovich Musukov, Doctor of Philology, Head of the Sector of the Karachay-Balkar language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article is devoted to the study of lexico-semantic, word-formation, inflectional features of the noun *bičäk/bičag* «*knife*» in the Turkic languages (based on the monuments of the ancient Turkic writing, reflected in the «Ancient Turkic dictionary»), linear units of the «secondary representation», formed from this word using various functional indicators, lexico-syntactic features of nominative units of analytical type, free and lexicalized common noun phrases, their terminological features, reduplicated designs on the model of full repetition. It deals with lexico-semantic, word-formative and inflectional features of linear units of primary nomination, which act as the generating basis for the word *bičäk/bičag* «*knife*».

The article, based on the analysis of reinforcement structures formed with the words *bičäk/bičag* и *bič-/bič-*, draws attention to the fact that the repeated syllable as a phonetically modified version without a lexical meaning, as an semantic analog, only partially affects the semantic content of the attribute, substantive, verbal components, strengthening their semantic structure only to a certain extent.

Keywords: lexicographic interpretation, stock units of morphology, «secondary representation», ancient Turkic writing, reduplicated constructions, analytical constructions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-109-115

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АДЫГОВ В ЛИТЕРАТУРЕ
(на опыте творчества А. Кешокова, И. Машбаша,
Б. Утижева, М. Адзинова)**

Баков Хангери Ильясович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

В статье впервые рассматриваются в сравнительно-типологическом плане романы адыгских писателей Алима Кешокова, Тембота Керашева, Аскерби Шортанова, Исахака Машбаша, русскоязычного черкесского писателя Мухамеда Адзинова, а также драмы Бориса Утижева, посвятивших свои произведения сложной и во многом трагической истории адыгов (черкесов). Особое внимание уделено проблеме историзма, вопросам художественного мастерства представленных писателей. Отмечается, что в первые десятилетия эволюции новописьменных литератур народов Северного Кавказа в литературном процессе неумеренно много места занимали историко-революционные романы, сюжеты которых были однотипными.

Масштабные прозаические произведения в этих литературах достигли более высокого уровня в конце 50 и 60-е годы XX века, что связано с тем, что в этот период раскрылись во всей полноте такие яркие творческие индивидуальности как Т. Керашев, А. Кешоков, А. Шортанов, И. Машбаш. Самым плодотворным из них является И. Машбаш, издавший двадцать романов исторического плана.

В статье делается упор на исследовании его нового романа «Дорога смерти», изданного в 2019 году. Он посвящен Канжальской битве 1708 года между адыгами и войсками Крымско-татарского ханства, грабившими северокавказские народы и облагавшими их непомерной данью. Отмечено, что писатель сумел создать убедительные национальные характеры персонажей, имеющих реальных прототипов, из которых образ Кургоко Атажукина – несомненно самая большая удача писателя.

Рассматриваются в сравнительном плане также трагедии Б. Утижева «Эдип» (раскрыта творческая судьба произведения), «Тыргатао» и др. В статье отмечается новаторство в сюжетостроении романа М. Адзинова «Непокоренные». Обращается внимание на индивидуальные особенности стиля каждого из авторов и отмечаются общие закономерности адыгского исторического романа.

Ключевые слова: Историзм, сюжет, образ, национальный характер, эволюция, новаторство, исторический роман.

Проблемы истории актуальны во все времена, и они находятся в поле внимания не только самих историков, но также политологов, социологов, этнологов, литераторов, искусствоведов. К сожалению, события и факты прошлого периодически пересматриваются, и не всегда для достижения исторической правды.

Писатели тоже принимают активное участие в воссоздании реальной картины истории своих народов или же ее индивидуальном художественном осмыслении. На этом поприще литературы с многовековыми традициями достигли более значительных успехов. Представители новописьменных народов из-за отсутствия письменности до XX века были лишены возможности свободного и при этом эстетически мотивированного обращения с историческими реалиями.

Еще адыгские писатели-просветители, творившие на русском языке в XIX веке затрагивали вопросы истории, но только с 30-х годов прошлого века можно

говорить о планомерном освоении темы исторического прошлого адыгов. Как и у многих народов Кавказа, оно началось в русле историко-революционных романов.

Только начиная со второй половины прошлого века, историческая проза адыгов по-настоящему обогатилась произведениями более многообразной тематики и стилистики.

Парадоксально, но очевидным надо признать факт: адыги (черкесы), – самый многочисленный этнос в прошлом на Кавказе, имеющий древнюю и богатую историю, – не смогли ее системно осмыслить, воплотить в научные труды, в произведения литературы и искусства. Успехи историков были связаны в основном освещением русско-кабардинских отношений и политической историей XX века, а не гражданской историей. А без основательных исследований историков писатели обречены полагаться на собственную интуицию и богатство фантазии.

В результате Великой Октябрьской революции 1917 года к власти пришла одна партия, которая провозгласила «диктатуру пролетариата», а на самом деле началась эпоха диктатуры большевизма. Литература в основном попала под пресс идеологии этой партии. Вполне естественно, что первые романы в новописьменных литературах были посвящены революции и ее результатам, созданию образа «советского человека», рожденного новой социалистической действительностью. В этом русле появились романы в адыгской литературе: «На берегах Зеленчука» Халида Абукова (1930); «Зарево» Магомета Дышекова (1934); «Дорога к счастью» Тембота Керашева (1947 – Государственная премия за 1948 г.).

Первые два автора были репрессированы в 1937 году несмотря на то, что их произведения полностью вписывались в каноны «революционного романа». Судьбы арестованных порпою не могли узнать тогда даже ближайшие родственники. Так, только в настоящее время нам удалось установить дату и место расстрела Халида Кучуковича Абукова (1900 – 27.10.1937), автора первого романа в адыгских литературах [Баков 2018: 111–116]. Не все факты репрессии выяснены по отношению и к другому черкесскому романисту Магомету Дышекову.

Тембот Керашев избежал этой страшной участи даже впоследствии получил впоследствии всесоюзную известность. Для своего времени его роман «Дорога к счастью» стал значительным явлением. Парадоксально, но современные читатели и критики считают самыми ценными и востребованными его исторические новеллы, повести, созданные после известного романа («Дочь шапсугов»; «Абрек»; «Мечь табунщика»; «Мужество» и др.). Именно в них автор создал национально-самобытные характеры.

Данное явление носит типологический характер и в полной мере относится к творчеству Алима Кешокова, который тоже получил высокую премию за историко-революционную диологию (он впервые ввел в адыгский литературный процесс жанр диологии) «Вершины не спят». Эти произведения не полностью соответствовали в жанровом отношении «классическому историко-революционному роману». Если судить по форме изложения, своеобразие романа А. Кешокова заключалось в сказовости повествования. Главы напоминают стилизацию под «хабары» адыгского фольклора (Хабар – повествование, близкое к рассказу и повести). В плане содержания и образостроения писатель уже в первом романе решительно отказался от навязанного официальной идеологической доктриной принципа черно-белой интерпретации событий и образов. Его персонажи полифоничны, а описываемые события оцениваются не всегда однозначно, а в контексте сложного и неоднородного времени. Дилогия исторична по своей сути, здесь есть этнографические и биографические элементы (образ Лю), некоторые персонажи, главные в том числе (образы Инала Маремканова и Казгирея Матханова) имеют реальных прототипов.

Следует отметить, что следующие романы автора «Сломанная подкова» о Великой Отечественной войне и «Корни» получили более высокую оценку у

читателей и критики, нежели роман о революции. На наш взгляд, в этом зеркально отразилось то обстоятельство, что в первые десятилетия становления молодых литератур особенно в оценке произведений мнение политиков и идеологов играло решающую и не всегда позитивную роль.

Писатели впоследствии, хотя и медленно, но освобождались от идеологического пресса. Это наглядно просматривается в произведениях о Великой Отечественной войне. Заслуга в этом принадлежит ярким творческим индивидуальностям, проявлявшим объективный взгляд на факты реальной действительности. К ним в первую очередь – можно отнести Алима Кешокова и Исхака Машбаша, которые позволили себе подвергнуть критике некоторых партийных руководителей (А. Кешоков в романе «Сломанная подкова» художественными методами описал неумелые действия отдельных деятелей республиканского масштаба в период оккупации фашистами республики, за что впал в немилость и был жестко преследуем. И. Машбаш в своем романе «Сто первый перевал» сделал отрицательным персонажем офицера КГБ Даримока, чем вызвал резкое возражение даже со стороны издателей. После жарких споров нашли выход, заменив образ офицера КГБ на офицера МВД. Только после этого публикации роман был открыт путь к изданию [Машбаш 2012: 300–303].

Интересно отметить, что и А. Кешоков и И. Машбаш – убежденные коммунисты, занимали в свое время сравнительно высокие партийные и государственные должности. Но в творчестве они проявили мужество, переступили через партийные установки и предпочли объективное изображение реальных фактов в сложный и трагический период истории страны. Этих замечательных писателей роднит многое. Они пришли к прозе большого формата будучи уже широко известными поэтами, «задвинуть» их, вытеснить из ряда официально канонизированных «номенклатурных» национальных писателей было затруднительно даже для всесильных партийных инстанций. Это позволило им выстоять в конфликте с властями и поднять на новый художественный уровень адыгскую романистику.

Не смог избежать влияния идеологического пресса кабардинский писатель Аскерби Шортанов, одним из первых обратившийся к теме истории адыгов в романе «Горцы» (1954). Автор показал сложные взаимоотношения России и Кабарды. Это многоплановый исторический роман, в котором много персонажей, представляющих разные слои России и северокавказских народов. Царизм представлен персонами графа Гудовича, генералами Ермоловым, Вельяминовым, комендантом крепости Волковым и др. Большинство из персонажей данного ряда имеет своих исторических прототипов. Есть и подлинно художественные герои – врач Степан Солнцев, офицер Рошин и др. Задействованы и представители народов Кавказа – осетины, чеченцы, дагестанцы, но основное внимание уделено кабардинской знати и простым людям, переносившим основную тяжесть страданий в Русско-Кавказской войне. А. Шортанову удалось воссоздать действительность первой половины XIX века, для чего он использовал архивные данные, документы, факты. Роман дважды переиздавался, он получил хорошую оценку, но критика указала на то, что автор непомерно идеализировал образ «генерала Ермолова – одного из главных исполнителей политики геноцида адыгов-черкесов-ахиллесова пята романа» [Шакова 2003: 425].

Свою весомую лепту в историческую прозу адыгов внес С.Х. Мафедзев, известный кабардинский ученый-этнолог и писатель. Его перу принадлежит несколько повестей и романов, основанных на исторических событиях: «Черная бурка» (ШџақІуэ ФыцІэ) – о борьбе с Крымским ханством и Турцией; «Достойные плача» (Гъыбзэ зыхуэфашэ) – роман о начале экспансии Россией Черкесии в период правления Екатерины II; «Медвежьи когти» (Мыщэ лъэбжьанэ) – о Русско-Кавказской войне. В последнем произведении автор создал сложные реалистические образы колонизаторов А.А. Вельяминова, А.П. Ермолова и некоторых

других, преданных вассалов своего императора, посвятивших жизнь служению системе, но по отношению к горцам Кавказа оказавшихся жестокими завоевателями и сатрапами. В отличие от А. Шортанова, С. Мафедзев имел больше возможностей использовать архивные и фольклорно-этнографические источники, к тому же он создавал свои произведения в другое время, когда идеологический пресс партийно-государственного аппарата был гораздо менее жестким. Это позволило ему объективнее судить об исторических лицах, действовавших в трагический для некоторых народов Кавказа период истории.

Значительный вклад в освоении исторической темы внес кабардинский поэт, писатель и замечательный драматург Б.К. Утижев (1940–2008). В своем творчестве он был истинным новатором. Он сочетал в отдельных произведениях элементы поэзии, прозы и драматургии, что редко встречается не только в адыгской, но и всей литературе огромной страны. Все трагедии признанного еще при жизни классиком кабардинской драматургии созданы автором в стихотворной форме. Разные периоды адыгской истории отражены Б. Утижевым – в трагедиях «Тыргатао»; «Дамалей»; «Князь Кчук»; «Ночь кровопролития (Лъыгъажэ жэщ); «Мазаго». Тема истории звучит и в некоторых стихах и сонетах автора. Критики и литературоведы считают трагедию «Тыргатао» Б. Утижева выдающимся вкладом в адыгскую драматургию» [Шакова 2003: 364]. Первый вариант вышел в 1976 году, а второй, переработанный – в 2000 г.

Б. Утижев первым в нашей литературе обратился к событиям в древнем протоадыгском рабовладельческом государственном образовании Синдика (IV в. до н.э.), к временам сложных и трагических взаимоотношений синдов, меотов и греков-колонистов. Оригинальным стало то, что автор совместил в этом конфликте проблемы государственного масштаба с внутрисемейными и личностными отношениями. Меотская царица Тыргатао связала свою судьбу с Джагатеом – царем Синдики. Трагедия проходит не только через отношения двух генетически родственных народов, меотов и синдов, она втянула в конфликт и семьи двух возлюбленных. Б. Утижев нашел увлекательный сюжет. В образе Тыргатао автор соединил казалось бы несовместимые черты – мужество, женская красота, супружеская верность, материнская добродетель, гражданский долг, патриотизм.

И внешние обстоятельства привели к трагедии, к самоубийству главной героини. Идея произведения Б. Утижева перекликается с идеей «Слова о полку Игореве – объединение земель. Тыргатао борется за объединение сил предков адыгов – меотов и синдов в борьбе с Босфорским царством. За это погибают главные персонажи.

Интересна сценическая судьба трагедии «Тыргатао». Премьера пьесы прошла успешно в 1977 году, но после одной заказной статьи в газете «первые мундиры» посмотрели постановку и... запретили ее постановку. Видимо, партийным функционерам, уверенным в том, что у народов, ставших на путь социализма с помощью Великого Октября, не было в истории значительных фактов. Многие тогда не знали, что у адыгов было в далеком прошлом рабовладельческое государство под патронажем древних греков. Почти на девять лет поэту и драматургу приостановили карьеру: в республиканском издательстве из плана вычеркнули его первую книгу, газеты, журналы почти не печатали его произведения, а следующие пьесы в начале читали и проверяли в обкоме партии. Пьесу Б. Утижева «Мазаго» после репетиции и готовности к сдаче тоже запретили. (Драма написана на основе древней легенды).

Проблемы возникли и с трагедией «Эдип» Б. Утижева, основанной на древнегреческом мифе. После постановки в прессе появилась версия, будто Б. Утижев не автор, а всего лишь переводчик этой замечательной пьесы. В одной из статей драматург высказал пожелание, чтобы литературоведы сравнили его драму с драмами Софокла, Кокто, Вольтера, Сенеки, Сакса, Корнеля, написанными на тот

же сюжет, чтобы убедиться в оригинальности его произведения. Эту просьбу мы выполнили, сравнили данные трагедии с произведением Б. Утижева и убедились, что «Эдип» Б. Утижева не только оригинальное, но и новаторское произведение выдающегося кабардинского драматурга. Автор ставил цель на современном прочтении античной высокой трагедии проверить возможности новописьменного кабардино-черкесского языка. Эта цель тоже выполнена успешно автором, и это позволило без каких-либо скидок на «младописьменность» поставить его в один ряд с великими драматургами прошлого. Результаты наших поисков опубликованы в различных публикациях [Баков 2009: 144–152; Баков 2010: 256–324].

Что касается трагедии «Тыргатао» Б. Утижева, то через несколько лет она прочно вошла в репертуар кабардинского драматического театра, а помимо того, она ставилась на сценах других театров Северного Кавказа и в Сирии на арабском языке. Пьесой Б. Утижева открывалась декада адыгской культуры в Москве.

Успех имела и другая пьеса, основанная на трагедии «Дамалей», построенная на внутренних конфликтах в XVIII веке в Кабарде. Она ставилась в Нальчике, а за рубежом – Стамбуле.

В черкесской литературе в последние годы громко заявил о себе русскоязычный прозаик Адзинов Мухамед Аминович (1950 г.р.), который после нескольких рассказов издал два интересных романа: «На берегах моей печали» (2010) и «Непокоренные» (2014), оба они посвящены трагическим этапам истории адыгов. В первом романе речь идет о взаимоотношениях адыгов и России в XVI–XVIII вв. Автор использует исторические факты, но в ткань произведения вводится значительное количество вымышленных персонажей, не имеющих прототипов. Особое внимание уделено встрече Ивана Грозного с делегацией адыгов под руководством князя Каншао. Этому способствовал Михаил Черкасский, организовавший эту встречу. Интересно построен диалог царя и первостепенного адыгского дворянина. Интересно построен сюжет романа.

Сюжет второго романа М. Адзинова, «Непокоренные», посвящен событиям Русско-Кавказской войны. Главным персонажем здесь является царь Александр Первый. С характеристики царя, который уже не молод и находится в депрессии, начинается роман. Писатель предваряет содержание интересным и оригинальным прологом. Александр Первый был любимцем женщин, а в политическом плане роковой личностью для Наполеона. Здесь же он уже угасает, он надломлен, немощен. Автор использует мистический прием сновидения. Царь молится в спальне, куда проник кто-то, лица которого не видно. Происходит диалог.

Через диалог императора и невидимого персонажа писатель заставляет царя держать ответ за свои деяния, связанные с его личной судьбой и Кавказской войной. Налицо прием раздвоения личности. Это своего рода исповедь исторического голица. Поднятые в этом диалоге проблемы затем раскрываются М. Адзиновым в тексте романа. Этот прием новаторский. Произведение написано добротным русским языком, его содержание передает и проблемы империи, и менталитет адыгов, боровшихся за свою свободу. Образы колонизаторов выписаны в предельном соответствии с реальными событиями. Это свидетельствует о мастерстве писателя, поздно, но успешно вошедшего в литературный процесс.

Самый большой вклад в изображение событий адыгской истории внес Исхак Машбаш, который недавно удостоен высокого звания «Герой труда». До этого, в начале 80-х годов. И. Машбаш получил Государственную премию СССР за исторический роман «Раскаты далекого грома» о Бзиюкском восстании в XVIII веке. Высокую оценку роман получил у читателей и критиков.

Еще ранее, в 70-е годы И. Машбаш обратился к теме истории адыгов. Им, поистине самым продуктивным из адыгских прозаиков, создана внушительная серия исторических романов: «Тропы из ночи»; «Из тьмы веков»; «Восход и закат»; «Адыги»; «Графиня Аиссе»; «Раскаты далекого грома»; «Лазутчик»; «Два пленника»; «Жернова»; «Хан-Гирей»; «Изгнание»; «Чужие среди чужих» и др.

Большинство романов И. Машбаша исследованы в монографии Аллы Цукор «С болью о прошлом, с надеждой на будущее» [Цукор 2018.] Название книги символично, оно передает основную моральную установку автора, реализованную в его исторических романах, посвященных разным периодам истории адыгов, начиная с древнейших времен. И. Машбаш освещает наиболее сложные, часто трагические эпохи, когда решается судьба народа. Исторические романы И. Машбаша, созданные в последние годы, настолько востребованы адыгами, живущими на исторической родине и в зарубежных диаспорах, что уже читатель «требует» от писателя освоения той или иной темы, которая может ликвидировать «белые пятна» нашей истории. Растет обратная связь читателей с писателем. Свидетельство тому – роман «Дорога смерти», изданный совсем недавно. Есть масса откликов на произведение, но критика еще не успела основательно проанализировать роман, поэтому мы, не претендуя на окончательность своих суждений, обратимся к нему «по горячим следам».

Роман посвящен историческому событию, Канжальской битве (1708 г.), произошедшей в Кабарде между адыгами и войсками Крымского ханства, подкрепленными частью турецкой армии. Отношения Крымского ханства и адыгов были сложными и напряженными в течение длительного времени. Если западные адыги были вынуждены искать мирных отношений с опасным воинственным соседом, за которым стояла мощь Османской империи, то Кабарда успешно проявляла строптивый характер и нередко оказывала мощное сопротивление всяческой экспансии. Крымские татары часто совершали разорительные набеги на Северный Кавказ, облагали местные народы непосильной данью, забирали молодых людей, мальчиков, девочек, уводили скот. Однако окончательно утвердить свою власть они не могли.

В самом начале романа И. Машбаш дает краткую характеристику территории проживания адыгов, составу населения, их положению. Здесь же речь идет о сложных и зачастую трагических взаимоотношениях с Крымским ханством, в частности о бесчинствах пришельцев за данью, в частности, калги Шахбаз-Гирея в Бесленее (Он обесчестил сестру братьев-князей Каноковых, за что был убит ими), в 1707 г. крымский хан Менгли-Гирей, пришедший в Кабарду с многочисленным войском дошел даже до унижения князя Атажукина (На возражения князя о непосильной дани хан высыпал горячий пепел из трубки ему на голову). В свою очередь, данникам удалось убить ночью представителей крымских пришельцев в семьях кабардинцев, в которых они останавливались. При последнем наезде крымские татары решили ужесточить поборы и отомстить за предыдущее сопротивление, поэтому количество их войск было огромным.

О серьезной подготовительной работе И. Машбаша к написанию романа «Дорога смерти» (Попутно отметим, что И. Машбаш удачно находит названия своих книг и произведений, которые соответствуют их содержанию) свидетельствует список исторических исследований, авторы которых указаны на с. 5. Писатель посетил места сражений, изучил маршруты движения войск неприятеля, собрал полевой материал, данные фольклора.

И. Машбаш уделяет особое внимание оригинальному построению сюжета в своих произведениях. И в данном случае он нашел интересный сюжет и продуманную композицию. Как и в других романах, здесь в сносках автор использует выдержки из исторических документов для подтверждения правдивости описываемых событий и суждений автора. Это один из принципов сближения художественной правды и правды жизни.

Писатель следит за соответствием текста и требованиями историзма в художественном тексте, что убеждает читателя в подлинности описываемых в произведении событий.

Опорным, главным персонажем, вокруг которого группируются другие действующие лица в романе, является Кургоко Атажукин, бывший в тот период

верховным князем Кабарды. Его романтный образ – несомненная удача писателя. Верховный князь Кабарды наделен чертами, соответствующими национальному характеру адыгов, кодексу адыгского этикета. Мысли, поведение, действия Кургоко Атажукина продиктованы его высоким положением в обществе и осознанием своей ответственности за происходящее.

Кургоко Атажукин много из своих мыслей, тревог, сомнений хранит внутри себя, и это психологически оправданно, ибо народ, гарантом безопасности которого он является находится в сложном историческом положении. Князь должен вселять уверенность в людей, которые должны отстаивать свободу перед многочисленными захватчиками. Ему необходимо также объединить усилия всех адыгов независимо от племенного происхождения и княжеской междоусобицы. В этом направлении К. Атажукин провел огромную работу, проявив незаурядные способности в переговорах с разными представителями разрозненных адыгов и соседних иноязычных народов.

Особое место в системе персонажей романа занимает образ мудреца Джебаги Казаного, к которому во многом прислушивается К. Атажукин.

В романе И. Машбаша среди персонажей есть образы, имеющие реальных исторических прототипов, представителей адыгов, турков, крымских татар. Они представлены в контексте истории своего общества. Их национальные характеры обрисованы с учетом реальной действительности, в которой живут и действуют. Немало и персонажей созданных творческим воображением автора.

В романе персонажи находятся в постоянном движении, в длительных поездках, при которых они обмениваются интересными рассказами, притчами. Они оживляют сюжет и органично подчинены основной идейной канве повествования. Писатель удачно использует средства создания индивидуальности каждого из героев, благодаря чему в романе выведена целая масса образов, оригинальность каждого из которых отмечена колоритными портретными описаниями и языковыми характеристиками. Особо следует отметить богатство языка автора и языка персонажей, которое исходит из того, что И. Машбаш до обращения к прозе достиг высокого уровня поэтического слова в своей поэзии. Великолепны и пейзажные зарисовки, присутствующие почти во всех главах романа.

Роман заканчивает коротким рассказом о самой битве, без натуралистических сцен. Батальные сцены не занимают центрального места, ибо автора интересует не столько живописание исторических событий, а духовная сторона явления. Автор боле подробно сообщает о том, как хоронят погибших – как и со стороны врагов, так и из среды защитников. Эта картина поистине символична и ее гуманистическое содержание оказывается неподвластным ни времени, ни пространству. Хоронят тех и других отдельно, но молитву читают за всех. Писатель ссылается на моральные устои адыгского этикета, основанного на человечности, на высших принципах духовности, которые, в отличие от политических предпочтений вечны.

Интересно и послесловие, в котором И. Машбаш поведал историю о том, что случилось с оставшимися персонажами после тех событий. Это тоже было новым в нашей романистике. Как и в других романах, как верно заметил писатель, на «его кинжале нет крови», он за мир и дружбу между народами. Роман «Дорога к смерти» – значительный вклад в адыгскую прозу.

Подводя краткий итог сделанному обзору, мы можем констатировать, что историческая проблематика в адыгских литературах прошла в своей эволюции этапы от фактографии и идеологической ангажированности до философски-гуманистического осмысления действительности в ее отношении от прошлого (порою достаточно отдаленного и даже мифологизированного) до настоящего со всем сложным клубком проблем современной действительности, в которой невозможно разобраться объективно без исторического и художественного мышления

Источники и литература

1. Баков Х.И. Античные мотивы в кабардинской литературе. (Трагедия Б. Утижева «Эдип» в критике) // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2009. № 3. С. 144–152.
2. Баков Х.И. Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик, 2010. С. 256–324.
3. Баков Х.И. О творческой судьбе черкесского романиста Халида Абукова / Вестник АГУ, 2018. № 1. Майкоп. С. 111–116.
4. Машбаш Исхак. А что там, за горизонтом? Майкоп, 2012. С. 300–303.
5. Шакова М. Шортанов Аскерби Тахирович / Писатели Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2003. С. 425.
6. Цукор А.И. С болью о прошлом, с надеждой на будущее. Майкоп, 2018. 351 с.

PROBLEMS OF THE HISTORY OF ADYGS IN THE LITERATURE (the experience of creativity of A. Keshokov, I. Mashbash, B. Utizhev, M. Adzinov)

Bakov Hangeri Ilyasovich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Sector of the of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

In the article, for the first time, in the comparatively typological terms, the novels of the Adyghe writers: Alim Keshokov, Tembot Kerashev, Askerbi Shortanov, Ishaq Mashbash, the Russian-speaking Circassian writer Mukhamed Adzinov, and the dramas of Boris Utizhev, who dedicated their works to the subject of the complex and to the subject of the difficult subject to the subject of the complex and to the subject of the difficult subject in the subject of the complex and in the same story to the subject of the difficult subject in the subject of the complex of the subject of the complex in the subject of the subject of the complex in the subject of the subject of the complex to the subject of the complex and in the world of the masters of the art of the Umizhev Adventure. Adygei and Kabardians. Particular attention is paid to the problem of historicism in the works of these artists of the word, issues of skill presented by writers. It is noted that in the first decades of the evolution of the newly-written literatures of the peoples of the North Caucasus, historical-revolutionary novels, the subjects of which were of the same type, took an inordinate amount in the literary process.

Major prose in these literatures has reached a higher level since the 60s of the twentieth century, due to the fact that during this period T. Kerashev, A. Keshokov, A. Shortanov, I. Mashbash revealed their bright creative individualities. The most fruitful of them is I. Mashbash, who published twenty novels dedicated to different periods of the history of the Circassians.

This article focuses on the study of his latest novel, *The Road of Death*, published in 2019. It is dedicated to the Battle of Kanzhal in 1708 between the Circassians and the troops of the Crimean Tatar Khanate, robbing the North Caucasian peoples and imposing an exorbitant tribute. It is noted that the writer has managed to create convincing national characters of characters with real prototypes, of which the image of Kurgoko Atazhukin is the undoubted success of the writer.

The tragedy of B. Utizhev «Oedipus» (the creative fate of the work is revealed), «Tyrgatao», etc. are subjected to a detailed analysis. The article also speaks about the novelty of the plot of M. Adzinov's novel «The Unconquered». Noted in the features and patterns of the novels of each of the aforementioned authors.

Keywords: Historicism, plot, image, national character, evolution, innovation, historical novel.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-116-123

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАК ПРОТОТЕКСТ «ДРЕВНЕЙ ПОЭМЫ «КАРЧА» МАГОМЕДА ХАБИЧЕВА

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

В статье рассматривается тематически маркированный историко-этнографический и фольклорно-мифологический материал, ставший прототекстом для лиро-эпической поэмы «Карча» карачаевского ученого, поэта-фольклориста М. Хабичева (1930–1993). В произведении, охватывающем временной промежуток от конца XIV в. (нашествие Хромого Тимура на Северный Кавказ) до XVIII в. (эпоха Просвещения), главный герой Карча представлен как трансисторический персонаж, чьи смелые социально-политические проекты по консолидации разрозненного этноса и обретению национальной независимости реализуются через деятельность его потомка с аналогичным архетипическим именем. Такая номинологическая константа обусловлена этнокультурной традицией в экстремальные моменты народного бытия апеллировать к ключевому эпическому герою, культивировать его имя, как символ базовых ценностей. В поэме М. Хабичева старший Карча и младший Карча связаны не только кровно-родственными узами, но и общими гуманистическими идеями утверждения мира на Северном Кавказе и всей планете. Важное место в статье уделяется расшифровке ключевых образов, в частности, «подушки с душицей», символизирующей преданность человека своей Родине.

Ключевые слова: фольклор, исторические предания, прототекст, поэма, сюжет, Магомед Хабичев, Карча.

Процессы, связанные с планетарной глобализацией и ускоренной модернизацией, в XXI столетии актуализировали задачу сохранения российской культурной идентичности – «задачу, по своей витальной значимости сопоставимую с вопросом государственной безопасности» [Художественный опыт... 2017: 9]. При этом вполне логична мысль о том, что Россия, состоящая из множества культурных идентичностей, заинтересована в их объективизации, поскольку «в оркестре человечества каждый народ, как инструмент, ценен незаменимостью своего умения» [Гачев 2003: 239].

Определенное место в этом полиэтническом «оркестре» занимает и карачаево-балкарская культура, отличающаяся своей многосоставной корневой системой. До сих пор до конца не проясненными остаются проблемы этногенеза карачаевцев и балкарцев, ареала их бытования, соотношения автохтонно-кавказских и тюркских элементов в процессе формирования народа. По сложившейся научной традиции комплексом всех этих вопросов занимаются такие научные дисциплины, как история, этнография, археология, генетика, социология, география. Однако, на наш взгляд, недооцененной областью остается национальный фольклор, в частности, исторические предания, способные пролить дополнительный свет на этническую картину бытия, объяснить некоторые темные и запутанные места локальной истории. Как справедливо отмечает К.К. Султанов, «освобожденная от идеологических ограничителей, историческая память явно переросла функцию

одного из источников исторической достоверности, превратившись не только в доминирующую форму репрезентации прошлого, но и в движущую силу самоидентификации» [Султанов 2017: 4].

Основной целью данной статьи является генерализация и научный анализ существующих на сегодняшний день исторических преданий о Карче – «отце-основателе» карачаевской ветви данного этноса. Актуальность подобной работы продиктована необходимостью системного описания тематически маркированных фольклорных источников и соотнесения их с историческими данными для разведения по сторонам объективной правды и наслоений художественного вымысла.

Материалом для исследования в настоящей статье послужили фольклорные предания о Карче [АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 1; АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 2; Алейников 1983; О человеке... 2006; Тебуев 2019], беллетризованные произведения [Кагиева 1994; Хасанов 1994; Батчаев 2012], а также труды некоторых кавказоведов [Алиев 1991; Глашев 2005; Карачаевцы. Балкарцы 2014] и фольклористов [Малкондуев 2005; Малкондуев 2015 и др.]. Названные авторы, при всех прочих несовпадениях, едины в факте исторической достоверности существования в евразийском ареале легендарного человека по имени Карча. Другими словами, соблюдается жанровый принцип, отмеченный Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой): «главные действующие лица преданий – реально существовавшие люди» [Гулиева (Занукоева) 2015: 30].

В фольклорном сознании балкарцев и карачаевцев бытуют различные исторические предания, легенды, песни, связанные с именем Карчи. Поэт, ученый-фольклорист и языковед Магомед Хабишев на протяжении многих лет собирал этот разрозненный материал о «великом горце» и на его основании создал лиро-эпическую поэму «Карча», которой сам же в названии наделил определением «древняя». По словам автора, его информаторами стали более 500 человек, среди которых числятся народные поэты Касбот Кочкаров (1834–1940), Исмаил Семенов (1891–1981), а также известный прозаик Осман Хубиев (1918–2001). Произведение было опубликовано 21 декабря 1996 г. на страницах газеты «Карачай» с авторским предисловием, где поэт признается, что «специально стилизовал весь текст под народную песню, чтобы музыкальный напев воодушевлял людей» [Хабишев 1996: 3].

Поэма начинается с традиционного зачина:

*Бурун-бурун, бек эртде кёзюледе, орайда!
Тюн Кавказы тауларында, тюзлериnde, орайда!
Тау башлада, суула бойну джерледе, орайда!
Тау халкъ джашай эд къалалада, элде, орайда!*

[Хабишев 1996: 3].

*Давным-давно, в очень древние времена, орайда!
Среди вечных гор и степей Кавказа, орайда!
На вершинах гор, на берегах рек, орайда!
Жил горский народ в крепостях, селениях, орайда!*

(Подстр. пер. автора статьи)

Далее автор описывает идиллическую жизнь горцев Северного Кавказа у подножия горы Минги-тау (Эльбрус), где они пасли скот, строили дороги, направление мелких ручьев разворачивали к своим огородам, плавил медь, железо в плавильных котлах. Затрагивается здесь и тема международной коммуникации – горцы тесно общались с Грузией, Арменией, Азербайджаном, Турцией, Персией, арабским миром, Россией и другими странами. Была развита и практика международной кооперации, судя по тому, что «Все новое воспринималось сознанием горцев, // И мастеров они приглашали отовсюду» [Хабишев 1996: 3].

Трагическим временем, когда появились злые, низшие силы, готовые проглотить «арбу народной истории» [Хабичев 1996: 3], автор называет конец XIV в., связанный с нашествием Хромого Тимура на Северный Кавказ. В полном соответствии со стилистикой народных преданий автор описывает сцены как героической обороны горцев, так и зверств, чинимых иноземными агрессорами. Далее поэт переключает свое внимание на пленников и крупным планом описывает трехпоколенную семью, состоящую из белобородого старика Карчи, пытающегося и в изгнании сохранить ядро народа, его покалеченного в боях сына Иналука, жены Иналука – сладкоголосой, черноглазой *Карылгач* (Ласточки), а также новорожденного мальчика, названного в честь деда Карчой.

Согласно версии М. Хабичева, карачаевский отряд пленников был оставлен наместниками Хромого Тимура в Крыму, на одном из берегов Черного моря. Бесправные горцы на чужой земле стараются сохранить свои культурные традиции – данный мотив в поэме подчеркивается сверхчутким отношением старого деда Карчи к своему маленькому внуку Карче, который с охотой учился играть на свирели, народной гармошке, пел старинные карачаевские песни.

Смысловым центром всех преданий о Карче является эпизод с «травяной подушкой», который определяет собой новый виток национальной истории Карачая. Это тот самый тематический инвариант, который при всех прочих меняющихся, ускользающих элементах фольклорно-исторических преданий, с постоянством этно-поэтического архетипического образа воспроизводится во многих легендах, преданиях и сказаниях о Карче.

По сюжету в один из дней юный Карча обращается к своему дедушке с вопросом: «Акка, что находится в этой подушке? Я чувствую запах какой-то травы» [Хабичев 1996: 3]. Дальнейший откровенный разговор между дедом и внуком имеет этноонтологическое значение, поскольку от старшего поколения к младшему транслируются важнейшие ценности духовного порядка, связанные с извечной верностью земле предков, культом старших, стремлением к свободе и независимости.

Как народным сознанием, так и художественным сознанием поэта здесь обыгрывается сходство двух слов «*Къарачай*» (ареал обитания народа) и «*къарашай*» (душица). Флористический вегетативный образ становится семиотической единицей, через метафизику запаха выражающей беспредельную любовь человека к родной земле. Это довольно сильный художественный образ, показывающий, что Родина – это не только абстрактно-духовное понятие, но и природная колыбель, с которой любая личность оказывается связанной всеми мыслимыми сенсорными нитями. Пахучая трава, по мнению Карчи, должна стать проводником и навигатором для карачаевских пленников, стремящихся вернуться с берегов Черного моря на историческую родину. Недаром он говорит своим соплеменникам, указывая на пучок травы: «Это карашай, он укажет вам путь к Архызу, // Это наше имя, наш народ, наша земля, наше будущее» [Хабичев 1996: 3]. Предводитель народа признается, что, вынужденно покидая родину под прицелом тимуровских захватчиков, он забрал с собой охапку травы «карашай», чтобы она своим ароматом не давала пленникам забыть о родине.

*Джастыкъдан чыгъаргъан эд къарашайны, орайда!
Ийисгетди, эсге салды Къарачайны, орайда!
Юй ичини ханс тюрлендирди джыйысын, орайда!
Кючледи Къара чораны мыйысын, орайда!*

*– Мен ёлсем да, сиз ёлмейин джашарсыз, орайда!
Муну бла Къарча тебени табарсыз, орайда!
Халкъыбызны бирикдириб башларсыз, орайда!
Керек кюнде болушлукъга чабарсыз, орайда!*

[Хабичев 1996: 3].

Он вытащил из подушки карашай, орайда!
Дал понюхать, напомнил Карачай, орайда!
Внутри дома трава изменила запах, орайда!
Запах травы завладел мыслями Кара-чоры*, орайда!

– Если я и умру, вы, не погибнув, будете жить, орайда!
По нему найдете холм Карчи, орайда!
Наш народ объединять начнете, орайда!
В нужный день на помощь поспешите, орайда!

(Подстр. пер. автора статьи)

Справедливости ради укажем, что мотив с сакральной травой повторяется и в романе карачаевской писательницы Назифы Кагиевой «Карча». Однако на этот раз используется образ *залыктылды* (рододендрона), произрастающего в окрестностях Эльбруса [Кагиева 1994: 141].

Все дальнейшее повествование в поэме представляет собой художественный квест, т.е. «долгую дорогу домой» молодого Карчи вместе со своей этносоциальной группой. В этой связи весьма любопытно обращение к разделу «Уход-и-Возврат» в монографии британского историка А.Дж. Тойнби «Постижение истории», где автор на основе изучения многочисленных фактов локальных цивилизаций пришел к выводу о том, что прогресс чаще всего обеспечивается наличием в обществе «сильной личности», лидера, прокладывающего новый путь. Ученый пишет: «Чтобы феномен трансференции действия имел место, необходимо, чтобы в индивидуальной или коллективной биографии, в которой будет совершен творческий акт ответа на брошенный вызов, существовал аналог такой трансференции. И этим реальным аналогом является движение ухода и последующего возврата. Уход-и-Возврат, таким образом, можно рассматривать как «двухактный» ритм творческих актов, составляющих процесс роста» [Тойнби 2002: 270].

Сам Тойнби, подтверждая правомерность схемы «Уход-и-Возврат», приводит факты биографий нескольких общепризнанных творческих личностей, которые обязательно сначала переживают какой-то период отшельничества или изгнания, чтобы, после духовного просветления и обретения новых знаний, вернуться на родину для совершения определенной культурной революции. Среди таких «творческих пионеров» [Тойнби 2002: 269], автор называет Бенедикта Нурсийского, Сиддхартху Гаутаму, пророка Мухаммеда, Макиавелли и др.

По всем атрибутивным признакам Карча может быть вписан в приведенный типологический ряд, если учесть «контрольные» факты его биографии: в младенчестве он с частью своего народа был принудительно разлучен с родным краем, в инокультурной среде обогатил свой разум новыми знаниями, помноженными на мудрые уроки родного деда. В строгом соответствии с маршрутом «вегетативной подушки» Карча и его подвижники возвращаются на Кавказ, узнавая братьев по крови и духу. Его путь пролегает через разноплеменные поселения, пастушеские станы, ущелья, горы. Вторая часть поэмы М. Хабишева изобилует географическими названиями вплоть до микротопонимов Карачая и Балкарии (Эльбрус, Бештау, Нарсана, Элкуш, Ташкёпюр, Теберда, Учкулан, Джегута, Мара, Учкёкен, Кызыл-Кала, Лаба, Морх, Инджик, Верхняя Балкария, Чегем, Хулам, Безенги, Басхан, Элджурт и др.).

Все его действия направлены на идентификацию собственного родного края, обозначение ближайших соседей, установление с ними миролюбивых отношений.

*Билимли Къарча баргъан джерини белгисин, орайда!
Кенг къагъытха тюшюреди къалдырмай, орайда!*

* На наш взгляд, здесь произошла опечатка и имелось в виду «Карча-чоры». *Карча* – имя героя, *чора* – воин; труженик [Ахматова 2009: 132].

*Тауну, сууну, джер хазнадан билгенин, орайда!
Къоймайды ол джер суратха алдырмай, орайда!*

[Хабичев 1996: 4].

Всезнающий Карча знаки ступаемой земли, орайда!
Без остатка переносит на широкий лист бумаги, орайда!
Горы, реки, все, что знает о земных угольях, орайда!
Не оставляет, на ту карту земли не нанося, орайда!

(Подстр. пер. автора статьи)

Сравнительно-сопоставительный анализ исторических преданий позволяет вычлени из них то, что принято называть константами и контекстами, т.е. постоянные, неизменяющиеся элементы текста и «факультативные», произвольные. К постоянным, вне всякого сомнения, можно отнести фигуру самого Карчи, состав его семьи, историю с «душистой подушкой», схему «Уход-и-Возврат». Разночтения же обнаруживаются в идентификации основного географического маршрута Карчи, уведенного из Северного Кавказа войсками Тамерлана (по версии Батчаева хана Бату, внука Чингизхана [Батчаев 2012: 354]). По версии М. Хабичева, это Крымский полуостров [Хабичев 1996: 4], Н. Кагиева «уводит» его в Египет [Кагиева 1994: 5], Ш. Тебугев – в Среднюю Азию [Тебугев 2019: 154]. В ряде текстов мотив увоза Карчи с исторической родины и, соответственно, возврата отсутствует. В них он предстает человеком, прибывшим из неизвестного края, но пришедшим со стороны Кара-Су (версия Макитова Локмана) [АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 1], из Крыма (версия Фатугева Романа) [О человеке... 2006] или Турции (версия Тебугева Оюса) [АИГИКБНЦРАН. П. 11. П. 2].

В этом контексте определенный интерес вызывает историческое предание, зафиксированное карачаевским поэтом Ш. Тебугевым «*Эсде къалгъан хапар*» («Предание, оставшееся в памяти»), косвенно проливающее свет на малоисследованный вопрос о странствиях Карчи. Сказитель переносит читателя в Казахстан, во времена депортации (1943–1957 гг.). Однажды возле саманного домика Тебугевых остановилась кибитка, откуда вышел одноногий узбек – мастер на все руки. Хозяйка дома предложила ему починить старинный сундучок, привезенный с Кавказа. Старик на некоторое время поселился в гостеприимном карачаевском доме и в один из дней поведал такую историю. «Я очень хорошо знаю ваш народ. Часть ваших людей еще в XIV в. в качестве пленников наш Тамерлан привел в Среднюю Азию, их потомки до сих пор живут с нами. Раньше их называли «аланами», но теперь мы их зовем «белыми узбеками». Я с детства знаком с вашим сказанием «Карашауай», знаю, как нарты боролись с эмегенами. Мы их называли «сказания белых узбеков». А еще я знаю, почему вас называли карачаевцами. Среди пленников, которых привел Тамерлан, был один сильный воин по имени Карча. Здесь он в одно время верой и правдой служил Тамерлану, но в подходящий момент забрал часть сородичей и вернулся на родину. Он сумел объединить горсточку «возвращенцев» с выжившими соплеменниками на родине и фактически заново воссоздать костяк карачаевского народа» [Тебугев 2019: 155].

Приведенный нами документальный рассказ о среднеазиатской (узбекской) биографической страничке Карчи находит подтверждение и у профессиональных историков. В 2005 г. в Нальчике при содействии Президента Московского общества востоковедов, главного редактора «Тюркологического вестника» Ахмата Глашева были опубликованы фрагменты «Булгаро-хазарской летописи», где встречается следующая информация: «Хан Тамерлан напал на Караджурт, на земле Бештау. Уничтожил большое количество хазарских куман, алан, ногайцев и татар. Много парней и девушек увел в Бухару. Они прошли много дорог, в пути умерло много людей. Угнанных продали в рабство на севере и юге Бухары, на земле Кашгар и Комул...». Далее повествование ведется со слов скриптора: «Карча сообщил

нам, что хочет вернуться на родину в Караджурт. Карча, Баллиу, Джантуган, Барлыуу, Кюлсунай, Конджак, Науруз, Турам, Аттуркай, Будууан с женами и детьми (всего 200 человек) двинулись в путь. Из крепости Карасуу пришли в Тьмутаракань, оттуда (через Керченский пролив) перешли в Сибилти. На берегу Кубани у мастыков, осевших у айдыков из племени кипчаков, ночевали два дня. Потом гостили на берегу реки Дженлик, в крепости Элтурук у тауказов. Там провели всю зиму. В этой местности тауказов у карачаевских алсунаров из племени алан после нашествия Тамерлана осталось 33 двора» [Глашев 2005: 25].

Важный вклад в увековечение имени Карчи внес выдающийся русский кавказовед и учитель Карачаевского горского училища М. Алейников, который в конце XIX в., следуя призыву редакции «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», собирал местный фольклор и публиковал в российских этнографических журналах. Предание «Карча» он издал в указанном сборнике в 1883 г. в Тифлисе.

«Карча считается родоначальником карачаевцев. Некогда с небольшим своим племенем он вышел из Крыма и после долгих скитаний поселился на одном из верховьев р. Баксана, где прожил, никем не замеченный, около шести лет», – так начинает свое повествование М. Алейников [Алейников 1983: 103]. Далее, по сюжету Карча надумал построить мост через Баксан. «Жившие внизу кабардинцы, увидев плывущие по реке щепки, немало удивились и донесли об этом своему князю Кази» [Алейников 1983: 103]. После многочисленных коллизий социально-политического характера, «Карча, не желая более оставаться на Баксане с такими беспокойными соседями, переселился в ущелья верховьев Кубани» [Алейников 1983: 105]. В обнаруженных нами фольклорных и беллетризованных преданиях о Карче можно найти определенные разночтения и вольности в трактовке хромотопа, т.е. географических и временных координат, но лейтмотив с «щепками в речной воде» – еще одна интересная этнокультурная константа, прежде всего, показывающая, что кабардинцы занимали «лесостепную и степную полосу у входа в ущелье» [Малкондуев 2005: 50], а горцы (карачаевцы и балкарцы) – верхнюю, альпийскую часть. Сходная мысль содержится и в стихотворении Алима Кешокова «Кайсыну Кулиеву»:

Мы пили воду из Чегема:
Ты наверху, а я – внизу.
И нам с тобой дарило небо
Одну зарю, одну грозу

[Кешоков, Кулиев 1974: 16].

Решительный уход Карчи с верховьев реки Баксан в новую среду обитания со своими соплеменниками и создание на Кубани отдельного централизованного поселения специалистами трактуется не только в конкретно-событийном, но и расширительно-символическом смысле. Так, кавказовед Х.И. Суюнчев в предисловии к книге Н.И. Хасанова «Карча. Тайны веков» отмечает, что «это был очень важный период завершения отпочкования карачаево-балкарцев из среды родственных тюркоязычных народов и других соседних племен как самостоятельного этноса» [Хасанов 1994: 4].

В Карачае и Балкарии с именем Карчи связаны многие топонимы, по которым можно определить траекторию его передвижений по региону. Часть их приводится в книге С.А. Хапаева «Географические названия Карачая и Балкарии». Например:

«КЪАРЧА-ДЖУРТ /КАРЧА-ДЖУРТ/, поселение, часть современного аула Карт-Джурт; *Карча* – антропоним; *джурт* «поселение».

КЪАРЧА-КЪАЛА /КАРЧА-КАЛА/: 1) уроч., верш. и городище близ пос. Архыз; 2) развалины башни (замка) в бывш. Кар. селе Эль-Джурт в 2 км выше гор. Тырныауза близ автотрассы; 3) остатки башни близ селища Тура-Хабла

в В. Балкарии; 4) название цитадели в В. Балкарии (совр. название Болат-Кала); 5) одно из названий башни Амирхан-Кала; *Къарча*, по легенде, предводитель и родоначальник владетельных родов карач. народа; *къала* «башня», «крепость».

КЪАРЧА-КЪОЛ /КАРЧА-КОЛ/, название хребта м/у Чегемским и Безенги-Холамским ущельями; *Къарча* – антропоним; *къол* «хребет».

КЪАРЧАНЫ-ТАШЫ /КАРЧАНЫ-ТАШЫ/: 1) гигантский валун на лев. бер. р. Уллу-Кам; 2) камень в Баксанском (Басхан.) ущ.; *Къарча* – и. собств.; *таш* «камень».

КЪАРЧАНЫ-ЮЙ-ОРУНУ /КАРЧАНЫ-ЮЙ-ОРНУ/, местн. у нижн. окр. пос. Тегенекли; *Къарча* – антропоним; *юй* «дом»; *орун* «место».

КЪАРЧА-ОБАСЫ /КАРЧА-ОБАСЫ/, местн. рядом с кварталом Тоторкуловых в а. Хурзук, где, согласно народным преданиям, в склепе были похоронены Карча и его супруга.

КЪАРЧА-ТЕШИК /КАРЧА-ТЕШИК/, пещера в В. Балкарии; *Къарча* – и. собств.; *тешик* «щель», «пещера».

КЪАРЧА-ТЁБЕ /КАРЧА-ТЁБЕ/, местн. в Архызском ущелье; *Къарча* – антропоним; *тёбе* «холм» [Хапаев 2013: 244].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Карча – легендарная историческая личность, сыгравшая большую роль в консолидации этноса – занимает значительное место в фольклорно-литературном сознании карачаевцев. Не только в устном народном творчестве, но даже в некоторых исторических источниках он выступает как амбивалентный герой, являясь то современником Хромого Тимура (XIV в.), то просветителем XVIII в. Это и есть те самые «циклические процессы с повторениями», о которых пишет фольклорист А.М. Гутов в своей монографии «Константы в культурном пространстве» [Гутов 2011: 3].

Все эти противоречия преодолеваются и обретают художественную логику в лиро-эпической поэме Магомеда Хабичева, создавшего на основании многочисленных легенд и преданий пролонгированную родовую историю Карчи, где один из его потомков, как отличительный знак, носит унаследованное имя своего деда. Младший Карча в трансторической поэме М. Хабичева представлен как реформатор и законодатель нового времени с ярко выраженным государственным мышлением и дипломатическим даром. Свою основную миссию он видит в сохранении «отцовского очага» и обеспечении счастливого и мирного сосуществования с соседями по планете.

Таким образом, исследование доступных нам фольклорных и литературных текстов, в том числе древней поэмы М. Хабичева «Карча», позволило создать более расширенное, художественно преломленное представление о масштабе личности Карчи. Дальнейшая перспектива изучения вопросов, связанных с именем легендарного основоположника карачаевцев, видится в привлечении материалов из российских и зарубежных исторических архивов.

Источники и литература

1. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Балкарский фольклорный фонд.
2. Алейников М. Карча // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 103–105.
3. Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск: ПУЛ, 1991. 320 с.
4. Ахматланы С.С. Табийгъат сёзлюгю: Къарачай-малкъар-орус эм орус-къарачай-малкъар сёзлюк. Нальчик: Эльбрус, 2009. 144 б. (Ахматова С.С. Словарь природы: Карачаево-балкарско-русский и русско-карачаево-балкарский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2009. 144 с.)

5. Батчаев М.Х.-К. Карча – вождь свободных // Батчаев М.Х.-К. Солнце светит всем. М.: Эльбрусид, 2012. С. 353–364.
6. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Сходства и отличия. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
7. Глазиев Б.А. Летопись Карчи. Булгаро-хазарская летопись. Нальчик: Полиграфия, 2005. 60 с.
8. Гулиева (Занукова) Ф.Х. Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
9. Гуттов А.М. Константы в культурном пространстве. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
10. Казыйланы Н.М. Къарча. Роман. Черкесск. Къарачай-Черкес республиканы китаб басмасы, 1994. 240 б. (Казиева Н.М. Карча. Роман. Черкесск: Карач.-Черк. респ. кн. изд-во, 1994. 240 с.).
11. Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. 815 с.
12. Кешоков А.П., Кулиев К.Ш. Горской песни два крыла. Нальчик: Эльбрус, 1974. 64 с.
13. Малкондуев Х.Х. К истории карачаевцев XVI–XVII веков по фольклорным данным (Карча, Боташ, Адурхай, Трам и другие) // Исторический вестник. Вып. I. Нальчик: Эльфа, 2005. С. 48–78.
14. Малкондуев Х.Х. Песни и легенды о Карче и Боташе. Особенности повествовательных элементов // Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 80–115.
15. О человеке по имени Карча, о его друзьях и о стране, ими открытой // Мифы и легенды народов мира. Россия: Сборник. М.: Мир книги, Литература, 2006. С. 390–405.
16. Султанов К.К. Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах. М.: ИМЛИ, 2017. С. 4–48.
17. Тебуланы Ш.Ш. Эсде къалгъан хапар // Минги-Тау. 2019. № 2. Б. 154–157 б. (Тебуев Ш.Ш. Предание, сохранившееся в памяти // Эльбрус. 2019. № 2. С. 154–157).
18. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
19. Хабичев М.А. Древняя поэма «Карча» // Къарачай. 1996. 21 дек. № 98 (Хабичев М.А. Древняя поэма «Карча» // Карачай. 1996. 21 дек. № 98).
20. Хапаев С.А. Географические названия Карачая и Балкарии. М.: Эльбрусид, 2013. 576 с.
21. Хасанланы Н.И. Къарча. Ёмюрледен тахсала. Черкесск: ПУЛ, 1994. 512 б. (Хасанов Н.И. Карча. Тайны веков. Черкесск: ПУЛ, 1994. 512 с.).
22. Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии К.Ш. Кулиева (1917–1985 гг.). 27–29 октября 2017 г. Нальчик: Принт Центр, 2017. 360 с.

HISTORICAL TALES AS PROTOTEXT OF «ANCIENT POEM OF KARCHA» BY MAGOMED Khabichev

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

The article discusses thematically marked historical-ethnographic and folklore-mythological material, which has become a prototext for the lyric-epic poem «Karcha» by a karachay scientist, poet-folklorist M. Khabichev (1930–1993). In the work, covering the time interval from the end of the XIV-th century (the invasion of Lame Timur on the North Caucasus) to the XVIII-th century (the Age of Enlightenment), the main hero Karcha is presented as a transhistorical character, whose bold social-political projects to consolidate a disparate ethnic group and attain national independence are realized through the activities of his descendant with a similar archetypal name. Such a nominological constant is due to the ethnocultural tradition at the extreme moments of national life to appeal to the key epic hero, to cultivate his name as a

symbol of basic values. In the poem of M. Khabichev the elder Karcha and the younger Karcha are connected not only by blood-related ties, but also by common humanistic ideas of establishing peace in the North Caucasus and the entire planet. An important place in the article is given to decoding of key images, in particular, the «pillow with oregano», symbolizing man's devotion to his Homeland.

Keywords: folklore, historical tales, prototext, poem, plot, Magomed Khabichev, Karcha.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-124-132

НАРТСКИЕ ПЕСНИ АДЫГОВ: К ВОПРОСУ ЖАНРОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Ашхотов Беслан Галимович, доктор искусствоведения, профессор, проректор по учебной работе Северо-Кавказского государственного института искусств (СКГИИ), bashkhotov@mail.ru

Проблема жанрового определения в фольклористике до сих пор остается актуальной. Она приобретает особый смысл в связи с изучением песенного творчества в контексте многоцветной палитры, самоценности и самобытности каждой этнической культуры, а важнее всего, в неразрывном единстве слова и музыки, которые содержат парадигматику художественного самовыражения. В статье представлены различные классификационные принципы филологов и этномузыкологов в отношении стратификации эпических (нартских) песен адыгов.

Ключевые слова: адыгский фольклор, героический эпос «Нарты», эпические нартские песни (пшинатли), классификация жанров.

Фольклорное творчество как культурный текст концентрирует в себе сложную систему социокультурных кодов, которая отражает картину мира того или иного этноса. Подобного рода явление подразумевает необходимость системного подхода, интегрирующего знания в разных областях науки. В первую очередь это относится к согласованности представления и изучения о меняющемся во времени общем объекте исследования и нашим его пониманием. Излагая позицию наших представлений о жанровой упорядоченности фольклорных текстов в рамках различных исторических этапов их существования, масштабности содержательно-го аспекта, отражающего соответствующие им формы сознания, характеристики форм бытования и жизненные предназначения, мы учитываем мнение музыковеда Л.Е. Кумеховой. Она справедливо замечает, что для «сохранения и выявления идентификации... пестрой в стилистическом отношении кавказской музыкальной культуры, необходимо учитывать новые парадигмы этномузыкологии» [Кумехова 2007: 47]. Данная проблематика особо актуальной является для изучения сферы творческой деятельности человека, где ее многообразные стороны, порой, не располагая вербальным языком, воспринимаются на абстрактно-содержательном уровне, создавая сложности в осмыслении разноуровненности, векторной множественности, конкретизации частных и особенных признаков целого.

Рассматриваемая нами проблема жанровой дифференциации приобретает особый смысл в связи с изучением песенного творчества в контексте многоцветной палитры, самоценности и самобытности каждой этнической культуры, а важнее всего, в неразрывном единстве слова и музыки, которые содержат парадигматику художественного самовыражения. В данном направлении фольклористика выработала категории для дифференциации видов и форм устного народного творчества, которые, с одной стороны, имеют универсальные значения, но, с другой стороны, специфика и феноменология конкретных культурных традиций вносят дополнительные уточнения в трактовке отдельных специализированных терминов. Так, Е.Е. Васильева, имея в виду «избыточное значение» выражения «*типология*», уточняет: «Тип – категория систематики; типология – процесс его обнаружения, выявления,

описания или результат этого процесса» [Васильева: 10]. Далее исследователь по отношению к лексеме «*тирада*» (часть речи, в образном смысле – «монолог») пишет: «... мелострофа-тирада связана с функционированием эпических текстов. При этом система стихосложения, ее ведущие признаки не имеют значения, тирада уживается со стихом, разными способами и в разной мере организованными». Данное уточнение автора также свидетельствует о разнотечии термина «в области интерпретации» и в «собственно бытии» [Васильева 2009: 11].

Таким образом, приходится констатировать отсутствие четкой дифференциации в понятийном аппарате при изучении различных пластов фольклорного материала. Если вернуться к объекту нашего исследования, одной из важных причин подобных ситуаций можно считать сам подход, в котором в недостаточной мере учитывается разностадийность формирования текстов. Речь идет о древнейших эпосах (Гильгамеш, Махабхарата, Старшая Эдда, Нарты, Олонхо) и более поздних произведениях, датируемых нашим летоисчислением (русские Былины, Песнь о Роланде, украинские Думы). У каждого из перечисленных произведений не только свой особый мир образов, но каждое из них неповторимо структурной алгоритмикой и комплексом средств художественного выражения, что не всегда способствует общей универсализации форм характеристики.

Состояние и сложность разрешения данного вопроса представляется актуальным для исследователей народной песенной культуры, исходя из того, что ее анализом заняты представители разных направлений гуманитарной науки – филологии и этномузыкологии, методологические подходы которых порождены различными научными позициями. Главная причина такого разнотечия, как можно предполагать, восходит к первичной системе Аристотеля, в которой понимание искусства и литературы обозначены в виде трихотомического деления художественного текста на Эпос, Драму и Лирику. По крайней мере, у представителей отечественной филологической науки, занимающихся проблемами жанровой дифференциации, догмой стало формульное определение древнегреческого мыслителя, в котором народному словесному творчеству место не отведено. Подтверждением данной позиционной линии может служить и утверждение доктора филологических наук И.В. Кузнецова: «Общепринятая традиция, имеющая гегельянские корни, учит рассматривать жанр как очередную ступень классификации внутри *литературного рода*» (курсив наш – Б.А.) [Кузнецов 2002: 61].

Уязвимость рассматриваемой систематики, как нам представляется, заключена в том, что «общепринятая традиция» в целом опирается на художественные тексты, имеющие письменную форму происхождения. Поэтому коллизии в жанровом определении и возникают по причине непринципиальной трактовки исследователями *формы* и *содержания* синкретичной фольклорной песни. В данном вопросе убедительное понимание проявляет один из известных этномузыкологов современности И.И. Земцовский. Он в русле определения синтетической парадигмы в фольклорной песне находит близкие по смыслу выражения в трактовке терминов «форма» и «содержание», которые разъясняют «не только на уровне *макромира* (то есть... системы жанров), но и *микромира* (... системы выразительных средств)» (Курсив наш – Б.А.) [Земцовский 2006: 64].

В таком контексте можно упомянуть и о необычном, возможно, парадоксальном словосочетании «*лирико-эпический жанр*»¹, которое нередко как предикатное выражение используется в филологических работах. По нашему мнению, о нелегитимности данного определения можно говорить, во-первых, когда его рассматривают на категориальном уровне. Исходя из простой логики, было бы не совсем правильным в иерархическом смысле объединять два крупных *рода* по определению Аристотеля Эпос и Лирику для обозначения конкретного *жанра*, располагающегося на другой классификационной нише. С другой же стороны, как известно, фольклорное сознание устанавливает значительную временную дистанцию между

объективной народно-обрядовой поэзией, в том числе и эпическим нарративом, и индивидуально-субъективной лирикой. Так, в русском народно-песенном творчестве зарождение лирики как основы жанрового структурообразования относят к историческому периоду окончания татаро-монгольского ига (середина XV в.). Можно вспомнить и слова З.М. Налоева, впервые обозначившего аналогичное время в традиционной культуре адыгов: «... в XVIII веке произошло чрезвычайно интересное и исторически значительное событие – молодая кабардинка, потерявшая любимого мужа, запела о своем горе, о своей любви» (речь идет о песне «Каншоби и Гуашегаг») [Налоев: 61].

Но, столь же часто встречающееся, в том числе и в общем музыкознании, выражение *лирико-эпическое* в значении эпитета у нас не вызывает особого возражения, поскольку оно направлено на раскрытие семантики вербального текста и характера музыкального построения на высоком уровне художественного обобщения. Например, в музыке Третьего концерта для фортепиано с оркестром С.В. Рахманинова музыковеды зачастую находят лирико-эпический характер, а «Садко» Н.А. Римского-Корсакова отождествляют с жанром оперы-былины. Оба произведения в образно-стилистическом смысле адресуют нас к эпическому содержательному контексту. Чтобы внести бóльшую ясность в данном вопросе, приведем авторитетное мнение автора монографического исследования о русской протяжной песне. И.И. Земцовский пишет: «Если *лирика* была “всегда”, то *распев*, как ее (лирики), предположительно, “высшая” (то есть структурно наиболее развитая композиционно-стилистическая форма) – не всегда» [Земцовский 2006: 107].

Традиционно мифопоэтические материалы с включением и более поздних историко-героических песен, фольклористы-филологи определяют как целостный имманентно развивающийся эпический корпус, упуская из внимания различную музыкальную типологию, лежащую в их основе. Поэтому, когда предметом рассмотрения является эпический песенный текст, на наш взгляд, ошибочным представляется подобное свободное отношение к терминологическим категориям. В этой связи сошлемся на мнение ученого, справедливо занявшего высокий статус патриарха филологической русской школы XX столетия, В.Я. Проппа, который еще 1958 году отмечал важность эпического текста, предназначенного «не для чтения, а для музыкального исполнения» [Пропп 1958: 6]. В более поздний период он формулирует свою концептуальную характеристику фольклорного жанра, где «единство формы определяет единство содержания», однако, не указывая на самостоятельный характер эпического песенного жанра и исторической песни [Пропп 1976].

В более поздний этап развития фольклористики (90-е годы XX века) формируется коллективное филолого-культурологическое мнение авторитетных исследователей Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новика. По их определению «жанровая система есть проекция оценки содержания произведения: его достоверности, его временной приуроченности, его принадлежности и его адресации, его сакральности и его функции» [Мелетинский и др. 1994: 64]. Тем не менее, распространенная трактовка укрупнения устного повествовательно-песенного наследия у эпосоведов еще удивительно жива, в том числе у кавказских авторов, которые солидарно разделяют его на «старшее» и «младшее». В частности, придерживаясь данного классификационного принципа, адыгские исследователи в большой текстовый песенный массив включают архаические эпические (нартские) и историко-героические песни, сформировавшиеся на этапе раннего феодализма и сохранившие активное бытование вплоть до конца XIX века, в свою очередь тоже имеют сложное внутреннее членение. Это песни-плачи, песни-сетования, очистительные песни, песни изгнания (по народной терминологии «ИстамбылакIуэ» – «Дорога в Стамбул»), содержащие очевидные лирические признаки.

Отвлекаясь на некоторое время от основной линии нашего исследования, хотелось бы коснуться более локальной проблемы в адыгской фольклористике, связанной со значительным пластом, который получил распространенную в научной среде персонализацию как историко-героическая песня. Отмечая период возникновения и доминирующее их функционирование (XV–XIX вв.), З.М. Налоев данные тексты по типологическим признакам относит к лирико-героическим песням, появление которых связывает со временем, «когда эпическая традиция теряет свою творческую продуктивность», отмечая в ранних рассматриваемых песнях «некоторые черты эпических пшинатлей» [Налоев 1986: 5]. С одной стороны, данное мнение автора в отличие от непоколебимости филологической «установки» на цельное восприятие «старшего» и «младшего» эпосов достаточно ясно раскрывает важную мысль, указывающую на факт рождения нового жанра. Ученый дает достаточно полную характеристику поэтическим формам изложения, акцентируя внимание на синтаксические, морфологические, а в некоторых случаях и фонологические идентификационные особенности, не совпадающие с тирадной стилистикой в эпических текстах. Но, с другой стороны, в авторской классификационной версии З.М. Налоева все вышеназванные составляющие историко-героических песен рассматривает либо как *жанр*, *тип* или как *группа*, а в плачевых песнях находит несколько жанров. Во всех случаях он за основу берет единый принцип жанровой принадлежности – «лирико-героическую типологию», распространяющийся на весь фольклорный пласт, несмотря на его сюжетную пестроту и разнообразную музыкальную стилистику. Такое вольное использование важнейших терминов несистемного характера, на наш взгляд, запутывает логику научного дискурса, а выработанная система жанрового разграничения теряет свою актуальность. Резюмирующее значение неоднозначного отношения к классификационной проблеме исследователя выражено в следующих строках исследователя: «героические величальные и плачевые песни... являются... самой развитой группой жанров адыгской песенной лирики» (Налоев 1986: 34).

В отношении последней группы песен «младшего» эпоса А.М. Гутов справедливо замечает, что они ближе «по форме бытования к классу протяжных»², а по признакам архитектоники – к «экспрессивно-лирическим». Такая параллель, надо думать, у автора возникла далеко не случайно. Действительно, в традиционной песенной мелодике позднего исторического периода появляются небольшие интонационные сегменты, семантика которых отражает субъективные чувства и переживания человека, противоречащие объективному содержанию ритуально-синкретического характера напевов нартской песни. В целом, наверное, можно было согласиться с его аргументацией, что данное явление обусловлено непрерывным продолжительным развитием эпического (повествовательного) сознания в рамках социальных изменений адыгского народа, которые выстраиваются в «единую эволюционную цепь **со звеньями** (выделено нами – Б.А.) на протяжении нескольких веков» [Гутов 2018: 180].

В цитируемых словах А.М. Гутова, с одной стороны, просматривается общая филологическая тенденция укрупнения повествовательных песенных текстов, объединяющихся фабульностью содержания. С другой же стороны, «эволюционная цепь со звеньями» явно подразумевает новые текстовые образования позднего исторического периода со своими закономерностями сюжетосложения и музыкально-поэтическими выразительными средствами. Ведь в песнях этапа «младшего» эпоса значительно изменяется эмоционально-динамическая акцентуация самого повествования, не говоря уже о музыкальной стилистике в них. Как известно, именно в этот период (предположительно в XIII веке) происходят изменения в характере бытования живой фольклорной практики – постепенная смена мифопоэтического мышления на конкретно историческое восприятие

окружающего мира. Таким образом возникает новый фольклорный пласт, получивший общепринятое терминологическое определение как *историческая песня*³. Как нам представляется, сторонники дифференциации эпического наследия народа на «старшее» и «младшее» в большей степени ориентируются на их общий нарративный исток. Что же касается наличия в них некоторых сходных мотивов и смысловых словесных формул преимущественно в историко-героических песнях, они скорее обусловлены сакральным восприятием далекого прошлого народа, логически вытекающее из межпоколенной фольклорной трансмиссии.

Для подтверждения нашей принципиальной позиции по отношению к жанровой трансформации уместно привести одно «этномузыкологическое озарение» В.Я. Проппа, взятое нами из небольшой статьи И.И. Земцовского «В.Я. Пропп и этномузыказнание». В ней этномузыколог приводит слова тонкого исследователя фольклора в отношении напева эпической песни: «в известных границах (напев – Б.А.) целостен и неприменим к другим видам эпического творчества» [Земцовский 2006: 111]. Такое мнение ученого дает дополнительный повод для актуализации вопроса несоответствия типа фольклорного мышления со стилистикой напевов на важных этапах исторического развития этноса, что в известной степени затрудняет идентификацию музыкально составляющей этих песен. В этой связи позволим себе напомнить авторам по кавказоведению о фактах прочного бытования народной терминологии, указывающей на эпический жанр: «*пишинатль*» (адыгск.), «*кадаг*» (осетин.), которые имеют исключительную адресность к нартским песням и инструментальным наигрышам, тем самым закрепляя за ними маркированный признак жанра. Не учитывать такой важный фактор в жанровой систематике было бы глубоко ошибочным.

В этномузыкологии укрепились методология дифференциации фольклорных музыкально-поэтических текстов, направленная на распознавание многоярусной структурной иерархии на трех уровнях по принципу от общего к частному – *род, жанр, поджанровая группа*, где жанр, приобретающий централизирующую роль в классификационной системе, наделяется типичными свойствами. Это определение общей тематики вербального содержания, характеристика единого комплекса выразительных средств напева и текста и в широком контексте исходная форма бытования. В данном исследовании мы будем опираться именно на этот десятилетиями сложившийся опыт, эффективность которого подтверждается трудами выдающихся музыковедов-фольклористов и современных этномузыкологов К.В. Квитки, В.П. Гошовского, Э.Е. Алексеева, Е.В. Гиппиуса, И.И. Земцовского, И.В. Мациевского и др.

Попробуем представить основное содержание классификационной системы, общепринятой в этномузыкологии, в рамках которой будет адаптирован материал музыкальной Нартиады в целом, и в частности адыгские эпические песни. *Первый признак* жанра действует на уровне *вербального текста*, чаще подвергаемого вариативной изменчивости (при этом напев проявляет более консервативный характер) и, как следствие, обладает текстовой смешанностью. Данная константа носит внешний характер, указывающий на предполагаемое направление жанрового поиска. Для подтверждения такой ситуативности приведем пример русской народной песни «Отдавали молодую на чужую сторону», которую по тематике филологи-фольклористы обычно относят к свадебному обрядовому фольклору. Однако особенности ритмоинтонационного содержания, структурного соотношения текста и напева, в том числе и форма поэтической строфы, ясно указывают на признаки хороводной песни как напева-формулы, определяемой этномузыкологами как отдельный жанр.

Более существенным *вторым признаком* жанровой определенности текста песни является совокупность музыкальных средств выразительности, столь часто не учитываемая филологами. Именно они для исследователя становятся важным

аргументом идентификации напева песни, в которых отражается первичная функция жанра, тем самым сужая границы научного поиска. В данном случае понятием маркированности определяются: наиболее существенные отличия национального мелоса – декламационная стилистика напева, семантика звуковысотных отношений, типология мелодического развертывания; содержательный аспект формоструктуры, проясняющий приуроченность или неприуроченность фольклорного жанра, наличие или отсутствие диалоговости в многоголосии; выразительные свойства метроритмических модулей, временной характер соотношения акцентуации музыкальных и поэтических мельчайших структурных единиц песни.

Более полное жанровое воплощение фольклорного материала отражает *третий признак – форма бытования*, содержащая парадигматический ряд, свойственный каждому жанровому образованию. Это характеристика предполагаемого времени возникновения песни; свойственные ему особые музыкально-поэтические отличия, предопределяемые практической целесообразностью возникновения в фольклорной традиции; реконструирование характера бытования жанра в рамках различных социокультурных условий. Важным представляется и обнаружение стилистических черт новых жанровых образований, позднее возникших под воздействием естественного развития общества. Это может быть связано с изменением традиционной для жанра формы исполнения, в которой, как правило, трансформируется изначальная функциональная предназначенность, в том числе с изменением состава исполнителей и даже с исполнительской манерой.

Таким образом, герменевтический подход к анализу фольклорного материала в синхронном и диахронном измерении, может дать более ясную картину его функционирования с уточнением произошедших в нем изменений. Вышеприведенная жанроопределяющая позиция в этномузыкологии отражена в лаконичном изложении А.Б. Кунанбаевой: «... жанровая классификация наряду с содержанием должна, как минимум, учитывать и функцию, и поэтику, и музыкально-выразительные средства» [Кунанбаева 1989: 83].

Представленная нами система классификации с множеством уточняющих признаков жанра, кому-то покажется неубедительной, но, как подтвердили достижения музыкальной фольклористики, она оказалась универсальной системой, способной отразить особенные качества фольклорных процессов самодостаточных этнических культур. Известно, что в любой когнитивной системе знаний важная роль отводится выдающимся ученым, из умозаключений которых складывается общая национальная методология исследования. Однако, приходится констатировать, что ни один ученый не смог дать полную исчерпывающую характеристику жанровому явлению и эта, пожалуй, неразрешимая проблема объяснима самой природой объекта – в нашем случае это «живой» организм музыки устной традиции (термин Б.В. Асафьева) с разнообразными функциями, подвергающийся порой значительным изменением своей роли в жизни людей.

Возвращаясь к вопросу специфичности фольклорного жанра, отметим одну, давно сформировавшуюся особенность в изучении музыки, в том числе и музыки устной традиции. Например, в определении жанра тот или иной автор может избрать один или несколько, по его мнению, доминирующих признаков, по умолчанию базируясь на фундаментальных основах общепринятой системы. Избранный исследователем конкретный аспект в разной степени может объективизировать жанровую идентификацию: по назначению и содержанию вербального текста (общая филологическая позиция), типология содержания музыки (К.Г. Цукерманн), фактор структурного строения (Е.В. Гиппиус), «устойчиво повторяющийся тип музыки» (В.Н. Холопова), соответствие функции и структуры напева (Ф.К. Зеленгин). В отечественном музыкознании наиболее обобщенное определение конкретного жанра дает Е.В. Назайкинский: «Жанр – это многосоставная, совокупная генетическая (можно даже сказать генная) структура, своеобразная матрица, по

которой создается то или иное художественное целое». Он также в контексте развития самой системы выявляет «укрупняющуюся группировку жанров по определенным, притом все более общим признакам и критериям» [Назайкинский 2003].

Особого внимания заслуживает точка зрения выдающегося современного теоретика музыки В.Н. Холоповой, концепция жанра которой имеет системный характер. Категорию «жанр» она ставит во главу угла «в формировании музыкальной семантики... Ни одна другая искусствоведческая категория не может сравниться с этим лидером» [Холопова 2000: 211]. Наш скромный исследовательский опыт на материале песен-плачей (гыбызэ) адыгов, которые ранее рассматривались неоднозначно: как род, тип, жанр или форма, помог выявить их значение и роль стилистики в традиционной культуре народа. Музыкальные признаки песен-плачей (гыбызэ), присутствующие в различных жанрах, определили как особую стилистическую форму песни, передающей глубокие чувства и переживания [Ашхотов 2002]. Она во многих случаях сохраняет соответствующие психологическому состоянию героев песни «семантические единицы» (Б.В. Асафьев) – малосекундовые и секстовые интонации, окончания которых ниспадают к III ступени лада, либо к основному тону, а в тексте чаще используются экспрессивные слова и «вербализирующиеся» ассонансные образования, оказывающие порой неконтролируемое деструктивное воздействие на поэтическую строфику.

Проблема жанрового определения, преодолевая сферу научных изысканий и широкого обобщения, находит свое неожиданное место в пространстве записи песенных текстов, нотографии и издательской деятельности. В этом отношении рубеж второй половины прошлого столетия становится знаковым явлением для музыкальных издательств. Публикуемые ими нотные сборники народных песен начинают вызывать научный интерес все больше, благодаря новым методологическим подходам формирования печатной продукции, направленных на аутентичность нотного текста с реально звучащей музыкой в повседневной жизни.

Неоценимым достижением более точной проекции всех нюансов народной исполнительской практики в нотной графике является редакторская деятельность неординарного ученого Е.В. Гиппиуса. Ценность его подхода определяется тем, что он первый своевременно обозначил данный проблемный вопрос фольклористики и успешно его реализовал. Его принципиальная позиция заключалась в стремлении к раскрытию национальной специфичности фольклорного творчества различных народов с помощью достаточно условной письменной формы нотации. В созданной им системе аналитической нотации оказалось возможным отразить внутренний процессуальный характер формообразования напева народной песни, характер сочленения пластов многоголосной фактуры, определить алгоритмику метроритмического строения мелострофы. Очевидное преимущество инновационных принципов методологии аналитической нотации Е.В. Гиппиуса отражается в визуальном восприятии архитектоники композиционного строения народно-песенных жанров в различных этнических культурах – карельской, осетинской, мордвинской, адыгской, балкаро-карачаевской [Карельские народные песни 1962; Осетинские народные песни 1964; Памятники мордовского...; Народные песни ... адыгов 1980, 1981, 1986, 1990; Антология ... балкарцев 2015].

Аксиональное значение научного вклада Е.В. Гиппиуса в фольклористику выражается в его актуальных научных гипотезах, обоснованных теоретических выводах, лаконичных и глубоко научных формулировках, послуживших для других авторов своеобразным ключом для реализации поставленных ими сложных научных задач. В данном контексте Е.А. Дорохова и О.А. Пашина в своей юбилейной статье свои размышления адресуют ученому: «... целью любого этномузыкалогического исследования является не просто введение новых фактов в историю мировой культуры, но и определение их места в ней» [Дорохова, Пашина 2003: 4].

Свидетельством подобной материализации индивидуальных интеллектуальных мыслей Е.В. Гиппиуса стала одна из последних его работ – масштабная (четырёхтомная) антология «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов». Здесь ради справедливости следует отметить, что значительная предварительная работа, в том числе и по вопросам жанровой систематизации, была проведена специалистами Кабардино-Балкарского государственного института гуманитарных исследований во главе с заведующим сектором фольклора З.М. Налоевым. Ожидаемым результатом установившегося коллективного симбиоза, к которому подключились московские этномузыкологи Е.В. Гиппиус и А.С. Кабанов, стало издание антологии. В ней, на наш взгляд, в более отшлифованной форме отразилась авторская трактовка Е.В. Гиппиуса по дифференциации жанров, что и послужило демонстрацией креативных качеств его аналитической нотации в столь специфичном адыгском фольклоре. Так, том I охватывает весь обрядовый фольклор – песни и наигрыши, приуроченные к *определённым обстоятельствам* (первый уровень). Они подразделены на *жанры* (второй уровень): непосредственно связанные с трудом, опосредованно связанные с трудом, врачевальные, свадебные, детский фольклор, песни укачивания одряхлевших стариков, причитания по умершему. Во II том вошли *нартские пшинатли* (эпические песни), где в 7-ми разделах изложены циклы песен вокруг отдельного героя. В III томе представлены 2 книги с общим названием *героические песни*. Они в свою очередь условно разделены на *величальные* (часть 1) и *плачевые песни* (часть 2).

Такая подробность разноуровневных членений большого пласта традиционных песен адыгов даёт ясное представление о наиболее приемлемой системе классификации. В ней были учтены важные позиции дифференциации. Это – приуроченность-неприуроченность, функциональное предназначение, состав исполнителей, субкультурные версии. Нотные же партитуры, словно воочию, представили структурные разновидности песен, в которых возможным стало распознавание жанровых особенностей, стадийных изменений форм многоголосного мышления, гендерных различий исполнительской практики и др. Остановлюсь на нескольких примерах компромиссного решения в отношении атрибуции жанров, имеющих место в адыгской антологии, подготовленной под общей редакцией Е.В. Гиппиуса. Как выше было указано, эпическим песням полностью отводится II том, что, логически можно предполагать по трактовке главного редактора, указывает на самостоятельный характер жанрообразования в отрыве от понятия «старший и младший эпос». В то же время III том (часть 1) открывается 3-мя вариантами «Песни о могучих нартах», где вербальный текст носит безусловное эпическое содержание, «... *когда мир еще не отвердел, когда землю овцами утаптывали...*», а герои наделены гиперболизированной характеристикой [Народные песни... адыгов 1986: 37–47].

С точки зрения исследователя-филолога признание подобных текстов к эпическому жанру, на первый взгляд, было бы справедливо. Однако, стилистика мелодии песен, характер корреляции партий солиста и мужского хора (*ежью*), их драматургическая роль в формообразовании отражают более поздний тип фольклорного мышления. И другой пример. В этом же томе есть несколько песен (Пшинатль о Ечаноковых, Песня об Очноуской битве, Абадзехская походная песня), которые в плане музыкальной характеристики практически совпадают с признаками нартской песни (малообъёмность диапазона мелодики, мерный характер звуковысотных повторов). При этом тексты в перечисленных песнях отражают либо ситуативность внутренних распри, относящиеся к позднему историческому периоду (№ 1), либо столкновение конкретных межплеменных интересов (№ 2), либо конфликты между черкесами и русскими солдатами (№ 3) [Народные песни... адыгов: 48–50, 55–61, 62–63].

В рассмотренных 6-ти песнях очевидным представляется общее музыкально-поэтическое содержание, которое имеет двойственный характер и перед исследователем встает дилемма, каким образом он должен их атрибутировать. В данном случае, что они все оказались отнесенными к историко-героическому жанру, с чем мы вполне согласны. Принятие именно такого решения, должно быть, инициировано Е.В. Гиппиусом в тандеме с составителями-носителями данного фольклорного творчества В.Х. Барагуновым и З.П. Кардангушевым и по этой причине также у нас не вызывает никакого сомнения. Авторитетное мнение выдающегося ученого, его глубокие знания, в том числе и адыгского фольклора, наиболее доминирующий музыкальный фактор в трех «Песнях о могучих нартах», противоречащий стилистике типовой мелодики эпического (нартского) жанра и фабульности сюжетов в последних трех песнях, имеющих конкретное историческое место действия, разрешили, казалось бы, спорный вопрос.

Однако в отношении названия данных песен у нас сложилось свое мнение. В адыгском языке слово «*нартыжъ*» имеет составной характер (*нарт* и *жъы*), которое переводится как «старый нарт». Здесь необходимо заметить, что в адыгской разговорной речи прочное место занимает выражение *уэрэдыжъ* (старая песня), которым подчеркивается их раннее историческое возникновение, вкладывая в это определение особый смысл ценностного значения. З.М. Налоев, принимавший активное участие в транскрипции вербального текста четырехтомной антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» на русский язык, писал, что «термин “уэрэдыжъ”... означает “песня старая великая”⁴ [Налоев 1986: 6].

Такой образный подход к переводу был связан с важной задачей авторов-переводчиков, как можно успешнее выполнить свою миссию по раскрытию смыслового контекста в песенных текстах. Исходя из сказанного, мы утверждаем, что «Песни могучих нартов» имеют безусловное отношение к жанру историко-героических песен, что вполне очевидно по признаку музыкальной характеристики. А признаки эпического жанра (общая сюжетная канва, отдельные формульные словосочетания) и название песни, имеющей первоисток из народной терминологии, свидетельствуют о сакрально-ценностном восприятии народом своей глубокой истории, которое он выражает новым ритмоинтонационным и композиционно-структурным языком в более позднюю эпоху⁵.

Аналогичные примеры нередко могут повторяться, когда в процессе развития фольклорного сознания в новых социокультурных ситуациях возникают более сложные явления межжанровости, наджанровости, а по определению И.И. Земцовского «жанровые области» или «жанровая группа... после них... жанровые семьи» [Земцовский 1983: 64–65]. В таких случаях необходимо исходить из фундаментальных базовых знаний, которые определяют важнейшие классификационные принципы жанрообразования. Такая установка может оказаться продуктивной, если следовать мнению известных фольклористов современности И.И. Земцовского и А.Б. Кунанбаевой: «эпическое в фольклоре отличается от эпического в литературе письменных традиций, а эпическое в музыке – от эпического в словесных видах творчества» [Земцовский, Кунанбаева 1989: 21]. При этом на автора ложится большая ответственность аргументированного выбора доминирующих отличий, отражающих историческое время его формирования в соответствии с господствующим уровнем этнокультурного сознания и характером мышления, пространственно-временное действие изначальных функциональных предназначений вне эстетической оценки, и ясное представление причин трансформационных стилистических качеств, естественным образом возникших в процессе долгого функционирования.

Однако мы должны констатировать, что в проблеме стратификации народно-песенных жанров до сих пор еще существуют «белые пятна» и не разрешенные

вопросы, главным образом продиктованные несинхронностью «поэтических и музыкальных жанров народной культуре», о чем говорил Е.В. Гиппиус [Дорохова, Пашина 2013: 59], до сих пор остающейся непревзойденным апологетом структурно-типологического метода научного исследования. Не наблюдаются координированные усилия исследователей, представляющих смежные научные сферы филологии и этномузыкологии, по выработке единой стройной системы классификации, основанных на априорных стилистических маркерах, столь необходимых для взаимообусловленных отношений текста и напева в фольклорных народно-песенных жанрах.

Примечания

¹ Достаточно часто можно встретить данное словосочетание как «лиро-эпическое» в терминологическом значении, в котором допускается морфологическая ошибка – слово «лира», обозначающее старинный музыкальный инструмент. Исходя из этимологии его происхождения и учитывая специфическую сферу (искусство и литература), где больше всего оно распространено, точнее будет прилагательное «лирико-эпическое», соединяющее семантику двух родов литературы «Эпос» и «Лирика».

² В этих словах ученый достаточно ясно разъясняет свое отношение к дефиниции «лирическое». С одной стороны, он соглашается с тем, что лирика «всегда» существовала как средство характеристики субъективных чувств человека в обрядовых жанрах (свадебные лирические песни) и как характер волнообразно-напевной мелодики, отражающей плавность темподвижения и витиевато-полифоническую «узорчатость» русских хороводов. С другой стороны, И.И. Земцовский говорит с позиции жанровой дифференциации об особой группе песен, достойных самостоятельного жанрового существования (лирическая протяжная песня) по важным признакам отличия: неприуроченность к определенному действию, особая (сквозная) многоголосная форма изложения, широкие внутрислоговые распевы (по народной терминологии «проголосные») [Земцовский 1967].

³ В адыгской фольклористике эти песни получили устойчивое жанровое обозначение «историко-героической песни», включающее различные «звенья», по нашему мнению, поджанровые группы, дифференцируемые по признакам функциональности. Это героические песни, баллады, очистительные песни, песни сетования, песни-плачи, в которых нередко соседствуют общая повествовательность, эмоциональная характеристика героев, элегическое настроение, мотивы оплакивания и т.д. Жанровая идентификация указанных песенных текстов рассматриваемого этапа фольклорного творчества (XV–XIX вв.) представляет еще одну неразрешенную проблематику, требующей отдельного формата исследования.

⁴ О полисемии (многозначности) отдельных выражений в адыгских фольклорных текстах как явления асимметрии *знака* и *значения*, возникающих за счет корневых формантов *жъ*, *фI*, *к*, впервые затрагивал в своих исследованиях А.М. Гутов [Гутов 1975; Гутов 2005].

⁵ Известно, что Е.В. Гиппиус в своей концепции жанрово-системного определения учитывал сложившуюся веками народную терминологию, однако его ученики вспоминают предостережение ученого о том, что «нельзя ее и *абсолютизировать*» (Курсив наш – Б.А.) [Дорохова, Пашина 2013: 59].

Источники и литература

1. Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. 1. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши / под ред. Е.В. Гиппиуса. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 432 с.
2. Аишотов Б.Г. Традиционная адыгская песня-плач гъыбзэ. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 235 с., нот.
3. Васильева Е.Е. Реальность идеального мира (структурно-типологическое моделирование как инструмент сопоставления культур) // PAX SONORIS: история и современность. Научный журнал. Вып. II (IV). Астрахань, 2009. С. 9–12.

4. Гутов А.М. Историческая память народа // Адыгские песни времен Кавказской войны / отв. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. С. 5–28.
5. Гутов А.М. Некоторые вопросы сюжетосложения адыгского нартского эпоса // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1975.
6. Гутов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: Принт Центр, 2018. 264 с.
7. Дорохова Е.А., Пашина О.А. «Я всегда считал себя историком музыки»: к юбилею Е.В. Гиппиуса // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 2 (13). С. 56–61.
8. Дорохова Е.А., Пашина О.А. Научная проблематика исследований Е.В. Гиппиуса // Материалы и статьи к 10-летию со дня рождения Е.В. Гиппиуса. М., 2003. С. 17–58.
9. Земцовский И.И. Из мира устных традиций: заметки впрок. СПб., 2006. С. 61–70.
10. Земцовский И.И. К теории жанра в фольклоре // Советская музыка. 1983. № 4. С. 61–65.
11. Земцовский И.И. Русская протяжная песня. Л.: Музыка, 1967. 197 с.
12. Земцовский И.И., Кунанбаева А.Б. Общие вопросы этномузыковедческого изучения эпоса // Музыка эпоса: статьи и материалы. Йошкар-Ола, 1989. С. 6–23.
13. Карельские народные песни / сост. и вступ. ст. Л.М. Кершнер; ред., предисл. и коммент. Е.В. Гиппиуса и В.Я. Евсеева. М.: Музгиз, 1962. 130 с.
14. Кузнецов И.В. Проблема жанра и теория коммуникативных стратегий нарратива // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 61–70.
15. Кумехова Л.Ж. Фольклор и фольклористика: смена парадигм // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сб. ст. / сост. А.Дж. Магомедов. Махачкала, 2007. С. 41–47.
16. Кунанбаева А.Б. Жанровая система казахского музыкального эпоса: опыт исследования // Музыка эпоса: Статьи и материалы. Йошкар-Ола, 1989. С. 82–112.
17. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.
18. Назайкинский Е.В. Стиль и жанр в музыке: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2003. 248 с: ноты.
19. Налоев З.М. Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1986. Т. 3. Ч. 1. С. 5–34.
20. Налоев З.М. Женщины – творцы великих песен // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 61–81.
21. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1980–1990. (Т. 1. 1980. 224 с.; Т. 2. 1981. 232 с.; Т. 3. Ч. 1. 1986. 264 с.; Т. 3. Ч. 2. 1990. 488 с.).
22. Осетинские народные песни / под. ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1964. 249 с.
23. Памятники мордовского народного музыкального искусства: в 3 т. / под ред. Е.В. Гиппиуса, сост. Н.И. Бояркин. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981–1988. (Т. 1. 1981. 292 с.; Т. 2. 1984. 320 с.; Т. 3. 1988. 336 с.).
24. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.
25. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
26. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства: Учебное пособие. СПб.: Издательство «Лань», 2000. 320 с.

NARTSKY SONGS BY ADYGHE: TO THE ISSUE OF GENRE DIFFERENTIATION

Ashhotov Beslan Galimovich, Doctor of Art History, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs of the North Caucasus State Institute of Arts (SKGII), bashkhotov@mail.ru

The problem of genre definition in folklore is still relevant. It acquires a special meaning in connection with the study of song creativity in the context of a multi-color palette, self-value and identity of each ethnic culture, and most importantly, in the inextricable unity of words and music, which contain the paradigm of artistic expression. The article presents various

classification principles of philologists and ethnomusicols in relation to stratification of epic (Nart) songs of the Adygs.

Keywords: Adyghe folklore, the heroic epos «Narts», the Nart epic songs (pinacle), classification of genres.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-133-144

МЕСТО НАЗВАНИЙ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Шериева Нина Гумаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), nina.sherieva@mail.ru

Статья посвящена исследованию образной составляющей фразеологизмов, содержащих в своем составе названия блюд и различных пищевых продуктов. Цель работы – выявление смыслов, получаемых указанным фрагментом в кабардино-черкесских фразеологизмах. Подобная работа проводится впервые на материале кабардино-черкесского языка. В научный оборот запускается значительное количество фразеологических единиц кабардино-черкесского языка, в которых метафоризации подвергаются понятия, обозначающие пищу. Они подвергнуты классификации, в результате которой сформированы ряд семантико-тематических групп. Актуальность темы статьи заключается в недостаточной изученности фразеологических единиц в целом, и, в частности, той тематической группы, которая стала объектом изучения данной статьи.

Ключевые слова: фразеологизм, культура, образная составляющая, национально-культурные особенности.

Особенности национальных традиций, безусловно, находят отражение в языке, который на протяжении веков фиксирует и сохраняет все элементы этнической самобытности. Проблема взаимосвязи языка и культуры рассматривается давно и разрабатывается в различных направлениях. Здесь большую роль играет фразеология. В.Н. Телия называет фразеологический состав языка зеркалом, в котором идентифицируется национальное самосознание лингвокультурной общности, при этом разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру [Телия 1996: 9]. Особую ценность имеют фразеологизмы, которые являются национально-специфическими и отражают характерные особенности культуры и быта, обычаи, символику. Именно они, как замечено исследователями, аккумулируют в себе информацию не только о культурных традициях народонаосителя языка, но и об особенностях его мировосприятия, о формах языковой концептуализации действительности [Кумыкова 2017: 75].

Предметом исследования в настоящей статье являются фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом-наименованием пищи. Фразеологизмы, содержащие названия пищи, в кабардино-черкесском языке образуют весьма большую группу. Причину мы усматриваем в том, что названия пищи являются одним из древнейших пластов лексики, они составляют универсальный лексический фонд любого языка, отражают представление человека о материальном аспекте своего существования. У каждого народа, в каждой культуре свои особенности потребления и приготовления пищи. Пища также является источником сведений не только о быте народа и восприятии им вкусовых качеств, формы, но и дает информацию о лингвистических тенденциях, обусловленных языковыми факторами. Данные термины представляют большой интерес с точки зрения изучения лексической системы языка, чем и обоснован выбор темы данной статьи.

Во внутренней форме некоторых кабардино-черкесских фразеологизмов сохраняются придающие им культурно-национальный колорит значения. Например, фразеологизм (54) *кӀэрывэж мэжаджэ* «лишний элемент или лишний человек в каком – либо деле, ненужный» [букв.: приварившийся чурек] тот, кто «приваривается», кто приспособливается; (сбоку припеку – о чем-то ненужном, необязательном) возможно, возник во время ситуации печения *мэжаджэ* «чурека» = хлеба, когда сбоку возникают наплывы из теста, которые пригорают и в пищу не употребляются. Семантику таких фразеологизмов можно объяснить с позиций ценностных установок, свойственных ментальности нации, т.е. в терминах национальной культуры: отделившееся тесто не может быть использовано в пищу, т.к. подгоревшие черные частички покрываются коркой; следовательно, наросты сбоку не нужны, это плохо.

Перейдем к непосредственному анализу привлекаемых нами фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из разных словарей кабардино-черкесского языка, а также из художественной литературы. Буквальный перевод кабардино-черкесских фразеологизмов на русский язык выполнен автором статьи. Те ФЕ, значение которых трудно определить русскими переводами, сопровождаются пояснительным текстом.

1. Факъырэ кхъуейуэ лъэлъэжаш – [букв.: рассыпалось как нищенский сыр] – о неудавшейся затее.

2. Шыгъу пут зэдумышхуэ узэрыщӀэркъым – познать друг друга непросто [букв.: не узнаешь человека, пока пуд соли не съешь].

3. Ди шыгъуӀастэ зӀурылъщ – мы не чужие друг другу [букв.: ели хлеб – соль вместе].

4. [Я] шыгъуӀастэ зэхэлъын есть из одной тарелки [букв.: делиться хлебом – солью] – о крепкой дружбе.

5. ХъэлывэӀашхъэ зэпытхъын – есть чей-л. хлеб–соль [букв.: преломить края пирога].

6. Бгым (кӀуршым) джэдыкӀэкӀэ еуэн – заниматься непосильным делом, заранее обреченным на неудачу [букв.: по скале яйцом бить].

7. ДжэдыкӀэм цы къыхэхын – проявлять вьедливость, дотошность [букв.: вытащить из яйца волосинку] – придавать чему-либо незначительному, маловажному большое значение.

8. ДжэдыкӀэ пӀытӀыну лъытэн – быть внимательным, щепетильным с кем-чем либо [букв.: относиться как к яйцу, которое можно раздавить ненароком].

9. ДжэдыкӀэ пӀаӀпӀэм ещхуэ къехъэкӀын осторожно, аккуратно носить кого – что-либо [букв.: относиться как к яйцу, снесенному без скорлупы] – тщательно, заботливо оберегать, стеречь что-либо очень важное.

10. ДжэдыкӀэ пӀаӀпӀэм хуэдэ – скользкий, таящий в себе что-либо опасное, сомнительное [букв.: как недоношенное яйцо].

11. ДжэдыкӀэ шкӀумпӀэ и уасэкъым – гроша медного не стоит [букв.: тухлого яйца не стоит] – так говорят о никчемном человеке.

12. ШӀэр кыӀурож – молоко на губах не обсохло [букв.: молоко стекает из рта] – еще молод и неопытен.

13. ШӀэрэ лъыуэ зэщӀэтщ – имеет цветущий, здоровый вид [букв.: кровь с молоком] – о крепком, здоровом человеке.

14. ШӀэми шхуми исын – и так плохо, и этак нехорошо – о сложной ситуации, когда нужно делать выбор [букв.: и молоко и кислое молоко обжигает] – находиться меж двух огней.

15. ШӀэм исар шхум щощтэ – обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду [букв.: кто обжегся на молоке, будет дуть и на кислое молоко] – излишне осторожничать, помня о прошлых ошибках.

16. И щӀэр кӀовэ – с жиру бесится [букв.: (его) жир кипит] – обычно так говорят в адрес человека, который привередничает.

17. ТхӀур ӀукӀэ (ӀупэкӀэ) ез – живет богато [букв.: ртом масло цедит].

18. Тхъум хэсын – жить роскошно, в достатке, кататься как сыр в масле [букв.: сидеть в масле].

19. Форэ тхъурэ ІукІэ зын – жить припеваючи, жить в достатке, в жиру кататься [букв.: ртом масло и мед цедить].

20. Форэ тхъукІэ шхэн – в сытости, в достатке [букв.: питаться медом и маслом].

21. Псым тхъу трех – переливать из пустого в порожнее [букв.: с воды снимать коровье масло] – попусту тратить время.

22. Псым дагъэ техын – быть очень жадным [букв.: с воды снимать масло].

23. Зытемыль тхъу трех – заниматься пустой болтовней, пускать пыль в глаза [букв.: снимает (коровье) масло там, где его нет] – заниматься чем-либо явно бессмысленным, бесполезным, пустым делом.

24. Тхъу щыхуэн – сделать кому-л. что-либо приятное; осчастливить кого-л. [букв.: намазать коровье масло на кого-л.].

25. Тхъупсыр гъэжэн (тегъэльэдэн, къегъэжэхын) не в меру расхваливать кого-либо [букв.: маслом покрывает].

26. Форэ цыуэ зэкІэрыпщІэн – жить душа в душу [букв.: слипнуться (сердцам) как мед с шерстью], присохнуть(прилипнуть сердцем).

27. Бжыхъэ кІапэрывэ, шху пІастэ вакІуэ – о человеке беспечном [букв.: осенью курдюк варит, а на пахоте пищей ему служит кислое молоко с кашей].

28. НэкІужь пІастэ гъэжъа хуэдэ – некрасивое лицо [букв.: лицо, словно поджаренная паста (каша)] – о грубом, угловатом лице.

29. Дахэ и напэ пІастэ ирагъэпщІыркъым – с лица воду не пьют [букв.: пасту о красивое лицо не макают] – так уговаривают человека жениться или выйти замуж не за внешние данные, а за внутренние качества или иные достоинства.

30. И дзыгъуэ лъынэ къокІ живет в достатке [букв.: у его мыши течет жир] – так грубо называют человека, деятельность которого вызывает у окружающих пренебрежение или презрение.

31. Дэкум хуэдэу (дэкуу) къэгъэпщІэн – обмануть, надуть кого-л., вводить в заблуждение, обещать и не выполнять обещанного [букв.: обмануть, как пустым орехом] – обманывать кого-либо, плохое выдавать за очень хорошее (обманывать очень умело).

32. И щІакхъуэ Іыхъэр къыжъэдэтхын – оставить без хлеба кого-либо [букв.: отобрать у кого-либо его кусок хлеба] – о ситуации, при котором лишают всего (разоряют).

33. Факъырэ Іус дагъэ текІыркъым – от подаяний не разжиреешь [букв.: от нищенского подаяния масла не снимешь].

34. Вы закъуэ мэш мэжаджэ – бедняцкое, нищенское хозяйство [букв.: один вол и чурек из проса].

35. Жъэм хъэкъурт жъэдэлъын – ни одного слова не произнести, молчать, словно в рот воды набрал [букв.: словно во рту лежит жаренная кукуруза].

36. Къурт жъэдэлъ хуэдэщ – ничего не говорит, словно в рот воды набрал [букв.: словно во рту сухой сыр лежит] – о человеке, который говорит невнятно.

37. И жъэ хъэлІамэ гъэва жъэдэлъ хуэдэ – молчать, будто рот зашили [букв.: словно во рту вареная хатлама].

38. ХъэлІамэм и кум йодзакъэ – свое не упустит [букв.: кусает хатламу прямо с середины].

39. ХъэлІамэр и Іыхъэу къэнэн – остаться без ничего (с носом) [букв.: остаться с куском хатламы].

40. ХъэлІамэ гъэва уощІэ – ничего ты не знаешь [букв.: ты знаешь (только) вареную хатламу].

41. Хъэмрэ хумрэ хузэхэмыгъэкІын – быть круглым невеждой, не разбираться в элементарных вещах [букв.: ячмень от проса не может отличить] – о заурядном человеке, не имеющем чего-либо яркого, выразительного.

42. ХугукIэ лъэнkIаpIэ – о слабом, немощном, тощем человеке [букв.: ноги питавшегося шелухой проса].

43. ЩIакхъуэ Iыхъэр къэлэжыжын – зарабатывать на свое существование, на хлеб [букв.: заработать свой кусок хлеба].

44. ХъарбызитI зы IэкIэ Iыгъын – погнаться за двумя зайцами, братья за что-либо неосуществимое. [букв.: пытаться удержать два арбуза одной рукой].

45. Къэбым хуэдэу джафэщ – совершенно лысый (голый, как колено) [букв.: гладкий, ровный, как тыква].

46. IэшрыIыр зыгъэвам ирырефыж – сам заварил кашу, сам и расхлебывай [букв.: кто сварил обрядовый суп, тот пусть и ест сам] – о человеке, создавшем сложную ситуацию, из которой трудно выйти.

47. IэшрыIыу зэхэлъщ – все перепуталось [букв.: все вперемешку, как в ашра – обрядовом супе, состоящем из многих компонентов].

48. И джэшыр къикIын – посчастливиться, повезти (в делах) [букв.: выпал его счастливый жребий – его фасоль] – очень везет и все получается.

49. Шыбжий хуиудэн – задать перцу кому-л. [букв.: всыпать кому-либо перцу] – сурово, сильно наказать, отругать кого-либо.

50. Хъэ kIытэу къэвэн (къыззрыкIын) – болтать, говорить без умолку, вести пустые разговоры [букв.: как ячменный солод бродить].

51. И псалгэ фоупсц – слащавый, медоточивый [букв.: его слово – вода медовая].

52. Шашхъэр техын – брать себе самую лучшую часть чего-л. [букв.: снять сливки с поверхности молока].

53. Бзу кхъуей фIэкIа ямыIэ шыIэкъым – говорят о тех, кто ни в чем не знает нужды [букв.: все у них есть, кроме птичьего сыра].

54. KIэрывэж мэжаджэ – лишний = пятое колесо [букв.: «приварившийся» чурек] – лишний, ненужный элемент или человек в каком – либо деле.

55. И щхъэм шху къекIыха хуэдэ – о седом человеке [букв.: его голова словно кислым молоком облита].

Рассмотрим подробнее некоторые из ФЕ, содержащих наименования продуктов. Фразеологизмы с компонентом *тхъу* «масло» употребляются, в основном, для положительной оценки ситуации. Нам кажется, что это связано с таким свойством масла, как его жирность, обеспечивающая разные возможности: жарить, мазать что-либо. Фразеологические единицы *тхъур IукIэ (IупэкIэ)* ез «живет богато»; *тхъум хэсын* «жить роскошно, в достатке» также, *форэ тхъурэ IукIэ зын* «жить припеваючи, жить в достатке, в жиру кататься» имеют семантику без забот, в полном довольстве, достатке; вести праздный образ жизни; не знать ни в чем нужды, поскольку коровье масло является символом жизненного благополучия и сытости, а во фразеологизме *фо* «мед» – символ бессмертия. Считается, что *фо* «мед» придает мужественность, силу. Таким образом, мед символизирует не просто жизнь, а жизнь, полную радости и удовольствия. Соединение *форэ тхъукIэ* «медом и маслом» (20), которые совместно реализуются в одном обороте, еще больше усиливает эту символику.

В нашем сознании свойства этих продуктов связываются также с человеческими взаимоотношениями. Такой фразеологизм употребляется, если люди находятся в дружественных отношениях, или, обычно, когда речь идет об отношении между любящими. Так, если молодые супруги живут дружно и счастливо, мы говорим, *форэ цыуэ зэкIэрыпцIац* (26) «живут душа в душу» [букв.: слиплись как мед с шерстью].

Фразеологическая единица (25) *тхъупсыр гъэжэн (тегъэлъэдэн, къегъэжэхын)* «лестить кому-либо, непомерно расхваливать кого-либо; рассыпаться в похвалах» [букв.: маслом покрывает] выражает ситуацию, в которой приукрашивают факты, прибавляют что-либо эффектное или яркое для красного словца, преувеличивая или искажая этим действительность.

Варьирующиеся компоненты отличаются степенью интенсивности выражаемого действия: *гъэжэн* «лить вообще», *тегъэлъэдэн* «лить на кого-что-либо»; *къегъэжсэхын* «облить кого-либо (с головы до ног)». [Карданов 1973: 218–219].

Фразеологизм с компонентом *тхъу* «масло» также используется для выражения отрицательной оценки (21, 23) (букв. «снимает масло там, где его нет») выражают никчемность человека, занятого бессмысленным, бесполезным, пустым делом.

Фразеологизмы с ключевым компонентом *цэ* «жир»; *лъынэ* «жир домашней птицы» имеют разные культурные смыслы и разное символическое прочтение в кабардино-черкесском языке – символ достатка, материального благосостояния. В исследуемом языке значения реализуются в ФЕ (16) и *цэр къовэ* «его жир кипит» – быть материально обеспеченным, (30) и *дзыгъуэ лъынэ къокI* «живет в достатке» – позволять себе излишнюю роскошь.

Негативное значение приобретают фразеологизмы: (12, 44, 15, 51, 52) о тех, кто еще очень молод, незрел, неопытен; *хъарбызитI зы IэкIэ Iыгъын* «погнаться за двумя зайцами» т.е. преследовать две разные цели одновременно. Данное выражение употребляется для описания глупого поведения, а иногда – по отношению к человеку неопытному, незрелому [букв.: пытаться удержать два арбуза одной рукой]; *шэм исар ихум цоцтэ* «обжегся на молоке, дует и на воду» – человек, однажды потерпевший неудачу, становится излишне осторожным, предусмотрительным; Исследование фразеологизмов с «пищевым» компонентом позволяет утверждать, что в данной группе преобладают фразеологические единицы с отрицательной оценкой личностных качеств человека.

Примечательна фразеологическая единица с компонентом *шыбжий* «перец». Разговорное выражение с эмоционально-экспрессивной окраской «задать перцу» означает «жестоко бранить, отчитывать, наказывать кого-либо». Здесь основой фразеологизма послужило образное сравнение: перец имеет характерный горький вкус, и эта горечь сравнивается с болью. Отсюда появляется выражение *шыбжий хуудэн* (49) – «отругать, сурово наказать, давая почувствовать свою власть».

Следует отметить, что в кабардино-черкесском языке имеют место фразеологизмы, возникшие на основе народных обычаев, традиций и обрядов: *шыгъунIастэ къыхуэцтэн* «угощать хлебом – солью». *ШыгъунIастэ* «соль – паста» соответствует русскому хлеб-соль.

Это слово наделено в кабардинской культуре особым символическим смыслом и является олицетворением гостеприимства, щедрости, крепкой дружбы и др. Во фразеологизмах (3, 4, 5) *ди шыгъунIастэ зэIурылъыц* «мы вхожи в дом друг к другу»; [я] *шыгъунIастэ зэхэлын* «есть из одной тарелки», *хъэлывэпIашхэ зэпытхын* «есть чей – либо хлеб– соль», идентичная семантика – делить хлеб-соль, находиться в приятельских, дружеских отношениях.

Фразеологизмы с компонентом *джэдыкIэ* «яйцо» в кабардино-черкесском языке: *джэдыкIэ шкIумпI и уасэкъым* (11) – букв.: тухлого яйца не стоит] – человек, который не заслуживает внимания, уважения, никому ненужный и не имеет никакой ценности, никчемный; *джэдыкIэ пIытIыну лъытэн* (8) «быть осторожным» [букв.: относиться как к яйцу, которое можно раздавить ненароком]; *джэдыкIэ пIапIуIэм ецхъу къехъэкIын* (9) «осторожно, аккуратно носить кого – что-либо» [букв.: относиться как к яйцу, снесенному без скорлупы] – тщательно, исключительно заботливо оберегать, стеречь кого-что-либо как что-л. важное, обходиться с кем-нибудь предельно деликатно и осторожно. Фразеологизм *джэдыкIэм цы къыхэхын* (7) «проявлять вьедливость, дотошность» [букв.: вытащить из яйца волосинку] – придавать чему-либо незначительному, маловажному большое значение. Образ яйца противопоставлен волосу, главным средством в этом фразеологизме, безусловно, является гротеск [Ворокова 2003: 79]. *ДжэдыкIэ* «яйцо» – символ осторожности: *джэдыкIэ пIапIуIэм хуэдэ* (10) [букв.: словно недоношенное яйцо].

В группу, которую условно можно назвать «Физиологические и внешние особенности», входят фразеологизмы, которые дают экспрессивную оценку, с одной стороны, внешности [притягательности, привлекательности или непривлекательности] человека, а с другой – степени значимости внешних данных для личностной характеристики человека и его отношений с другими людьми. Наружный облик человека никогда не является основополагающим фактором оценки личности, куда более важным считались другие характеристики. *Шэрэ льгуэ зэццэтиц* (13) «иметь цветущий, здоровый вид» [букв.: кровь с молоком] – о крепком человеке, о людях со здоровым цветом лица, хорошим румянцем; который напоминает сочетание белого молока с красным румянцем; и *нэклужь пластэ гъэжъа хуэдэ* (28) «с неровной поверхностью лица» [букв.: лицо, словно поджаренная паста (паста – крутая каша обычно из пшена, употребляющаяся у адыгов вместо хлеба)]. Так говорят о некрасивом человеке; *дахэ и напэ пластэ ирагъэпццыркъым* (29) «с лица воду не пьют» [букв.: пасту о красивое лицо не макают]. Смысл: полюбить человека следует не за внешние данные, а за внутренние качества или иные достоинства.

Часто в кабардино-черкесском языке с помощью фразеологизмов характеризуется болтливый или, наоборот, неразговорчивый человек, осуждается невнятная речь: *жъэм хъэкъурт жъэдэльын* (35) – ни одного слова не произнести, молчить, словно в рот воды набрал [букв.: словно во рту лежит жаренная кукуруза]; *къурт жъэдэль хуэдэц* (36) «ничего не говорит, молчит, словно в рот воды набрал» [букв.: словно во рту сухой сыр лежит]; и *жъэ хъэллэмэ гъэва жъэдэль хуэдэ* (37) – молчать, будто рот зашили – [букв.: словно во рту вареная хатлама (хатлама – вареная лепешка из кукурузной или просяной муки)]. Эти примеры иллюстрируют национальное восприятие «молчунов» – раздражение, пренебрежение. С помощью фразеологизмов характеризуется и болтливый: *хъэ клытэу къэвэн (кызырыкын)* (50) «болтать, говорить без умолку, вести пустые разговоры».

Семантический признак «глупый, несообразительный» отмечен во фразеологических единицах: *хъэллэмэ гъэва уоццэ* (40) «ничего ты не знаешь»; *хъэллэмэ и кум йодзакъэ* (38) «кусает хатламу прямо с середины»; *хъэмрэ хумрэ хуэхъамыгъэкын* (41) «быть круглым невеждой, не разбираться в элементарных вещах».

Оценка физических данных человека представлена, в первую очередь, параметрической оценкой телосложения. Что касается телосложения, то здесь хугу «посевное просо» используются преимущественным образом для описания худощавого, тощего, щуплого человека: *хугуклэ лъэнкланлэ* [Бербеков, Бижоев, Утижев 2001: 13] (42) – о слабом, немощном, отощавшем человеке. Для создания выражений, передающих данное значение, используются разного рода компоненты, в которых присутствует отсылка к внешнему виду: [букв.: ноги питавшегося шелухой проса].

Таким образом, фразеологический состав языка несет в себе отпечаток национального мышления и культуры народа его источником является речь народа-носителя языка. В нем отражается культура народа, его обычаи, традиции; фразеологизмы сохраняют менталитет этноса, передают его культуру от поколения к поколению. Данный пласт языка представляет собой весьма ценное лингвистическое наследие. Тщательное исследование фразеологизмов с компонентом «пища» поможет обогатить представление об особенностях национального характера кабардинцев, о восприятии народом окружающей его действительности, о богатстве выразительных языковых средств, эмоциональной и ментальной жизни этноса.

Источники и литература

1. Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Ч., Утижеев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. (*Бэрбэч Б.Ч., Биццо Б.Ч., УтIыж Б.К*у. Адыгэбзэ фразеологизмхэм я псалъалъэ). Нальчик: Эльбрус, 2001. 234 с.
2. Ворокова Н.У. Национальная культура в идиоматике. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 137 с.
3. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 с.
4. Кумыкова Д.М. Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 1 (32). С. 71–76.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288. С. 7.

PLACE NAMES FOOD IN KABARDINO-CHERKESS PHRASEOLOGY

Sherieva Nina Gumarovna, Candidate of Philology, Senior Research Associate of the Sector of the Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), nina.sherieva@mail.ru

The article is devoted to the study of the figurative component of phraseological units containing in its composition the names of dishes and various food products. The purpose of the work is to identify the meanings obtained by this fragment in Kabardino-Circassian phraseological units. Similar work is being done for the first time to Kabarda-but-Circassian language. A significant number of phraseological units of the Kabardino-Circassian language, in which the concepts denoting food are subjected to metaphorization, are launched into scientific circulation. They are subjected to classification, which resulted in the formation of a number of semantic-thematic groups. The relevance of the topic of the article concludes in the lack of study of phraseological units in General, and, in particular, the thematic group that has become the object of study of this article.

Keywords: phraseology, culture, figurative component, national-cultural features.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-145-151

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу «Атлас черкесского (адыгского) шичепшина» Гучева Замудина. – Майкоп: Качество, 2016. – 468 с.

Омарова Гульзада Нурпеисовна, доктор искусствоведения, этноинструментовед, (Казахстан)

Прежде чем говорить об уникальном издании в области современного этноинструментоведения – Атласе черкесского (адыгского) шичепшина – хочется сказать о том, что это издание является в первую очередь огромной данью такому явлению, как *преемственность* культур. Известный философ Яков Голосовкер писал еще в прошлом веке, что преемственность – это «постоянство в изменчивости», и как «постоянство в изменчивости» преемственность есть основной закон бытия культуры, закон сохранения ее базовых начал. Благодаря именно этому закону мы еще, к счастью, маркируем сегодня *субстанционально* культуры разных народов и континентов.

Однако в XXI веке в условиях дальнейшего стремительного движения человечества по пути материально-технического прогресса и беспрецедентного развития информационных технологий все более и более усиливаются процессы глобализации, а вместе с ними такие явления, как интернационализация и универсализация культур. В этой ситуации, как оказалось, весьма проблематично сохранить самобытность именно *духовных традиций* народов. И если в 70–80 г.г. XX столетия осознается огромная ценность, скажем, восточных культур для человечества и признается их право на собственный путь развития (преодоление европоцентризма), то в XXI веке человечество оказывается почти бессильным против жестких законов современных рыночных отношений в постиндустриальном пространстве. Между тем, по моему глубокому убеждению, сохранение разнообразия культур и их самобытности – залог духовного и душевного здоровья не только каждой нации (народности), но и всего человечества в целом!

Поэтому деятельность таких личностей, как Замудин Гучев в адыгской культуре, трудно переоценить, и все народы, у которых есть такие личности и такие культурные деятели, отдают им дань огромного уважения и благодарности. Это люди, которые не только пытаются сохранить культурные достижения и традиции своего народа, но неустанно ищут пути их дальнейшей жизни, пути продолжения лучших народных традиций. На это направлена, как правило, вся жизнедеятельность, грани которой поразительно разнообразны у З. Гучева: будучи мастером по национальным видам декоративно-прикладного искусства адыгов (плетение циновок), он настойчиво овладевал искусством резьбы по дереву и увлекся изготовлением народных музыкальных инструментов, что практически невозможно без овладения самой техникой игры на этих инструментах. В результате Замудин стал не просто мастером звучащих музыкальных орудий, но и знатоком древних адыгских народно-музыкальных традиций. Работа же по возрождению инструментов в современной культуре, начавшаяся с изготовления и озвучивания инструментов, естественно привела и к кропотливой собирательской деятельности, и к исследовательско-пропагандистской. И, наверное, пиком осознания своей миссии для Замудина Гучева стало то, что он, погрузившись в Традицию и познав ее, пришел к педагогической деятельности – то есть осознал необходимость сохранения в современной культуре и древнего искусства *джегуако*, и инструментального творчества *шичепшина*, и других черкесских (адыгских) традиционных форм инструментального, инструментально-ансамблевого и вокального

исполнительства. И, конечно, для того, чтобы сохранить завещанное современным потомкам адыгов музыкальное наследие, необходима трансляция, то есть процесс передачи его по отработанному веками каналу «учитель-ученик» (в восточных традициях это *устаз (устоз, устод)-шакирт (шакирд и т.д.)*).

Вот этот Путь от музыкального мастера к деятелю культуры, исследователю и педагогу по сути и отражен в «Атласе черкесского (адыгского) шичепшина» З. Гучева. На самом деле, ведь только настоящий мастер, знаток и увлеченный собиратель-исследователь мог создать подобный атлас (атлас ОДНОГО инструмента), аналога которому, если я не ошибаюсь, нет нигде в мире. Во всяком случае, – в таком полном собрании и многообразии (здесь и сохранившиеся из прошлых веков, и современные инструменты) национальной разновидности древнего типа смычкового хордофона. Конечно, на такой огромный труд, как Атлас шичепшина, автора вдохновили не только сохранившиеся в музеях и частных коллекциях инструменты, но и сама живая еще музыка, и ряд поколений ее исполнителей, которые и донесли до наших дней разные традиции игры на этом инструменте – их мы видим воочию в коллекции фотоматериалов Атласа. И продолжая традиции изготовления, изучения шичепшина, Замудин Гучев тем самым способствует возрождению как самого инструмента, так и музыкальных традиций, которых, как показано в Атласе – множество.

Таким образом, «Атлас шичепшина», написанный на 3-х языках, демонстрирует, фактически, всему миру сегодняшнюю реальность адыгского шичепшина, реальность, представленную и *визуально*, и *аудиально* (к Атласу прилагается CD-диск – Антология сольного и ансамблевого исполнительства на шичепшине). Поэтому человек, который откроет эту большую, энциклопедическую по своему содержанию, книгу, вне всякого сомнения, почувствует и *дух*, и *душу* адыгского народа... Высочайший же уровень научного издания Атласа раскрывается в его строении и структуре, выстроенной логической последовательности разделов, информационной насыщенности и полном охвате материала – от наглядных конструктивных особенностей всех (традиционных, нетрадиционных, модифицированных) инструментов с их локальными разновидностями (восточно-, западночеркесские). Поражает объем сведений как об инструментах в самом Атласе, так и многочисленных источниках – литературных, научных, полевых, архивно-документальных, СМИ – о шичепшине и в целом о музыкальной культуре адыгов (см. раздел Литература), каждом исполнителе, ансамблях, их выступлениях, публикациях о них и пр. В этом смысле, без преувеличения – «Атлас черкесского (адыгского) шичепшина» Замудина Гучева является *эталонным* для всех сегодняшних этномузыкальных культур! В этом заслуга и научных редакторов издания – доктора искусствоведения проф. Соколовой А.Н., написавшей замечательную вступительную статью к Атласу, и проф. Унароковой Р.Б., доктора филологических наук.

И последнее. Имея такое научное издание, в котором собрана, фактически, вся имеющаяся информация о важнейшем музыкальном инструменте в культуре народа, о формах его бытования и музицирования, исполнительской технике и исполнителях, наконец, о собранном из всех возможных источников исполнительском репертуаре, реально звучащем на аудио- и видеозаписях, демонстрирующих живое музыкальное искусство, можно смело и активно разворачивать работу по восстановлению полного функционирования в современной музыкальной культуре ценнейшей народной традиции. Эта работа, естественно, многогранна и многовекторна и требует коллективных усилий музыкантов-исполнителей, культурных деятелей, ученых, педагогов, и, конечно, – соответствующих государственных органов и структур. Поэтому остается пожелать успехов на этом благородном поприще всех энтузиастов, которых объединит такое великое начинание, как «Атлас черкесского (адыгского) шичепшина» Замудина Гучева!

АДЫГСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв. (к 75-летию Адама Гугова)

Алиева Алла Ивановна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, matilda19@yandex.ru

Статья посвящена обзору творчества одного из ведущих эпосоведов Северного Кавказа, фольклориста и литературоведа А.М. Гугова. Дается общая характеристика научной деятельности юбиляра и анализируются его основные труды. Большой акцент делается на трудах А.М. Гугова в области эпосоведения, где ему принадлежит заслуга разработки ряда ключевых проблем поэтики, сбора и публикации полевых материалов, систематизации фольклора адыгов. Отмечается, что немалое значение имеют проведенные А.М. Гуговым исследования по истории национальной литературы и персонально статьи о творчестве целого ряда ведущих писателей и деятелей просветительского движения. Обращается внимание и на деятельность в научно-организационном плане. Первая обобщающая работа, посвященная этому ученому дает основание судить о его значительном вкладе в фольклористику и литературоведение.

Ключевые слова: энциклопедист, поэтика, кавказоведение, нартский эпос, историко-героический эпос, фольклорно-литературные связи.

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей РФ, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук Адам Мухамедович Гугов отмечает первый серьезный юбилей.

Прежде всего следует подчеркнуть, что все названные выше высокие научные звания и должности Адама Гугова подтверждены впечатляющим списком (более 250) опубликованных монографий, научных и научно-публицистических работ, учебных пособий, литературно-критических и художественно-литературных трудов, так что может возникнуть вопрос: кто же такой Адам Гугов? В первую очередь – талантливый литературовед, фольклорист самой высокой пробы, увлеченный педагог, радеющий о воспитании нового поколения, начиная со средней школы и кончая подготовкой новой генерации адыгских филологов-литературоведов и фольклористов, к тому же щедро наделенный даром сплочения коллег-единомышленников для решения сложнейших научных проблем? Ответ будет однозначным: говорят, «талант не бывает один», вот и Адам Гугов талантлив во всем, что он делает, и всякое ответственное дело, за которое он берется, он выполняет безукоризненно. Эти слова относятся прежде всего, конечно же, к его ученым сочинениям, которые он готовит и публикует с завидной регулярностью.

Жанр и пределы данной заметки не позволяют охарактеризовать с исчерпывающей полнотой все, что сделал юбиляр. Поэтому остановлюсь на краткой характеристике его вклада в адыгское литературоведение и фольклористику. Но прежде будет справедливо сказать еще об одном даровании Адама Мухамедовича – его исключительной способности к научно-организационной работе, когда на протяжении трех десятилетий (1987–2017) в Институте гуманитарных исследований КБНЦ РАН он возглавлял научное подразделение — то большой сектор фольклора и литературы, то выделенный из него сектор адыгского фольклора, а то и отдел кабардино-черкесской литературы.

Для меня Адам Готов – прежде всего, фольклорист, увлеченно и очень успешно исследующий комплекс проблем, связанных с адыгским нартским эпосом – с его собиранием, текстологическим изучением, эдацией и решением очень непростых проблем в контексте всей северокавказской «Нартиады». Я с некоторым удивлением узнала, что в свое время он согласился возглавить работу по подготовке первой «Истории кабардино-черкесской литературы». В семидесятые годы XX в. мне пришлось редактировать «Очерки истории кабардинской литературы», и потому я могла представить всю сложность задач, стоявших перед руководителем такого новаторского труда. Но Адам Готов не только разработал четкий проект этого двухтомного труда, который был реализован под его руководством немногочисленным, к сожалению, коллективом кабардинских литературоведов; серьезное место в этом труде заняли разделы, написанные самим юбиляром.

Два тома «Истории кабардино-черкесской литературы» на кабардино-черкесском языке уже увидели свет и получили всеобщее признание; готов в первичном варианте к печати и русскоязычный вариант этого труда, имеющий свою функциональную специфику.

Успешная реализация этого проекта стала возможной совсем неслучайно: прежде всего потому, что наряду с фольклором А.М. Готов систематически и увлеченно занимался изучением разных этапов истории национальных литератур. Подтверждение тому – его содержательные исследования о классиках адыгских литератур (Бекмурзе Пачеве, Али Шогенцукове, Алиме Кешокове, Аскерби Шортанове, Темботе Керашеве), о новом поколении кабардинских поэтов и писателей (Х. Бештокове, А. Оразаеве, Р. Ацканове и др.), о представителях других северокавказских литератур – Р. Гамзатове, К. Кулиеве, Т. Зумакуловой, Н. Джусойты.

Высоко оценивая вклад Адама Готова в развитие адыгского литературоведения в современных условиях, когда происходит пересмотр и переоценка и многих произведений, и прежних концепций развития национальных литератур, все еще нередко называемых «младописьменными», осмелюсь утверждать, что все-таки главное дело всей его жизни – собирание, текстологическое изучение, публикация и, конечно же, исследование адыгского фольклора, прежде всего нартского эпоса в контексте всех других национальных версий «Нартиады» – абхазской, абазинской, осетинской, карачаево-балкарской, чечено-ингушской, разных народов Дагестана. Этому грандиозному эпическому творению народов Кавказа посвящены чуть ли не все страницы монографий Адама Готова. Самостоятельный интерес представляют и его исследования, посвященные таким практически еще не исследованным жанрам адыгского фольклора, как легенды и предания, героико-исторический эпос, исторические песни и др. Каждая из статей, посвященных этим жанрам, по сути – «автореферат» основательного монографического исследования автора, результаты которого изложены в статье кратко, но аргументированно. И если их развернуть, получится целая серия масштабных исследований.

И все-таки, как уже упоминалось, в центре исследовательских интересов Адама Готова – нартский эпос, с учетом, с одной стороны, почти двухвекового опыта, накопленного кавказской фольклористикой (и дореволюционного, и советского, а с другой – поиск новых путей в этом непростом и нелегком деле.

Подтверждение тому – сам перечень монографий юбиляра: «Поэтика и типология адыгского нартского эпоса» (М.: «Наука», 1993); «Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса» (Нальчик, 2000); «Нартский эпос: традиция и современность» (Нальчик, 2000); «Проблемы адыгского (черкесского) эпоса» (Нальчик, 2018), а также статей в коллективных монографиях – прежде всего, в таком авторитетном научном издании, как «Адыгская (черкесская) энциклопедия» (М., 2006), включившем важнейшие сведения по истории, литературе, культуре, фольклору адыгских народов не только в общероссийский, но и в европейский контекст – как, кстати, и монография «Адыгский эпос. Мотивы, типы, образная

система» (Саарбрюккен, Akademie Verlag, 2013) и ряд его книг и статей, изданных за рубежом.

Все исследования А. Гутова, посвященные нартскому эпосу, а их самое большое количество, основываются, с одной стороны, на внимательном и творческом прочтении всей совокупности опубликованных в XIX–XX вв. работ не только адыгских, но и всех других народов Кавказа, у которых этот эпос бытует. Это – в сочетании с блестящим знанием литературы, посвященной эпосу разных (не только кавказских), но и других народов нашей страны – позволило автору выйти на новый уровень эпосоведческих исследований и нередко по-новому осветить разные вопросы и нартovedения, даже, казалось бы, уже хорошо изученные, и общей теории народного эпоса. Убедительный пример – проведенный юбиляром анализ «Истории записи, публикации и изучения нартского эпоса» разных народов Кавказа, который выгодно отличается от аналогичных разделов в любой монографии, посвященной нартскому эпосу того или другого народа Кавказа, своим аналитическим характером, лапидарностью и вместе с тем точностью в оценке этих работ, а главное – их тактичностью и даже деликатностью, за которой стоит прежде всего уважение к труду предшественников и коллег.

Наглядное подтверждение тому – впервые четко сформулированная Адамом Гутовым оценка «популярных» сводов нартского эпоса, да еще в стихотворном переложении целой бригады поэтов-переводчиков, познакомивших в середине XX столетия мир с самыми выдающимися памятниками эпоса разных народов СССР. Адам Готов справедливо подчеркнул не только положительное значение этих переводов, но и тот факт, что нередко на их основе исследователи, не владевшие языками народов Кавказа, делали не всегда корректные «теоретические» выводы, и некоторые из них получили «права гражданства» в современном нартovedении. Число таких примеров можно легко увеличить.

Еще раз повторю, что жанр и размеры данной заметки не позволяют с максимальной полнотой охарактеризовать хотя бы часть того, что сделано юбиляром и оценить, например, нартovedческие исследования Адама Гутова в их совокупности. Лучшая и самая точная оценка – их активное включение в контекст современного нартovedения: практически ни одна новая работа, посвященная адыгскому нартскому эпосу – и не только адыгскому – не обходится без учета работ юбиляра. В силу этого остановлюсь чуть подробнее на его новейшей монографии «Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса» (Нальчик, 2018), которая заслуживает самого пристального внимания уважительного отношения к высказанным суждениям.

В ней, как подчеркивает автор, разрабатывается «...общая тема – эпос в его эволюции – и актуальные проблемы современного нартovedения» (с. 17), в пределах которой автор поставил своей целью «...делать акцент на нерешенных вопросах, которые ранее не удостоивались должного внимания, хотя они имеют бесспорно важное значение для изучения эпоса и народной культуры в целом» (с. 17) – таких, как функциональные изменения эпоса во времени, в частности, образы его персонажей; истоки нартского эпоса, роль эпических мотивов и сюжетов в современном обществе, взаимодействие эпоса и смежных жанров адыгского фольклора, параллели между версиями нартского эпоса народов Кавказа, бытующими на разных языках, языковые особенности сказаний.

В каждой из глав новой книги А.М. Гутова даются аргументированные ответы не только на все перечисленные выше вопросы, но и на целый ряд других, с ними тесно связанных. Выделим в книге Адама Гутова, может быть, самый главный – «...такой болезненный и для ученых, и для самих носителей эпической традиции, и для читательской аудитории вопрос, как общность ядра центральных мотивов грандиозного памятника словесного искусства, каким является нартский эпос» (с. 17).

Исследователь не только решился четко сформулировать этот вопрос, но и предложить его аргументированное решение. В частности, он предлагает видеть в полиэтничности эпоса не яблоко раздора, а, напротив, фактор консолидирующий. Вернее, проводится идея аналогии общности эпического памятника с вполне допустимой общностью происхождения основной массы народов, имеющих в своем фольклорном арсенале сказания о нартах. Юбиляр четко сформулировал условия, с учетом которых сообщество нартоведов может прийти к разумному консенсусу. Адам Гутов исходит из того обстоятельства, что в настоящее время разные версии нартского эпоса народов Кавказа находятся в стадии угасания (хотя об этом говорилось еще в середине XIX в.), но сейчас этот процесс действительно идет стремительно – и это касается любого эпического памятника, а не только сказания о нартах. Все версии «Нартиады» опубликованы с разной степенью полноты. «Поэтому – подчеркивает Адам Гутов – актуальной остается задача выработки единых принципов эдиционной работы над разноязычным материалом» (с. 27), включая текстологию, перевод на другие языки, подготовку научного аппарата – «только при этом условии все этноязыковые версии эпоса окажутся в равной мере доступными для сравнительного изучения» (с. 27).

Нартоведам, представляющим разные этноязыковые сообщества, до сих пор недоступны все версии нартского эпоса, представленные адекватно и во всей полноте на языке оригинала. За время с начала собирания и публикации нартских сказаний издано большое число сборников материалов, а также нартоведческих исследований, представляющих разные направления в науке, разные методологические школы и, соответственно, по-разному исследующие коренные проблемы нартоведения. Адам Гутов справедливо подчеркивает: «Некоторые авторы, явно одержимые выраженными этноцентрическими тенденциями, используют данное обстоятельство, чтобы загнать кавказское эпосоведение в извечные споры о генезисе и этноязыковой принадлежности основного ядра «Нартиады» (с. 29).

В истории российского нартоведения такое уже бывало, и не однажды. Еще в конце XIX в. основоположник исторической школы в фольклористике академик В.Ф. Миллер, опиравшийся в своих работах преимущественно на осетинскую версию, но исследовавший ее с учетом всей совокупности опубликованных к тому времени записей также адыгских, карачаево-балкарских, чечено-ингушских сказаний о нартах, одним из первых рассматривал нартский эпос как общее творение ряда народов Кавказа, подчеркивал его «многонациональный» характер и убедительно предостерегал нартоведов от поисков «первосоздателей его ядра».

Этот тезис выдающегося ученого получил аргументированное подтверждение на всесоюзных конференциях нартоведов 1956 г. и особенно – 1963 г., «...которые стали настоящим катализатором появления новых, более глубоких и объективных исследований эпоса и целой серии публикаций аутентичных текстов, ... помогли на годы вперед определить правильное методологическое отношение к фольклору» (с. 51). А.М. Гутов подтвердил этот тезис аналитической характеристикой большого ряда изданий разных национальных версий «Нартиады» и посвященных им научных трудов, причем выполненных не только в нашей стране, но и за рубежом. В результате он пришел к ряду убедительных выводов. «Дальнейшие исследования, – пишет он, – настоятельно требуют более четкой координации усилий ученых, исследующих разные языковые версии нартского эпоса, и тех представителей иных направлений гуманитарной науки, интересы которых имеют прямое отношение к традиционной народной культуре» (с. 55). Особенно важно, что автор монографии предлагает целую программу организации нартоведческих исследований, реализация которой откроет реальные перспективы результативного, продуктивного изучения неувядающего памятника духовной культуры народов Северного Кавказа – монументального эпического памятника – эпоса о богатырях нартах.

Адам Готов справедливо подчеркивает, что успешная реализация этой программы потребует от «...всякого современного исследователя и ценителя традиционной народной культуры соблюдения научной этики, корректности при постановке и попытках решения сложных проблем кавказского эпосоведения, а в нем, в частности, нартоведения как важного направления в изучении героического эпоса народов Кавказа. Это особенно актуально, когда речь идет о таком факторе, как претензии на правопреемственность носителей того или иного языка относительно эпического памятника с тысячелетней историей» (с. 20).

Я сердечно поздравляю своего талантливого коллегу Адама Гутова с днем рождения. Он пришел к этому дню с новыми книгами, в которых звучит сердечная тревога за судьбы традиционной культуры народов Кавказа, для сохранения и исследования которой он делает так много!

**CIRCASSIAN ENCYCLOPEDIST
OF THE END OF XX-TH BEGINNING OF THE XXI-ST CENTURY
(to the 75-th anniversary of Adam Gutov)**

Aliyeva Alla Ivanovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Folklore Department of the Institute of world literature named by A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences, matilda19@yandex.ru

The article is devoted to the image of the work of one of the leading participating in North Caucasus, folklorist and literary critic A.M. Gutov. The general characteristic of scientific activity of the hero of the day is given and main works are analyzed. Great emphasis is placed on the works of A.M. Gutov's in the field of epic studies where he is credited with the developing a number of key problems of poetics, collecting publications of field materials, systematizing the circassian folklore. It is noted that the studies conducted by A.M. Gutov on the history of national literature and personally articles on the work of a number of leading writers and educators have been considerable importance. The attention is also drawn to the activities of the scientific and organization plan. The first generalizing work devoted to this scientist gives grounds to judge his significant contribution to the folklore and literary studies.

Keywords: encyclopedist, poetics, Caucasian studies, Nart epos, historical and heroic epos, folklore-literary connections.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, межстрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального

государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
  - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
  - сведения об авторе;
  - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
  - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф.1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.
2. *АП* – Адыгэ псалъатэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.
5. *Карaulов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).
6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.
7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // Известия СОИГСИ. 2018. № 28 (67). С. 146–154.
9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).
10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.
11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.
12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.
13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л. 14

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 235

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушхова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*